

Серия «Отраслевые обзоры»
SR/19/01, апрель 2019 г.

Оценка влияния изменений социально-экономической политики на положение социально-уязвимых групп населения Беларуси

Глеб Шиманович, Александр Чубрик

© 2015 Исследовательский центр ИПМ

Оглавление

Расширенное резюме	4
1. Уровень бедности и социально уязвимые группы: некоторые Лаакенские показатели.....	6
1.1. Уровень бедности и неравенства	6
1.2. Глубина бедности и величина группы риска.....	9
1.3. Возраст	11
1.4. Пол	12
1.5. Тип домохозяйства.....	12
1.6. Место жительства.....	13
1.7. Регион	14
1.8. Социально-экономический статус.....	15
1.9. Образование	16
1.10. Причины бедности и основные социально уязвимые группы	18
2. Формулировка Сценариев и результаты моделирования	22
2.1. Методология и данные	22
2.2. Проявления кризиса: влияние макроэкономических показателей на благосостояние населения.....	24
Оценка чувствительности доходов населения к изменению макроэкономических показателей.....	24
Оценка влияния рецессии 2015–2016 гг. на доходы отдельных групп населения	25
2.3. Повышение тарифов на услуги ЖКХ	27
Оценка чувствительности доходов населения к изменению тарифов на услуги ЖКХ.....	27
Оценка влияния повышения тарифов на услуги ЖКХ на благосостояние отдельных групп населения.....	28
2.4. Структурные изменения: последствия на рынке труда.....	30
Последствия реструктуризации предприятий для занятости: пример Словакии	30
Оценка влияния структурных изменений на благосостояние отдельных групп населения	31
2.5. Реформа пенсионной системы: повышение пенсионного возраста.....	33
3. Возможные изменения социальной политики	35
3.1. Эффективность инструментов социальной политики	35
3.2. Дополнительные меры социальной политики, необходимые в условиях структурных изменений в экономике	37
Субсидии на ЖКХ.....	37
Пособие по безработице	39
3.3. Оценка последствий перехода к индексации пенсий на инфляцию для ФСЗН.....	39
4. Риски социальной нестабильности.....	42
4.1. Возможные последствия изменений экономической политики для социального контракта.....	42
4.2. Инструменты для оценки рисков социальной нестабильности.....	44
5. Основные выводы и рекомендации	48
Литература	51

Приложение 1. Методологические пояснения	53
(a) Черта абсолютной бедности	53
(b) Черта относительной бедности	53
(c) Шкалы эквивалентности	53
(d) Моделирование заработной платы, пенсии и занятости	54
Приложение 2. Оценка риска бедности: результаты эконометрического анализа.....	57
Приложение 3. Оценка влияния макроэкономических показателей на реальные доходы населения и эластичностей спроса на услуги ЖКХ по доходу и по цене.....	60
Приложение 4. Оценка вероятности незанятости.....	65
Приложение 5. Результаты моделирования.....	67
Приложение 6. Изменения восприятия роли и функций государства населением (социального контракта) в 2013 г. по сравнению с 2009 г.	71

Благодарности

Авторы выражают признательность сотрудникам ПРООН Бену Слэю и Виктору Мунтяну за плодотворное обсуждение данного исследования на начальных этапах, а также за ценные комментарии и рецензирование текста отчета. Авторы также благодарны программе МАТРА посольства Королевства Нидерландов за поддержку исследования бедности и среднего класса Беларуси, без которого данное исследование было бы неполным.

Отказ от обязательств. Позиция, представленная в документе, отражает точку зрения авторов и может не совпадать с позицией организаций, которые они представляют, а также ни в коей мере не может рассматриваться как официальная позиция ПРООН. Ни Исследовательский центр ИПМ, ни лица, его представляющие, не могут быть ответственными за использование информации, содержащейся в данном отчете. Исследовательский центр ИПМ не несет ответственность за потери и/или убытки любого рода, связанные с использованием информации, представленной в отчете.

РАСШИРЕННОЕ РЕЗЮМЕ

За последние 15 лет Беларусь добилась существенного снижения абсолютной бедности. В 2014 г. среди наиболее уязвимых групп (дети, незанятое население в трудоспособном возрасте, люди с низким уровнем образования) она достигала 10–15% по сравнению с менее чем 5% по населению в целом. Этому способствовал как экономический рост, так и дизайн пенсионной системы (минимальная трудовая пенсия равна прожиточному минимуму, что позволяет практически ликвидировать абсолютную бедность среди пенсионеров) и системы социальной защиты (существующие пособия на детей в совокупности с продолжительным декретным отпуском эффективно снижают бедность среди детей). В результате можно говорить о том, что Беларусь достигла такого уровня благосостояния, при котором относительные критерии могут полнее отражать ситуацию с уязвимости тех или иных социальных групп к риску бедности. Например, некоторые уязвимые группы (например, одинокие пенсионеры) формально не являются нуждающимися в поддержке государства, но их доходы лишь незначительно превышают критерий нуждаемости, что делает их уязвимыми к разного рода негативным шокам. Комбинирование абсолютных и относительных критериев может повысить гибкость системы социальной защиты в условиях, когда экономику страны ожидают серьезные изменения.

Первым изменением, с которым экономика столкнулась уже в 2015 г., стало падение ВВП и реальных доходов населения. Рост ВВП был одним из важнейших факторов снижения бедности, поскольку выгоды от него довольно равномерно (в большей степени – в пользу менее обеспеченных) распределялись среди населения. Падение ВВП и доходов исторически приводило к росту доли малообеспеченного населения (что чревато дополнительными расходами бюджета на социальную политику) и сокращению среднего класса (что означает сокращение доходов бюджета) и создавало дополнительную нагрузку на систему социальной защиты.

Вторым изменением стало сокращение спроса на рабочую силу на белорусском и российском рынках. И хотя большую часть 2015 г. властям удалось сдерживать рост открытой безработицы, в ближайшем будущем такие возможности будут исчерпаны. При этом безработное и экономически неактивное население является одной из самой уязвимых групп с точки зрения риска бедности, что также означает вызовы для системы социальной защиты.

Далее, экономические власти планируют (и уже начинают реализацию) целого ряда мер, реализация которых будет сопровождаться ухудшением благосостояния белорусских домохозяйств. Во-первых, речь идет о повышении тарифов на коммунальные услуги. Ситуацию усугубляет то, что действующая методика расчета прожиточного минимума – критерия нуждаемости – никак не учитывает изменение тарифов на коммунальные услуги. Во-вторых, предполагается постепенное повышение пенсионного возраста, которое, с учетом худших перспектив на рынке труда у людей в предпенсионном возрасте, может привести к значимому увеличению бедности у этой группы. Таким образом, подобные меры требуют комплексного подхода, при котором система социальной защиты реформировалась бы одновременно с тарифами на услуги ЖКХ и повышением пенсионного возраста.

Еще одним важнейшим изменением становится ограничение финансовой поддержки государственных предприятий. Это уже привело к существенному ухудшению их финансового положения и массовым увольнениям на ряде крупных предприятий, а впоследствии это неизбежно приведет к банкротствам (в том числе крупных промышленных предприятий, формировавших экономику отдельных населенных пунктов) и дальнейшему сокращению занятости. При этом, как показывает опыт стран, прошедших через трансформацию сектора государственных предприятий, особенно уязвимыми к

риску безработицы являются люди в предпенсионном возрасте и те, кто продолжал работать после выхода на пенсию. Их уязвимость важно учитывать при разработке пенсионной реформы.

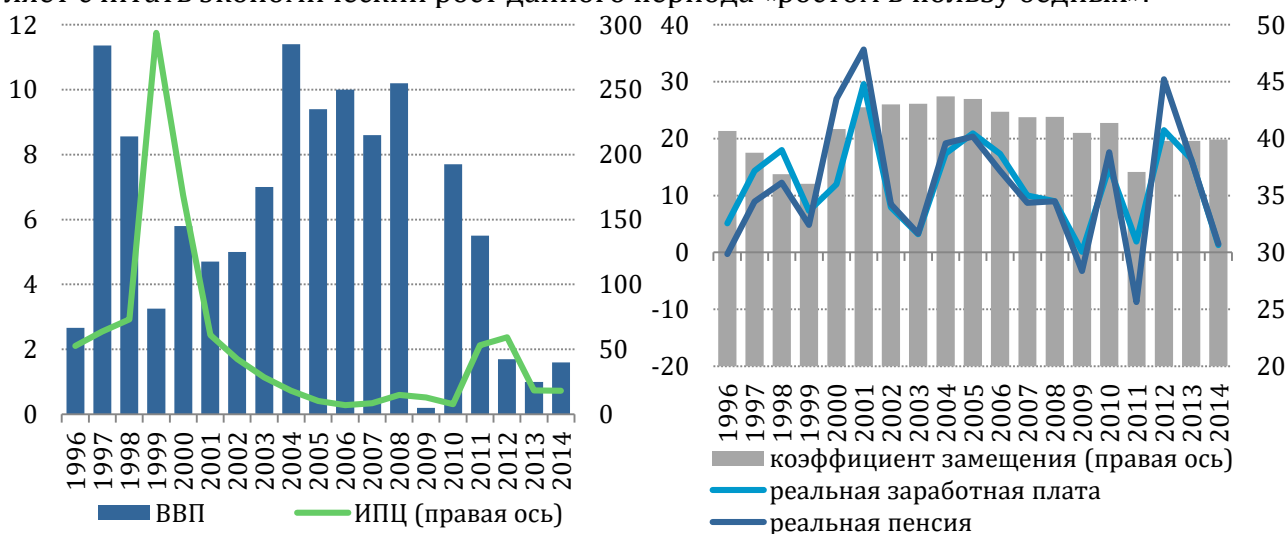
Дополнительными сложностями, с которыми уже столкнулись белорусские домохозяйства, стало, с одной стороны, глубокое падение доходов и «сужение» рынка труда в России, снизившее стимулы и ограничившее возможности использования трудовой миграции в качестве индивидуальной стратегии преодоления трудностей, и, с другой стороны, приток переселенцев из Украины, которые, во-первых, конкурируют с белорусскими гражданами за рабочие места на местном рынке труда (особенно в приграничных районах), и, во-вторых, создают дополнительную нагрузку на систему социальной защиты. Все эти изменения снижают благосостояние населения в целом и увеличивают риски бедности, поэтому могут сопровождаться некоторым увеличением социальной напряженности, или, как минимум, падением доверия к государству. Кроме того, опасение со стороны властей негативных последствий реформ для социально-политической стабильности может оказаться одним из возможных препятствий на пути их реализации. Поэтому важно разработать и внедрить компенсационные меры социально-экономической политики, направленные на поддержку наиболее уязвимых групп и их вовлечение в экономическую активность. Кроме того, для быстрой разработки и принятия соответствующих мер социально-экономической политики необходима оценка рисков социальной напряженности и развитие системы «показателей раннего оповещения».

1. УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫЕ ГРУППЫ: НЕКОТОРЫЕ ЛААКЕНСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Лаакенские показатели (Laeken indicators) – группа общеевропейских индикаторов, характеризующих бедность и социальную изоляцию, утвержденных в 2001 г. Советом Европы. Они были разработаны для мониторинга материального положения и экономической активности социально уязвимых групп населения. На основе его результатов осуществляется корректировка социальной политики, направленная на наиболее полное вовлечение уязвимого населения в социальную и экономическую деятельность. Лаакенские показатели включают в себя показатели, характеризующие бедность, эффективность социальной политики, состояние рынка труда, развитие человеческого капитала. В случае Беларуси возможна оценка только некоторых Лаакенских показателей, что связано с ограниченной доступностью необходимых статистических данных. В данном разделе будет проанализированы динамика уровня и глубины бедности, а также профиль бедности в Беларуси, что позволит выделить основные социально уязвимые группы населения.

1.1. Уровень бедности и неравенства

Официальный уровень бедности в Беларуси оценивается исходя из абсолютного критерия (бюджет прожиточного минимума). Он устанавливается ежеквартально для различных возрастных групп. Домохозяйства с доходом ниже бюджета прожиточного минимума признаются «малообеспеченными». Доля населения, проживающего в таких домохозяйствах, существенно снизилось с 1999 г., когда она приблизилась к 50%. Это стало следствием быстрого экономического роста, который наблюдался в стране в период с 1996 по 2008 гг. (см. Рис. 1а) При этом выигрыш от роста равномерно распределялся по группам населения, поскольку медианный доход населения рос ощутимо быстрее среднего (для периода с 1996 по 2006 гг. см. Чубрик, 2007) Это, в частности, выразилось в более быстром росте доходов наиболее бедной части населения по сравнению с доходами относительно богатых слоев общества. При этом эластичность реальных доходов наименее обеспеченных слоев населения относительно реального ВВП превышала 1 (увеличение реального ВВП на 1% давало увеличение реальных доходов беднейших 30% населения более чем на 1%), в то время как для населения со средним доходом и выше среднего такая эластичность была значимо меньше 1, а у наиболее обеспеченных 10% населения составляла около 0.9 (см. Чубрик, 2007). Соответственно, эффект от экономического роста был наиболее заметен для малообеспеченного населения, что позволяет считать экономический рост данного периода «ростом в пользу бедных».

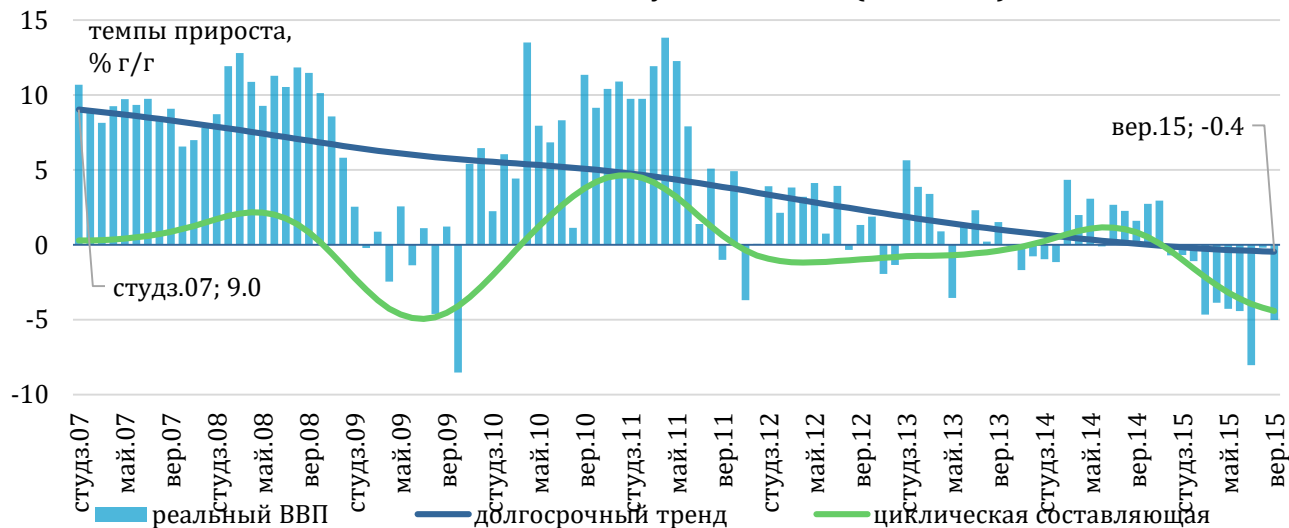
(а) основные макропоказатели

(б) индикаторы доходов населения

Источник: собственные расчеты на основе данных Белсата.

Рис. 1. Макроэкономические показатели, определяющие доходы населения

Другими важными факторами, способствовавшими сокращению масштабов бедности в тот период, были стабилизация обменного курса и снижение инфляции (см. Рис. 1а), негативное влияние которых особенно остро ощущают именно бедные слои населения. Однако рост и макроэкономическая стабилизация не были устойчивыми. Внешние дисбалансы привели к серии валютных кризисов и ускорению инфляции после 2008 г. Одновременно на фоне слабой мобильности факторов производства существенно снизился потенциал экономического роста. Вследствие этого с 2011 г. темпы роста экономики не превышали 2% в год, а темпы роста долгосрочного тренда реального ВВП снизились с 9% в начале 2007 г. до -0.4% к концу 3 кв. 2015 г. (см. Рис. 2).

Примечание. Для оценки тренда и цикла использован фильтр Ходрика-Прескотта. Для выделения тренда и циклической составляющей фильтрация проводилась исходя из частоты фильтра в 90 месяцев, сглаживание циклической составляющей — исходя из частоты в 24 месяца (подробнее о методологии см. Крук и Зарецкий, 2011, с. 8-9).

Источник: собственные расчеты на основе данных Белсата.

Рис. 2. Долгосрочный тренд и циклическая составляющая реального ВВП

Тем не менее, переход в стадию стагнации не сопровождался ростом доли населения за чертой абсолютной бедности. В отчете «Бедность и социальная интеграция» за 2012 г. было показано, что наименее обеспеченные слои населения оказываются менее чувствительными к кризисным явлениям в экономике, чем население со средним уровнем дохода. Это достигалось за счет индексации минимальной заработной платы и сохранения максимальной занятости в секторе государственных предприятий. Кроме того, бюджетный сектор, зарплата в котором является одной из самых низких в экономике¹, намного менее чувствителен к изменениям в экономической конъюнктуре по сравнению с более высоко оплачиваемыми секторами. В результате стагнация в экономике Беларуси сопровождается сокращением дифференциации в оплате труда. Это подтверждается и результатами эконометрического анализа: изменения дифференциации в оплате труда по отраслям экономики прямо пропорциональны изменениям средней зарплаты по экономике (Врезка 1).

Врезка 1. Связь между дифференциацией в оплате труда по секторам экономики и ростом реальной зарплаты

Изменение заработной платы по секторам экономики происходит неравномерно. По данным за январь 2011 – июнь 2015 гг. средняя зарплата по экономике выросла на 34.2%, в том числе в сфере жилищно-коммунальных услуг на 14.4%, в образовании – на 17.5%, в государственном управлении – на 55.6%, а в секторе «операции с недвижимым

¹ Заработная плата в образовании и здравоохранении в 2014 г. была ниже средней по стране на 31 и 24% соответственно.

имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» (включает сектор информационных технологий) – на 71.4%.

Источник: собственные расчеты на основе данных Белсата.

Рис. 3. Дифференциация роста заработной платы в сравнении с ее динамикой

Одним из факторов, определяющих дифференциацию заработной платы по видам деятельности, является скорость роста реальной заработной платы в целом по экономике. Относительное стандартное отклонение (частное стандартного отклонения и среднего) для 15 укрупненных видов деятельности коррелирует со средним уровнем реальной заработной платы по экономике (Рис. 3), а прирост относительного стандартного отклонения – с приростом реальной заработной платы (соответствующие коэффициенты корреляции равны 0.53 и 0.57 для указанных видов деятельности за рассмотренный период). Эконометрический анализ также подтверждает связь между этими показателями:

$$\frac{se_t}{W} = 1.99 \cdot (t < 2012m3) + 2.08 \cdot (t > 2012m2) + 0.36 \cdot \ln(RW_t), R_{adj}^2 = 0.512$$

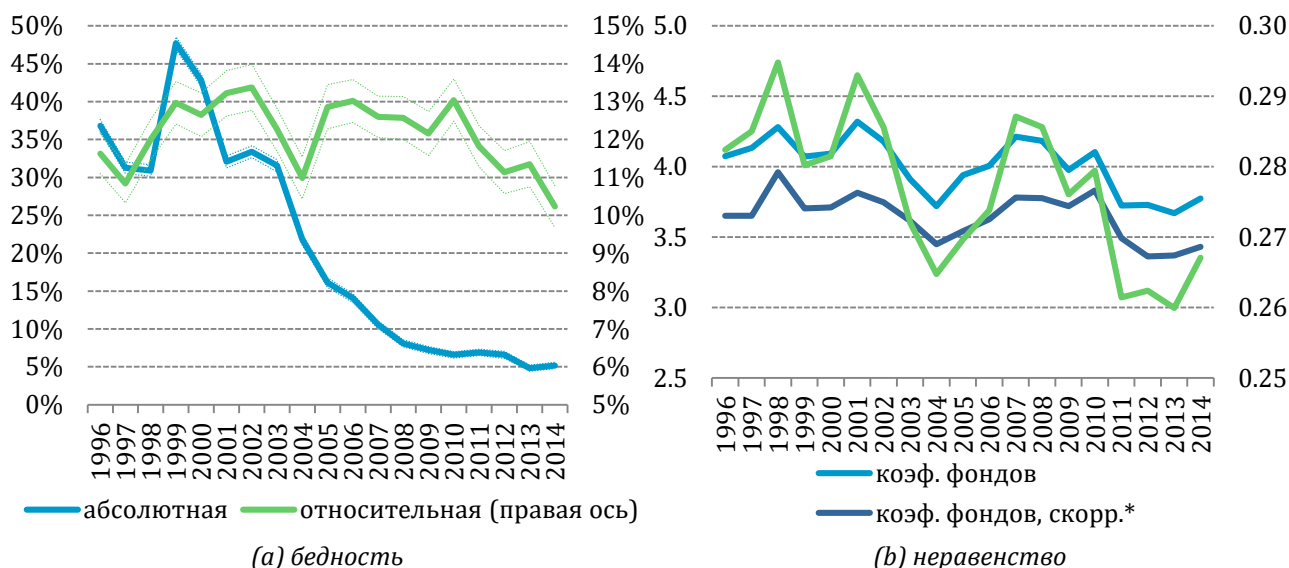
$$d\left(\frac{se_t}{W}\right) = 0.44 \cdot d(\ln(RW_t)), R_{adj}^2 = 0.323,$$

где se – стандартное отклонение для номинальной заработной платы по 15 видами деятельности, W – средняя заработная плата в экономике (номинальная), RW – реальная заработная плата; анализируемый период – ежемесячные данные с янв. 2011 г. по июнь 2015 гг.

Таким образом, дальнейшее падение реальной заработной платы, вероятно, будет по крайней мере в краткосрочном периоде сопровождаться снижением дифференциации в уровне оплаты труда между секторами экономики.

Вследствие «роста в пользу бедных» сохраняется низкая дифференциации населения по уровню доходов. Коэффициент Джини в Беларуси находится на уровне стран северной Европы и постепенно снижается. Коэффициент фондов, рассчитанный через соотношение доходов пятого и первого квинтилей, тоже несколько сократился за последние два десятилетия (см. Рис. 4b).

Низкий уровень неравенства предопределяет и невысокий риск относительной бедности в Беларуси. Ее уровень в данном исследовании был рассчитан исходя из черты в 60% от медианного дохода (располагаемых ресурсов) на человека. Доходы на человека при этом были скорректированы с учетом шкал эквивалентности, рассчитанных для каждого года (см. Приложение 1с). Размер группы населения с доходом ниже черты относительной бедности за весь рассматриваемый период (с 1996 по 2014 гг.) находился в пределах 10–14% (см. Рис. 4а). Это ощутимо ниже среднего показателя по ЕС (около 25%). Более того, с замедлением экономического роста после 2011 г. уровень относительной бедности постепенно снижается, что подтверждает уменьшение дифференциации в доходах населения на фоне кризиса.

Примечание. Тонкие линии отражают 5% доверительный интервал (для биномиального распределения). Коэффициент фондов рассчитан как отношение среднего значения располагаемых ресурсов 20% наиболее обеспеченного населения к среднему значению располагаемых ресурсов 20% наименее обеспеченного населения.

* При расчете скорректированного коэффициента фондов располагаемые ресурсы на человека были рассчитаны в соответствии со шкалами эквивалентности (то есть на эквивалентного взрослого).

Источник: собственные расчеты по данным ВОД².

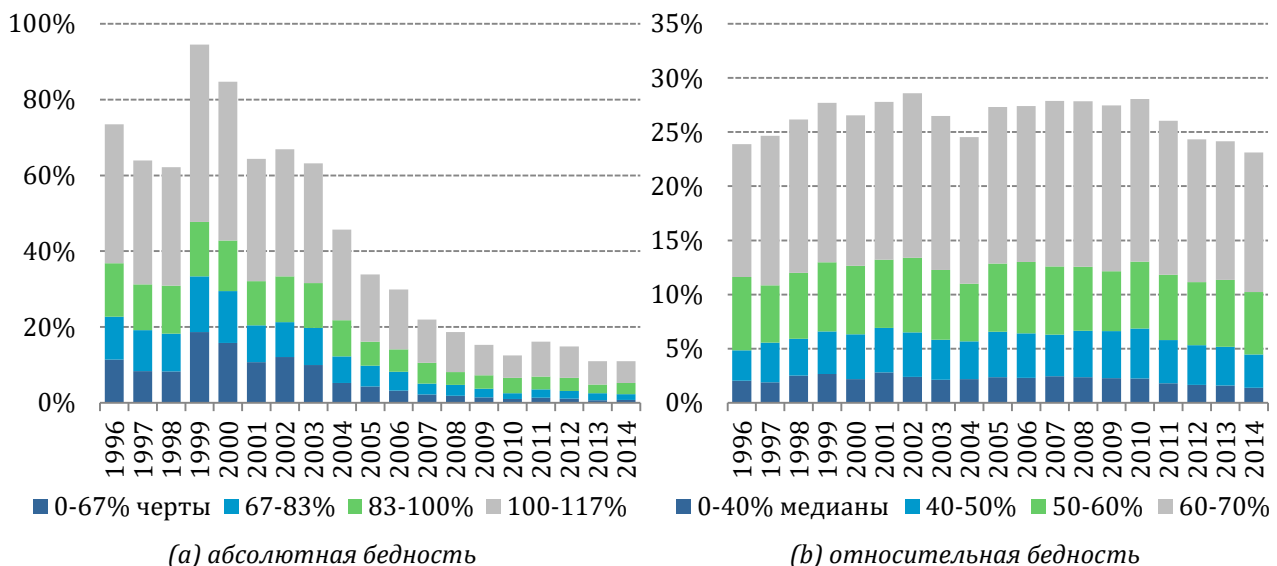
Рис. 4. Уровень бедности и неравенства

Низкое неравенство обеспечивалось экономической политикой на рынке труда. Поддержание занятости на государственных предприятиях (наряду со стимулированием инвестиций) позволяло сохранять существенную долю государственного сектора в экономике. Ограниченные масштабы развития предпринимательства приводили к доминированию в структуре доходов населения заработной платы (63.8% в 2014 г.), в то время как доходы от предпринимательской деятельности составляли всего 10.4% доходов населения. Это в два раза меньше, чем поступления от трансфертов, то есть пенсий, стипендий и пр. Соответственно, возможности государства по регулированию рынка труда, в том числе занятости и уровня заработной платы, позволяют сдерживать неравенство в доходах населения. Более того, пенсионная система выстроена так, что дифференциацию в размерах пенсий примерно вдвое ниже дифференциации в размере заработной платы (см. Батурчик и Чубрик, 2008).

1.2. Глубина бедности и величина группы риска

Малая степень дифференциации в доходах населения предполагает также и низкую глубину бедности. В частности, снижение абсолютной бедности происходило за счет сокращения группы населения в экстремальной бедности. Напротив, доля населения с доходами, незначительно отстающими от черты абсолютной бедности, сокращалась не столь быстро, а с 2008 г. находится на стабильном уровне (см. Рис. 5а). Как следствие, глубина абсолютной бедности в Беларуси постепенно снижается. В 2014 г. она не превышала 20%. Показатель глубины бедности может быть интерпретирован следующим образом: больше половины абсолютно бедного населения располагает ресурсами, отстающими от черты бедности менее чем на 20% (см. Рис. 6).

² Здесь и далее – Выборочное обследование домашних хозяйств по уровню жизни.

(a) абсолютная бедность

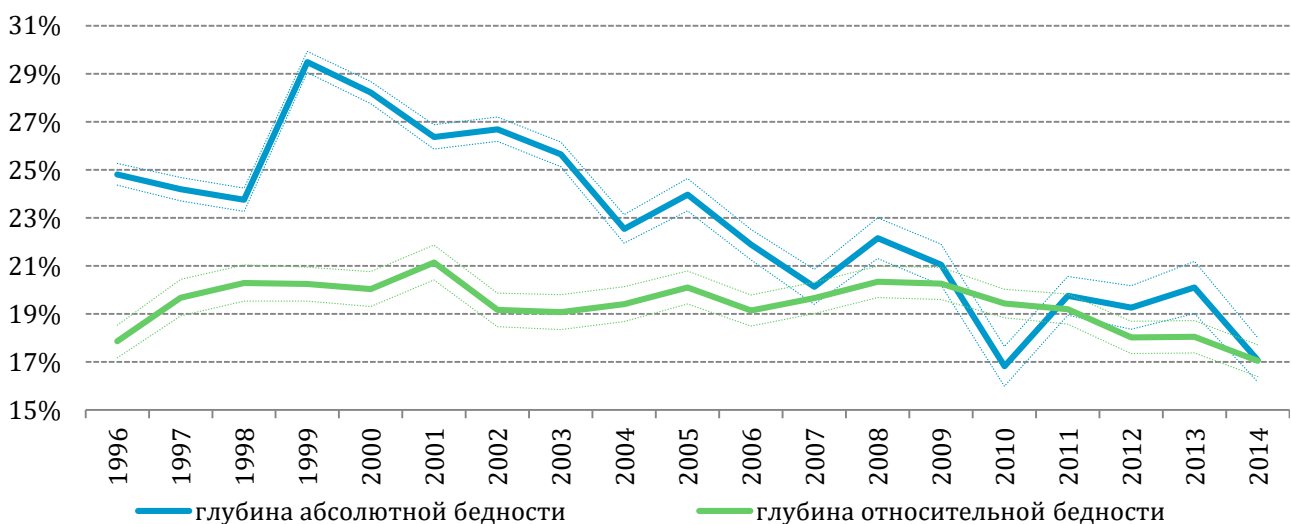
(b) относительная бедность

Примечание. Для абсолютной бедности критерии в 66,7, 83,3 и 116,7% от черты абсолютной бедности выбраны в соответствии с шагом в 10% от медианного дохода для относительной бедности (при черте относительной бедности в 60%).

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Группа риска с доходами, незначительно (менее чем на 17%) превышающими черту абсолютной бедности, также заметно сократилась по сравнению с началом 2000-х гг. Ее увеличение наблюдалось только в 2011–2012 гг. под влиянием валютного кризиса 2011 г. Таким образом, краткосрочное ухудшение экономической среды в те годы не сказалось на уровне абсолютной бедности, но ощутимо увеличило группу риска, которая могла бы оказаться за чертой бедности в случае сохранения негативных тенденций в экономике.

Рис. 5. Дисперсия в доходах около черты бедности

Примечание. Глубина рассчитана по следующей формуле: (черта бедности минус медианный доход бедных) / черта бедности.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 6. Глубина бедности

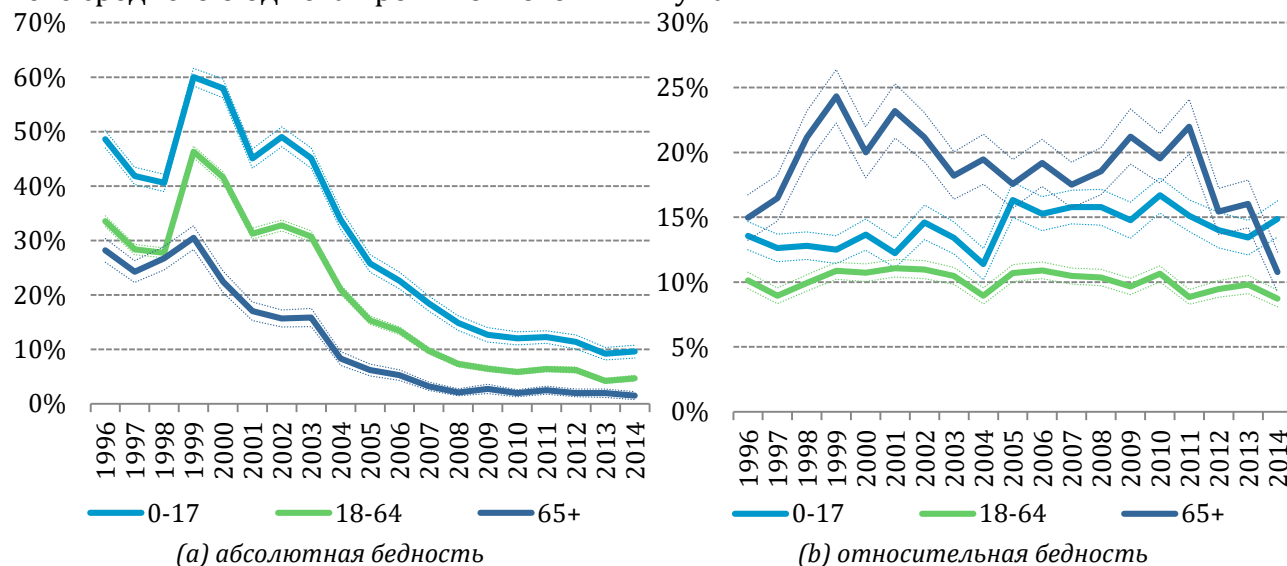
Распределение населения вокруг черты относительной бедности также говорит о снижении глубины относительной бедности и зоны риска (см. Рис. 5b). При этом размер группы населения в пределах 60-70% от медианного дохода ощутимо больше, чем населения с доходами ниже 60%. Тем не менее, размер данной группы постепенно снижается, а в целом число населения, проживающих с располагаемыми ресурсами ниже 70%

от медианных, не превышает размера относительной бедности в ЕС (рассчитанной по критерию в 60% от медианного дохода).

1.3. Возраст

Риск абсолютной бедности отличается в зависимости от возраста человека. Наиболее высокому риску подвержены дети. Масштаб абсолютной бедности среди населения в возрасте до 18 лет превышает средний уровень примерно в два раза (см. Рис. 7а). У населения в трудоспособном возрасте (от 18 до 65 лет³) риск абсолютной бедности соответствует среднему по стране, а у пожилых людей – существенно ниже. У людей в возрасте старше 65 лет риск абсолютной бедности практически отсутствует (начиная с 2008 г.). При этом они подвержены достаточно высокому риску относительной бедности, который ощутимо выше среднего для населения Беларуси (см. Рис. 7б). На протяжении 2002–2011 гг. он находился на уровне 20%, а снижение относительной бедности среди пожилого населения произошло только после 2011 г. Относительная бедность среди детей была ниже, чем у пожилого населения, но превышала средний уровень, который был характерен для населения в трудоспособном возрасте.

Высокий риск абсолютной бедности среди детей при более умеренном риске относительной бедности объясняется различиями в методологии расчета доходов на человека. Применение шкал эквивалентности, вес детей в которых ощутимо ниже, чем у взрослых (см. Приложение 1с), существенно увеличивает относительное благосостояние домохозяйств с детьми. Абсолютная бедность не учитывает эффект от масштаба и по-другому учитывает различия в потребностях взрослых и детей. Это может занижать благосостояние домохозяйств с детьми, но данные эффекты на уровне абсолютной бедности не столь велики. Существенную часть расходов в рамках бюджета прожиточного минимума составляют продукты питания, где эффекты от масштаба практически невозможны, а различия в потребности в рамках возрастных групп частично учтены при расчете среднего бюджета прожиточного минимума⁴.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 7. Риск бедности по возрастным группам

Различия в риске абсолютной и относительной бедности у пожилого населения связаны с особенностями пенсионного обеспечения. Размер социальной пенсии превы-

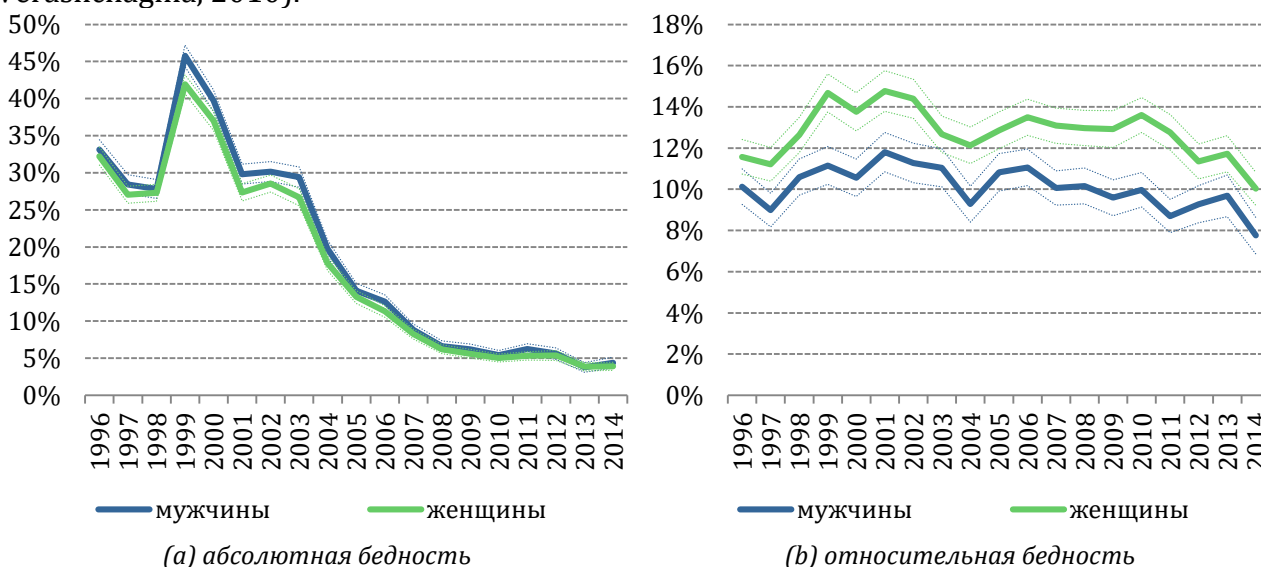
³ Доля занятого населения существенно снижается в возрастной группе старше 65 лет. В первые годы пенсионного возраста существенная часть населения продолжает работать (см. Шиманович, 2013).

⁴ Он рассчитан на человека, проживающего в домохозяйстве из 4 человек, в том числе 2-х детей в возрасте 7-и и 13-и лет.

шает бюджет прожиточного минимума, что решает проблемы абсолютной бедности. Однако размеры минимальной и максимальной пенсии по возрасту различаются только в 2 раза, так как пенсионная система в Беларуси характеризуется крайне низкой дифференциацией. При этом средний размер коэффициента замещения в Беларуси незначительно колеблется около 40% (см. Рис. 1b). Это означает, что большинство пенсионеров имеет доход, превышающий черту абсолютной бедности в полтора раза, но существенно уступающий доходу занятых. Это и предопределяет относительно неблагоприятное материальное положение пожилого населения. Улучшение в период 2012–2014 гг. связано с восстановлением коэффициента замещения до уровня 40% (после кризиса 2011 г. он резко упал), а также ростом занятости в возрастной группе старше 65 лет с 5.3% в 2011 г. до 9.2% в 2014 г.

1.4. Пол

Значимых различий по полу в риске абсолютной бедности в Беларуси не наблюдается (см. Рис. 8a). При этом относительная бедность ощутимо выше среди женщин (см. Рис. 8b). Это связано с меньшей экономической активностью среди женщин в трудоспособном возрасте, большей продолжительностью жизни на пенсии⁵, занятостью женщин на менее оплачиваемых должностях по сравнению с мужчинами (см., например, Pastore and Verashchagina, 2010).

Примечание. Для людей в возрасте от 18 лет.
Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 8. Риск бедности по полу

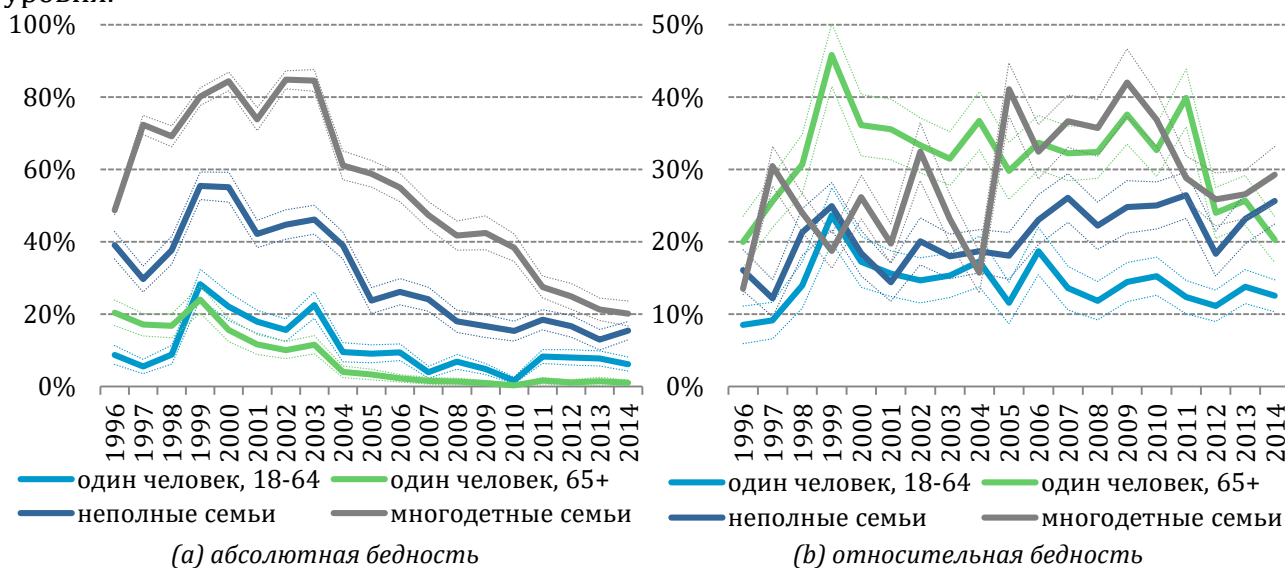
1.5. Тип домохозяйства

По типу домохозяйства риск абсолютной бедности особенно высок среди многодетных семей и неполных семей. В начале 2000-х гг. уровень бедности среди многодетных семей достигал 80% (см. Рис. 9a). К 2014 г. он существенно снизился, но по-прежнему в несколько раз превышает средний уровень абсолютной бедности по стране. Масштабы абсолютной бедности в неполных семьях несколько меньше, но на протяжении последнего десятилетия они практически не снижались. В целом высокий риск бедности в таких домохозяйствах показывает высокую чувствительность благосостояния семей к наличию в них нетрудоспособного населения.

⁵ Как следствие, одиноких женщин на пенсии гораздо больше, чем мужчин, а именно для одиноких пенсионеров характерен высокий риск относительной бедности.

Риск относительной бедности среди неполных и многодетных семей также существенно выше среднего. При этом масштабы относительной бедности в неполных семьях постепенно увеличиваются (см. Рис. 9б), то есть разрыв со средними показателями по стране растет. Риск бедности в многодетных семьях, напротив, несколько снизился с 2009 г., что может говорить о повышении эффективности государственной поддержки данной группы населения (см. раздел 3.1).

Риск абсолютной бедности среди одиноких пенсионеров статистически не отличается от нуля. Однако относительная бедность среди них была между 30 и 40% до 2012 г. Лишь в последние годы благодаря росту занятости среди пенсионеров она снизилась до 20%. Для сравнения, риск бедности (как абсолютной, так и относительной) у домохозяйств из одного человека в трудоспособном возрасте не отличается от среднего по стране. Из этого следует, что одного дохода в виде пенсии недостаточно для обеспечения достойного материального благосостояния человека относительно среднего уровня.

Примечание. Неполные семьи – домохозяйства с детьми и одним взрослым. Многодетные семьи – домохозяйства с 3 и более детьми (до 18 лет).

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

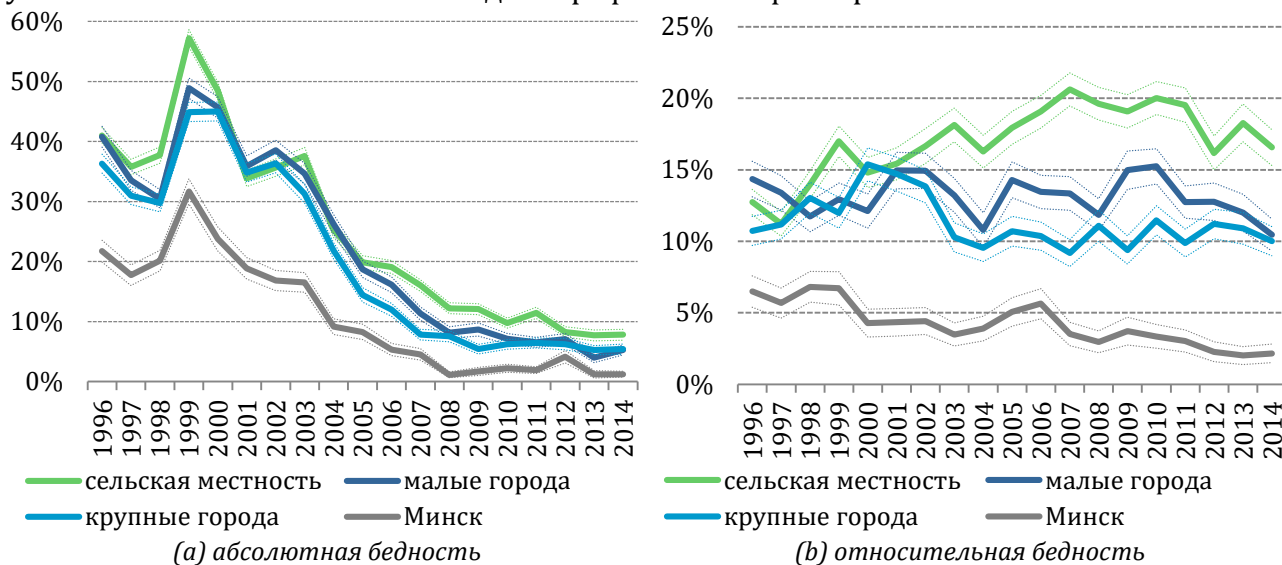
Рис. 9. Риск бедности по типу домохозяйства

1.6. Место жительства

В Беларуси существуют значимые различия в риске бедности в зависимости от места жительства. В частности, существенно выше среднего риск абсолютной бедности в сельской местности. Данная тенденция проявилась с 2005 г. (см. Рис. 10а), то есть выигрыш жителей сельской местности от экономического роста в соответствующий период был ниже, чем у жителей городов. Это связано с меньшей чувствительностью заработной платы в сельском хозяйстве, зависящей от государственной поддержки, к изменениям экономической конъюнктуры. Что касается относительной бедности, то важную роль в объяснении относительно высокой бедности на селе играла демографическая структура сельского населения: доля одиноких пенсионеров (одной из наиболее уязвимых к риску относительной бедности групп) в составе сельского населения заметно превышает аналогичный показатель для городского населения.

Также повышенный риск бедности был характерен и для жителей малых городов, возможности трудоустройства в которых зачастую ограничены низкооплачиваемой занятостью. Замедление роста и стагнация в последние годы выровняли положение дел в малых и крупных городах. С одной стороны, это произошло за счет снижения дифференциации в оплате труда по секторам экономики. С другой стороны, жители малых горо-

дов в большей степени склонны к использованию самостоятельных стратегий по преодолению бедности, чем жители крупных городов. Например, в малых городах у населения больше возможностей по ведению личного подсобного хозяйства, а также шире, чем в крупных городах, распространена трудовая миграция. В итоге уровень как абсолютной, так и относительной бедности в городах различного размера в 2013–2014 гг. не отличался. Исключение составлял Минск, где уровень оплаты труда существенно выше, чем в среднем по стране, а приток населения за счет внутренней миграции позволяет уменьшить негативное влияние демографического фактора.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 10. Риск бедности по месту жительства

1.7. Регион

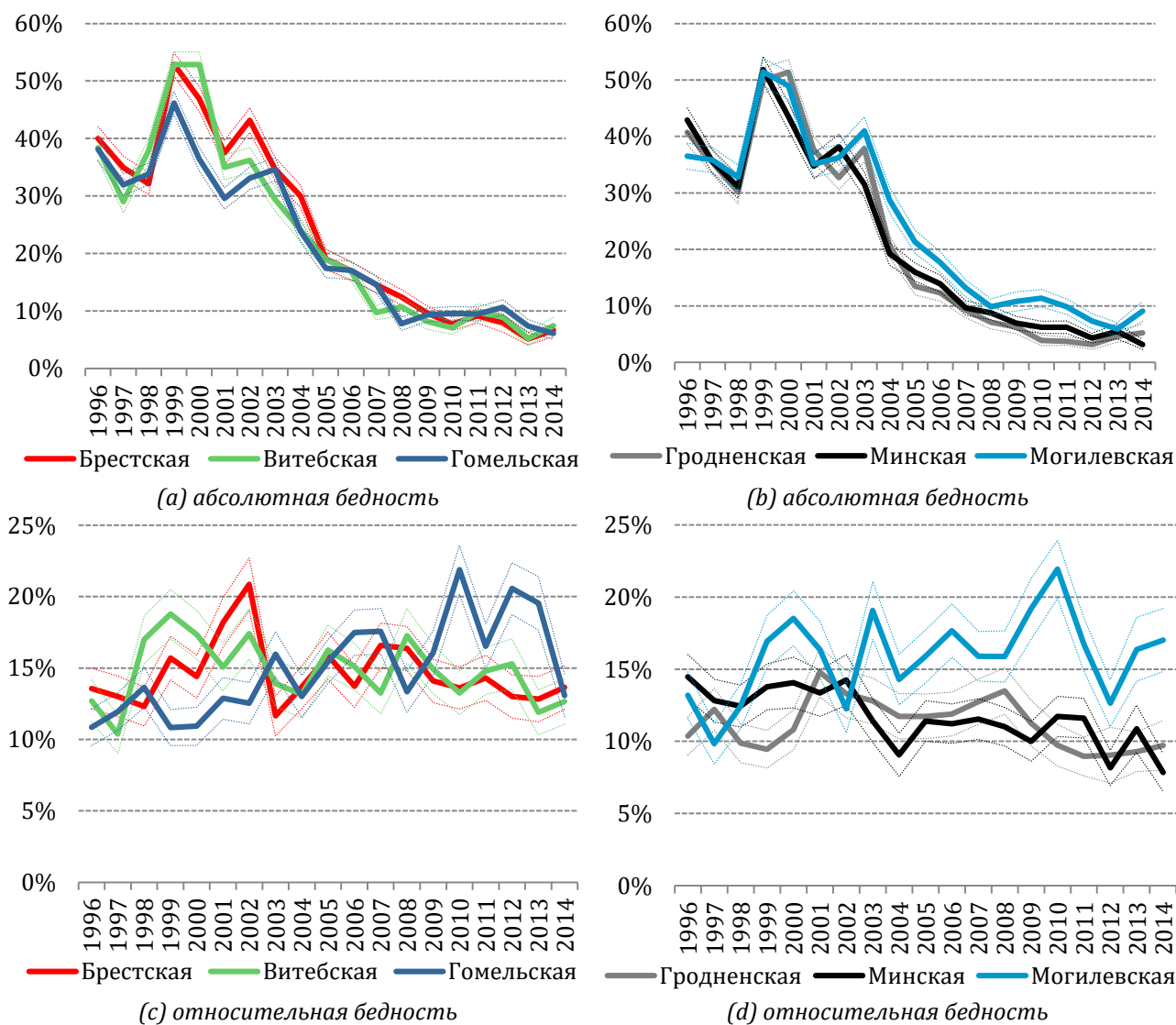
В региональном разрезе (на уровне областей) радикальных различий в риске бедности не наблюдается. Однако некоторые расхождения в динамике показателей, описывающих уровень бедности по областям, присутствуют (см. Рис. 11). Наибольший риск абсолютной и относительной бедности в Могилевской области, где преобладают относительно депрессивные районы (см. Всемирный банк, 2015). Ограниченные возможности занятости, последствия Чернобыльской катастрофы, отрицательная внутренняя миграция создают предпосылки для повышенного риска бедности в этой области.

Высокий риск бедности, в первую очередь относительной, характерен и для Гомельской области. При этом до начала 2000-х гг. этот регион был одним из самых благополучных. Дальнейшее ухудшение показателя относительной бедности, а также замедленное снижение абсолютной бедности в Гомельской области связано с относительно низким уровнем занятости и невысокой активностью населения в поисках самостоятельных путей преодоления трудностей (см. Исследовательский центр ИПМ, 2013).

В Брестской и Витебской областях уровень бедности несколько выше среднего по стране, но имеет такую же динамику. Уровень абсолютной бедности в этих областях снизился в 2013–2014 гг. до 6–7%, а относительная бедность последнее десятилетие находится в пределах 15%.

Наименьший риск абсолютной и относительной бедности характерен для Минской и Гродненской областей. Масштабы относительной бедности в этих областях имеют выраженную тенденцию к снижению, что отличает их от других регионов и страны в целом (см. Рис. 11а). Низкий риск бедности в Гродненской области обусловлен высокой активностью населения в поиске альтернативных способов преодоления трудностей. В регионе наблюдается низкий процент бедности среди формально незанятого населения и высока доля доходов от ведения личного хозяйства (см. Исследовательский центр,

2013). В Минской области основным фактором низкой бедности является высокая экономическая активность, связанная с развитием районов вокруг г. Минска.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 11. Риск бедности по областям (без г. Минска)

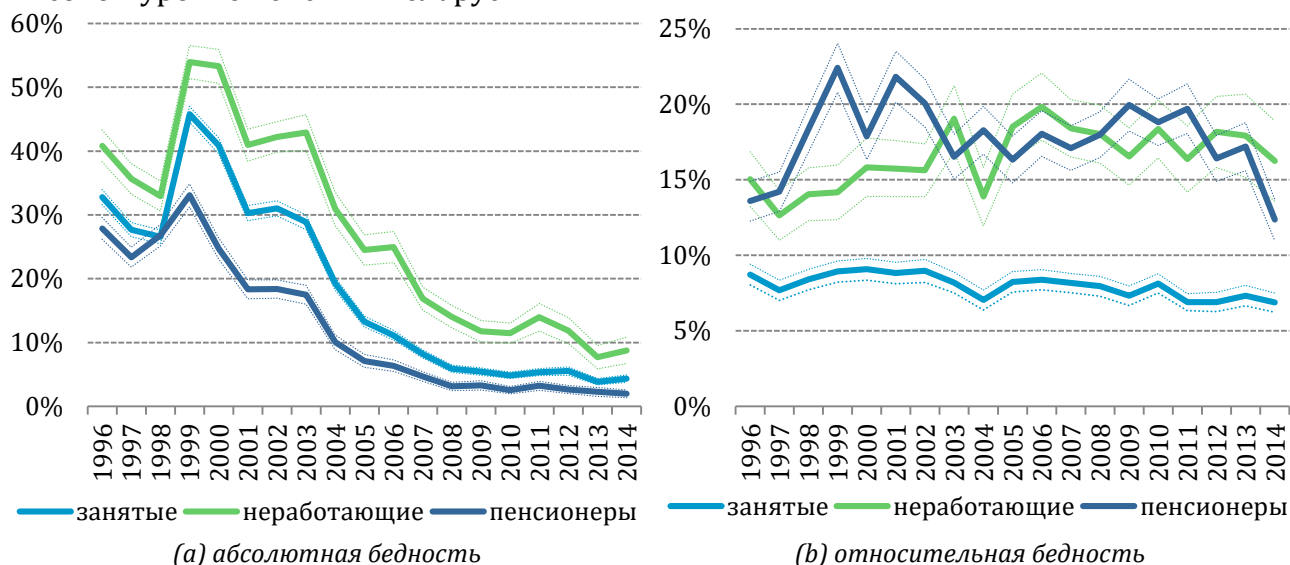
1.8. Социально-экономический статус

По социально-экономическому статусу наибольший риск бедности у незанятого населения в трудоспособном возрасте. Среди группы, которая включает студентов, домохозяек, безработных и экономически неактивных, уровень абсолютной бедности в среднем в 2 раза превышает уровень бедности по населению в целом (см. Рис. 12). Кризис 2011 г. показал, что данная группа остро ощущает кризисные явления в экономике, так как домохозяйства, в составе которых есть незанятые трудоспособные члены, очень чувствительны к колебаниям в трудовых доходах занятых членов домохозяйства, зачастую единственного.

Среди пенсионеров риск абсолютной бедности невелик, поскольку минимальная трудовая пенсия превышает прожиточный минимум. Он даже ниже, чем у занятого населения – одной из причин бедности в Беларуси является низкооплачиваемая занятость⁶ (особенно высок риск бедности в домохозяйствах с детьми, в которых оплата труда

⁶ Низкооплачиваемая занятость зачастую сохраняется благодаря поддержке государства, и, соответственно, чревата увеличением скрытой либо открытой безработицы, см. Чубрик (2015).

взрослых не позволяет обеспечить приемлемый доход всего домохозяйства). Однако относительная бедность среди занятого населения ощутимо ниже средней, что свидетельствует о том, что острота проблемы низкооплачиваемой занятости в последнее десятилетие снизилась. В то же время относительная бедность среди пенсионеров статистически неотличима от бедности у незанятого населения, что говорит об относительно невысоком уровне пенсий в Беларуси.

Примечание. Занятые – занятое население в трудоспособном возрасте и возрасте старше трудоспособного. Неработающие – незанятое население в трудоспособном возрасте, не являющееся инвалидами/пенсионерами по инвалидности (в том числе студенты, домохозяйки, безработные). Пенсионеры – незанятое население в возрасте старше трудоспособного, а также инвалиды/пенсионеры по инвалидности и другие получатели социальных пенсий.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

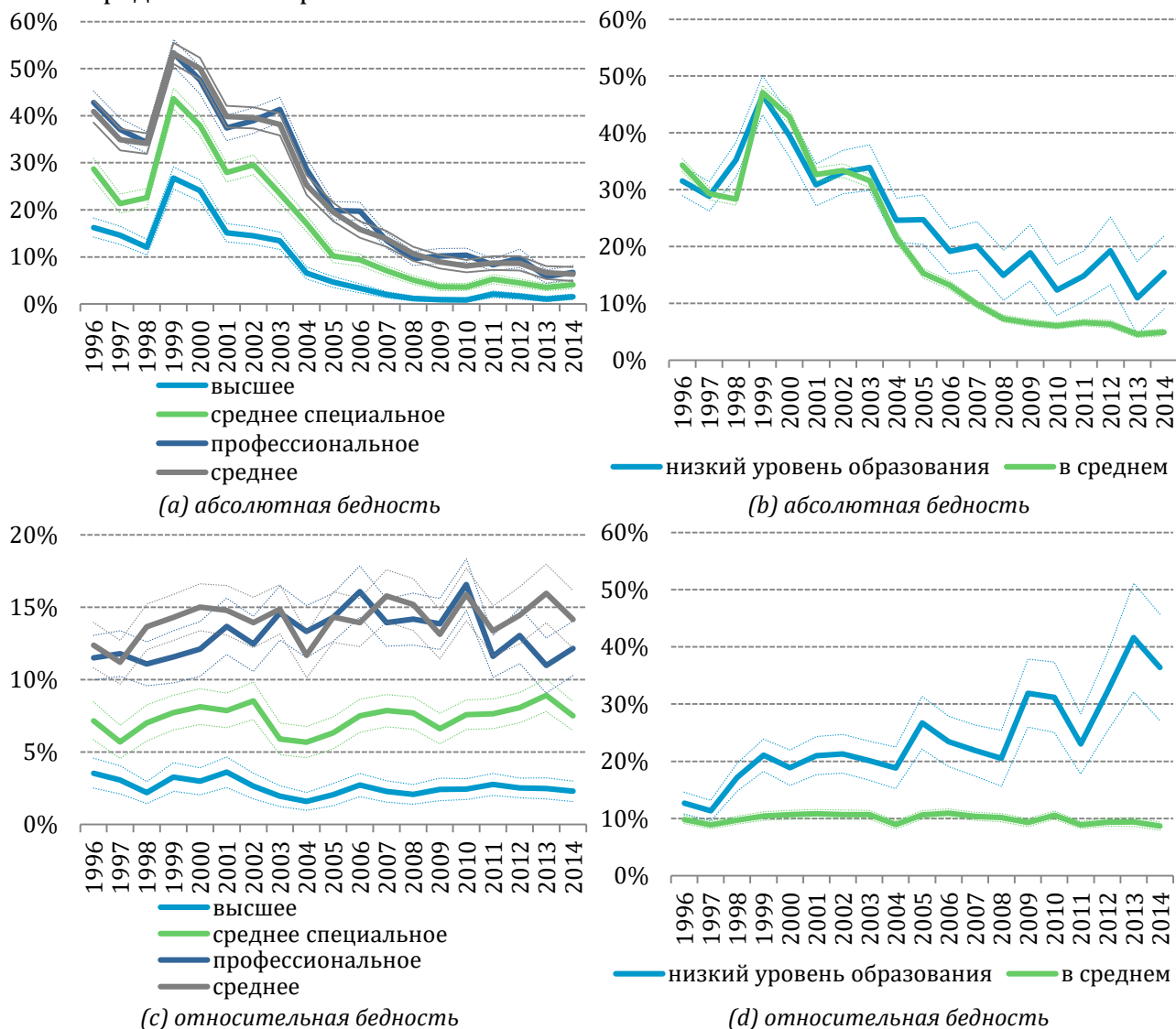
Рис. 12. Риск бедности по социально-экономическому статусу

1.9. Образование

Уровень образования является важным фактором, определяющим занятость человека и уровень оплаты труда (см. Чубрик и Шиманович, 2013). Риск бедности существенно снижается с увеличением уровня образования (см. Рис. 13а, с). Среди образованного населения наибольший риск бедности у лиц со средним и профессионально-техническим образованием. Доля населения с доходами ниже черты абсолютной бедности для них одинакова и значительно выше, чем в среднем по стране. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае относительной бедности. Исключение составляют последние два года (2013–2014 гг.), когда риск относительной бедности у населения в трудоспособном возрасте с профессионально-техническим образованием несколько снизился и приблизился к среднему по стране.

У населения в трудоспособном возрасте со средне-специальным образованием риск абсолютной и относительной бедности находится на уровне ниже среднего по стране, а у населения с высшим образованием – минимален. Социальная уязвимость и высокий риск абсолютной бедности у населения в трудоспособном возрасте без среднего образования проявились после 2004 г. (см. Рис. 13b). Очевидно, такие люди не смогли в полной мере получить выгоду от экономического роста того периода и зачастую оказывались незанятыми или занятыми только на низкооплачиваемых работах. Риск абсолютной бедности в данной группе в последние годы находится в пределах 10–20%. Риск относительной бедности у данной группы также ощутимо вырос, начиная с 2004 г., и продолжал расти, несмотря на общее снижение неравенства и относительной бедности в стране. При этом до 2004 г. риск абсолютной бедности у населения, не имев-

шего среднего образования, был ниже, чем у тех, кто окончил среднюю школу или училище. Относительная бедность у данной группы была сопоставима с относительной бедностью пенсионеров. Одним из факторов, объясняющих данную особенность, является возрастной состав группы населения без среднего образования. В 1990-е гг. и начале 2000-х гг. в ней преобладали лица поколения, родившегося в период Второй мировой войны, которые уже попадали под пенсионное обеспечение, но еще не достигли 65 лет (этот возраст выбран как нижняя граница возраста старше трудоспособного). Соответственно, динамика риска бедности данной группы была близка к динамике риска бедности среди пенсионеров.

Примечание. Лица в возрасте от 25 до 64 лет.

Высшее – лица с уровнем образования по классификации ISCED от 5 и выше. Включает в себя людей с неполным высшим (после 1999 г.) и послевузовским образованием; среднее специальное – лица с уровнем образования по классификации ISCED равным 4, имеющие среднее специальное образование. До 1999 г. лица с аттестатом об окончании профессиональной школы (согласно анкеты опросника ВОД); профессиональное – лица с уровнем образования по классификации ISCED равным 4, имеющие профессионально-техническое образование. До 1999 г. лица с аттестатом об окончании технической школы (согласно анкеты ВОД); среднее – лица с уровнем образования по классификации ISCED равным 3, то есть закончившие среднюю школу. До 1999 г. лица с аттестатом о завершении вечерней, средней, специализированной школы, гимназии или лицея; низкий уровень образования – лица с уровнем образования по классификации ISCED, меньше или равным 2. Уровни образования 0-2 по классификации ISCED: ниже начального, общего начального и общего базового образования. До 1999 г. – лица без аттестата о завершении школы.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 13. Риск бедности по уровню образования

1.10. Причины бедности и основные социально уязвимые группы

Влияние факторов, определяющих риск бедности, было проанализировано с помощью пробит-регрессии. Данная модель бинарного выбора позволяет оценить вероятность попадания человека за черту бедности в зависимости от его индивидуальных особенностей и характеристик домохозяйства, в котором он проживает. В качестве независимых переменных выступают фиктивные переменные, которые принимают значение 1, если человек сталкивается с риском бедности, или 0, если нет. Объясняющими переменными являются как фиктивные переменные, описывающие качественные характеристики индивида и домохозяйства, в котором он проживает, так и непрерывные количественные переменные. Такими переменными являются место жительства, уровень образования, социально-экономический статус, размер домохозяйства, социально-демографические показатели (см. Таблица 5).

Объясняющие переменные зачастую взаимосвязаны, и для решения проблемы мультиколлинеарности их используют по отдельности. Например, социально-экономический статус для населения в трудоспособном возрасте напрямую зависит от уровня образования. Соответственно, проверку гипотезы о влиянии данных факторов на риск бедности следует осуществлять в отдельных моделях.

В данном исследовании факторов, определяющих риск бедности, было построено 2 варианта модели: для абсолютной и для относительной бедности. В общем виде модели имели следующие вид:

$$\text{prob}(pov_{i,t} = 1) = f(\beta_1 region_{i,t} + \beta_2 education_{i,t} + \beta_3 age_{i,t} + \beta_4 gdp_t),$$

$$\text{prob}(pov_{i,t} = 1) = f(\beta_1 region_{i,t} + \beta_2 status_{i,t} + \beta_3 gdp_t),$$

где *region* – набор фиктивных переменных, описывающих место жительства человека, *education* – набор переменных, описывающих уровень образования человека в трудоспособном возрасте, *age* – фиктивные переменные для людей в возрасте старше и младше трудоспособного, *status* – фиктивные переменные, описывающие социально-экономический статус человека, *gdp* – уровень ВВП в долларах США, *f* – обратная к интегральной функции стандартного нормального распределения (CDF).

Модели были рассчитаны на выборке, которая объединила все наблюдения в рамках выборочного обследования домашних хозяйств за период с 1996 по 2014 гг. Это позволило проанализировать долгосрочный характер влияния факторов вне зависимости от текущей экономической конъюнктуры.

Результаты регрессионного анализа показали существенную связь риска бедности с уровнем ВВП в долларах США на душу населения. Выбор данного показателя в качестве переменной, описывающей влияние экономической конъюнктуры на уровень бедности, объясняется его тесной связью с доходами населения. С одной стороны, он отражает динамику экономического развития страны, а с другой – учитывает колебания в обменном курсе, к которому чувствительны доходы населения из-за высокой долларизации экономики. Полученные оценки предельных эффектов показывают, что увеличение ВВП в долларах США на 1% ведет к сокращению бедности на 0.08 процентных пункта.

Ощутимое влияние на риск абсолютной бедности оказывает место жительства человека. Наиболее существенно возрастает вероятность абсолютной бедности (нормализовано по отношению к г. Минску) для жителей сельской местности Могилевской области – практически на 20% в среднем за период 1996–2014 гг. Наименьшее увеличение риска среди сельских жителей наблюдается в Гродненской и Минской областях (на 11–13% относительно г. Минска). Различий в риске бедности для сельского населения остальных областей не наблюдается (рост уровня бедности на 15–17% относительно Минска).

В целом в одной и той же области риск бедности в сельской местности статистически выше, чем в городах. Самое значительное увеличение риска абсолютной бедности относительно г. Минска наблюдается у городских жителей Брестской и Витебской областей, а наименьшее – у жителей Гродненской и Гомельской областей. Данные результаты подчеркивают особенно чувствительный разрыв в риске бедности городских и сельских жителей Гомельской и Могилевской областей. Депрессивное состояние сельских районов данных областей является существенным вызовом экономического развития, требующим реакции со стороны экономической политики. Одним из объяснения относительно невысокого риска бедности у городского населения Гомельской области является развитая промышленности, представленная в основном государственными предприятиями, зависящими от государственной поддержки. Нынешняя ситуация, когда возможности предоставления государственной поддержки существенно ограничены, существует риск падения занятости и доходов в городской местности в Гомельской области, чреватые ростом бедности. В Гродненской области это отчасти объясняется низким риском бедности незанятого населения в трудоспособном возрасте, научившегося извлекать выгоду из географического положения (приграничные районы Польши и Литвы) и существенной разницы в ценах на некоторые товары (топливо, алкоголь, табачные изделия).

Риск бедности ощутимо снижается при получении среднего специального и высшего образования (на 7 и 16.5% относительно населения со средним образованием в трудоспособном возрасте по данным за 1996–2014 гг.). Различий же во влиянии профессионально-технического и среднего образования на уровень бедности не наблюдается. Низкий уровень образования увеличивает риск абсолютной бедности, но масштабы предельного эффекта не столь высоки (увеличение бедности на 3.9%), что подчеркивает низкую дифференциацию в оплате труда среди относительно низкооплачиваемых работников.

Негативное влияние на уровень абсолютной бедности оказывает нахождение в возрастной группе до 18 лет (его масштаб сопоставим с влиянием низкого уровня образования). Кроме того, риск бедности среди детей превышает риск бедности среди незанятого населения. Соответственно, система социальной защиты не в полной мере справлялась на протяжении 1996–2014 гг. с функцией поддержки детей.

Достижение пенсионного возраста ощутимо сокращает риск бедности (на 16.2% относительно населения в трудоспособном возрасте со средним образованием по итогам 1996–2014 гг.), что подчеркивает нацеленность пенсионной системы Беларуси на недопущение абсолютной бедности среди пенсионеров. Анализ влияния социально-экономического статуса на риск бедности также показывает ощутимое снижение риска бедности у пенсионеров относительно других групп населения, в том числе занятого. Трудоустройство снижает риск бедности относительно незанятого населения на 8.2%, в то время как получение пенсии – на 16.6%.

Характер зависимости риска относительной бедности от анализируемых факторов несколько отличается. В частности, влияние динамики ВВП в долларах США на уровень относительной бедности практически отсутствует. Экономический рост не ведет к изменению степени неравенства в доходах населения, а последние случаи кризисов, наоборот, сопровождались некоторым снижением дифференциации доходов. Соответственно, если динамика ВВП в долларах США и оказывает сдерживающее влияние на уровень относительной бедности, то только в периоды спада.

Профиль риска относительной бедности по регионам имеет схожие черты с абсолютной бедностью (см. Таблица 8–Таблица 9). Наименьший риск относительной бедности – у жителей Минской и Гродненской областей, а наибольший – у жителей сельской местности Гомельской и Могилевской областей. Влияние уровня образования на риск относительной и абсолютной бедности также совпадает.

Риск относительной бедности среди детей до 18 лет выше, чем у населения в трудоспособном возрасте со средним образованием. Однако соответствующий предельный эффект (влияние возраста до 18 лет на риск относительной бедности) не превышает 1%, в то время как для риска абсолютной бедности он был существенно выше. Более того, в отличие от ситуации с абсолютной бедностью, когда дети оказываются более уязвимыми к риску бедности по сравнению с неработающими взрослыми, с точки зрения риска попадания за черту относительной бедности дети оказываются менее уязвимыми, чем незаанятое население. И хотя риск относительной бедности среди детей достаточно высок, но он не выделяется в сравнении с другими социально уязвимыми группами.

Сопоставим с риском относительной бедности среди незаанятого населения и риск бедности у пенсионеров. Таким образом, отсутствие доходов от трудовой деятельности в одинаковой степени негативно отражается на всех группах населения с точки зрения риска попадания за черту относительной бедности.

Детальный анализ риска бедности среди незаанятого населения затруднен невозможностью выделить в выборке безработных, трудовых мигрантов и экономически неактивное население.

Таким образом, эконометрический анализ показал, что основными социально уязвимыми группами в Беларуси являются *дети, люди в возрасте старше трудоспособного, незаанятое население в трудоспособном возрасте, люди с низким уровнем образования и жители сельской местности*, в особенности в Гомельской и Могилевской областях.

Уязвимое положение *детей* связано с их зависимостью от трудоустройства родителей и государственной поддержки. Последняя предоставляется либо в форме пособий на детей до 3 лет, либо в форме адресной социальной помощи (не более 6 месяцев течение года). Размер детских пособий увеличился в 2013 г., что привело к снижению риска бедности (см. раздел 3.1). Пособия (особенно до повышения) не всегда позволяли решить проблему бедности для домохозяйства в целом, поэтому дети оставались уязвимой группой. Невозможность полностью положиться на систему социальной защиты при рождении ребенка предопределяет высокий уровень экономической активности среди людей в трудоспособном возрасте (до 65 лет), проживающих в неполных семьях и семьях с детьми. Уровень занятости среди взрослых в неполных семьях превышает средний показатель на 13–14 процентных пунктов, а в семьях с детьми – на 5–6 процентных пунктов.⁷ Тем не менее, невысокий уровень оплаты труда, к примеру, в социальном секторе или сельском хозяйстве⁸, обуславливает сохранение существенного риска бедности среди детей даже в случае занятости родителей.

Положение *людей в пожилом возрасте* в последние годы несколько улучшилось благодаря восстановлению коэффициента замещения до уровня 40% (он существенно снизился после валютного кризиса 2011 г.) и росту экономической активности людей в пенсионном возрасте. Тем не менее, масштабы относительной бедности среди пенсионеров значимо выше средних по стране. Их уязвимость обусловлена низкой дифференциацией пенсий в Беларуси, вследствие которой большинство пенсий ненамного превышают официальную черту бедности. Это позволяет избежать абсолютной бедности, но относительно других групп населения пенсионеры (неработающие) сильно проигрывают. Их положение может ухудшиться в ближайшем будущем в связи с демографическими изменениями и сопутствующими вызовами для пенсионной системы по поддержанию коэффициента замещения на текущем уровне.

⁷ В 2014 г. доля занятых среди населения в трудоспособном возрасте от 18 до 65 лет составила 78%. Среди населения в трудоспособном возрасте, проживающих в семьях с детьми и неполных семьях в частности, доля занятых составила 86.2 и 91.9% соответственно.

⁸ Средняя оплата труда в образовании и здравоохранении превысила бюджет прожиточного минимума в 2014 г. в 3.2 и 3.5 раза соответственно. В сельском хозяйстве превышение также составило 3.5 раза. Этого недостаточно для устранения риска абсолютной бедности в больших семьях.

Снизить зависимость от пенсии (и, соответственно, уязвимость к относительной бедности) люди в пожилом возрасте могут, сохраняя занятость. Среди работающих пенсионеров практически отсутствует не только абсолютная, но и относительная бедность. Положительный эффект достигается за счет того, что работающие пенсионеры могут получать одновременно и пенсию, и заработную плату. В 2012 г. были приняты меры по стимулированию сохранения занятости после достижения пенсионного возраста с отказом от пенсии, чтобы ослабить текущее давление на ФСЗН. Однако выбор такой стратегии не привлекателен для населения, так как уровень оплаты труда в пенсионном возрасте снижается (см. также Чубрик и Шиманович, 2013). Кроме того, с учетом ожидаемой продолжительности жизни на пенсии слишком высок риск того, что, отказавшись от пенсии по достижении пенсионного возраста, человек может не дожить до ее получения (особенно это касается мужчин), а повышающие коэффициенты, применяемые к новой пенсии для тех, кто временно от нее откажется, не настолько велики, чтобы стимулировать людей к позднему выходу на пенсию⁹.

Население сельской местности выделяется среди других групп населения по месту жительства повышенным риском абсолютной и относительной бедности. Причинами высокого риска бедности на селе являются низкая экономическая активность, что объясняется возрастной структурой сельского населения, относительно низким уровнем оплаты труда в сельском хозяйстве и отсутствием широких альтернативных возможностей по трудоустройству, усугубляемые алкоголизмом. Особенно высок соответствующий риск в Гомельской и Могилевской областях из-за общей относительно депрессивной ситуации в данных регионах.

Для других социально уязвимых групп (*незанятое население, люди с невысоким уровнем образования*) ключевым фактором бедности является отсутствие работы либо возможностей трудоустройства на высокооплачиваемые должности. Система социальной защиты населения не ориентирована на защиту этих групп, полагаясь на рынок труда (в том числе индивидуальные стратегии преодоления трудностей) и поддержку сектора государственных предприятий. Экономическая стагнация и жесткая макроэкономическая политика привели к ухудшению положения на рынке труда и росту безработицы, в том числе скрытой, подразумевающей увеличение масштабов низкооплачиваемой или временно не оплачиваемой занятости¹⁰. Следовательно, размеры данной социально уязвимой группы без внедрения соответствующих инструментов социальной защиты будут увеличиваться.

⁹ Подробнее см. <http://www.kp.by/daily/25857/2825463/>.

¹⁰ В первом полугодии неотработанное время в связи с работой в режиме неполного рабочего времени, отпусками по инициативе нанимателя с частичным сохранением или без сохранения заработной платы, а также в связи с целодневными (целосменными) простоями составило 5.1 млн человеко-часов, что эквивалентно ежедневному невыходу на работу в течение трех месяцев 99 тыс. человек (2.2% от экономически активного населения).

2. ФОРМУЛИРОВКА СЦЕНАРИЕВ И РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ

2.1. Методология и данные

Период замедления экономического роста сменился в 2015 г. рецессией, связанной как со структурными проблемами в экономике Беларуси, так и неблагоприятной внешней конъюнктурой. Действие данных факторов носит долгосрочный характер, что предполагает высокий риск сохранения рецессии в 2016 г. (Исследовательский центр ИПМ, 2015). При этом выход из рецессии рискует не быть быстрым и сопровождаться продолжительной стагнацией, которая несет в себе дополнительные риски для перспектив экономического роста за счет ухудшения ситуации в банковском секторе и секторе государственных финансов (Крук, 2015). Альтернативным сценарием, который способен увеличить потенциал экономического роста и способствовать более быстрому выходу из кризиса, является проведение структурных реформ.

Оба варианта развития событий будут сопровождаться снижением благосостояния социально уязвимых групп населения. Стагнация приведет к ухудшению ситуации на рынке труда, росту безработицы (скрытой или открытой) и низкооплачиваемой занятости из-за снижения возможностей государства поддерживать занятость в секторе государственных предприятий. Ограниченные возможности бюджета будут также подталкивать к сокращению расходов, связанных с социальной политикой. Ожидается увеличение тарифов на услуги, в том числе ЖКХ, транспорта и связи; вероятным выглядит увеличение пенсионного возраста¹¹. Проведение структурных реформ означает изменение ситуации на рынке труда, высвобождение рабочей силы из сокращающихся секторов экономики, которая (особенно в краткосрочном периоде) не в полной мере будет перетекать в растущие секторы. Это потребует существенных изменений в системе социальной защиты населения, чтобы не допустить формирования новых/резкого ухудшения нынешних социально уязвимых групп населения.

В данном разделе представлен анализ возможных последствий изменений в социальной и экономической политике, связанных с проведением структурных реформ либо обусловленных кризисными явлениями при сохранении текущей структуры экономики, для благосостояния социально уязвимых групп населения. В частности, оценивается краткосрочное влияние экономического спада в 2015–2016 гг. на благосостояние населения. Предполагается, что рецессия приведет к снижению уровня оплаты труда в экономике и небольшому сокращению занятости, что способно увеличить масштабы бедности. Негативное влияние на социально уязвимые группы может также оказать и инфляция, темпы которой по-прежнему остаются довольно высокими. Особое внимание будет уделено изменению тарифов ЖКХ, которые регулируются государством. Темпы роста тарифов на услуги ЖКХ, в частности, опережали рост цен на остальные потребительские товары и услуги в 2015 г. Правительство планирует сохранить опережающий рост тарифов и в последующие годы для увеличения коэффициента покрытия затрат тарифами. Несмотря на в среднем невысокую долю расходов на ЖКХ в структуре потребления домашних хозяйств, рост соответствующих тарифов может ухудшить положение социально уязвимых групп. К тому же существующая практика расчета бюджета прожиточного минимума, который используется в качестве критерия предоставления социальной помощи, не учитывает напрямую расходы на услуги ЖКХ (см. раздел

¹¹ С середины декабря 2015 г. по середину января 2016 г. на тему повышения пенсионного возраста было проведено как минимум два круглых стола в крупнейших официальных СМИ (см. <http://zviazda.by/be/news/20151215/1450128625-pensiyny-uzrost-ci-varta-pavyshac> и <http://www.sb.by/konferents-zal/news/pensiya-neizbezhna-uvazhayte-budushchee.html>); начальник главного экономического управления Администрации президента в своей статье оценил эффект от повышения пенсионного возраста для женщин до 57 лет в течение 2017–2020 гг. в 1 процентный пункт дополнительного прироста реального ВВП с 2019 г. (см. Рудый, 2015).

4.2, Врезка 2), что снижает защищенность уязвимых групп от негативных последствий повышения тарифов на услуги ЖКХ.

Существующие вызовы для экономической политики, предопределяющие рецессию как минимум в краткосрочной перспективе, требуют решения – структурных реформ. Их проведение связано с определенными социальными издержками. В первую очередь это относится к изменениям на рынке труда и риску роста безработицы. Эти проблемы станут актуальными, даже если не проводить реформы, так как продолжительный период экономической депрессии неизбежно ухудшит ситуацию на рынке труда, так как у государства не будет возможности поддерживать занятость на текущем уровне. Соответствующий сценарий, оценивающий социальные последствия изменений на рынке труда, также рассмотрен в данном разделе.

Еще одной ожидаемой мерой экономической политики, которая может существенно изменить положение социально уязвимых групп, является повышение пенсионного возраста (см. Борнукова и др., 2016). Пенсионная система является инструментом предоставления социальной поддержки широкому кругу получателей, и его сужение может иметь негативные последствия для социальной политики в условиях общего ухудшения материального положения населения и в особенности сокращения занятости. Последствия повышения пенсионного возраста рассматриваются в отдельном сценарии.

Оценка всех сценариев осуществляется в два этапа. На первом этапе на основании исторических макроэкономических данных оцениваются возможные масштабы влияния на доходы населения изменений в социальной политике и выявляются наиболее чувствительные группы населения. На втором этапе на основании микроданных выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни за 2014 г. осуществляется моделирование ожидаемого эффекта для отдельных домохозяйств или групп населения. В зависимости от исходных предпосылок и доступности данных оценивается либо средний эффект на располагаемые ресурсы социальной группы, либо изменение риска бедности у отдельных домохозяйств.

Основные расчеты в данном отчете сделаны на основе данных Выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни, проводимого Белстатом по международной методологии с 1995 г.¹² (микроданные с 1995 по 2014 гг.). Описание этих данных приведено в тексте. Кроме того, на основе этих данных были рассчитаны следующие переменные:

- $RDRESPC_t^c$ – реальные располагаемые ресурсы на душу населения по процентилям населения ($RDRESPC_t^d$) – аналогичный показатель для децилей;
- $REHUPC_t^{c(d)}$ – потребление жилищно-коммунальных услуг на душу населения по процентилям (c) или децилям (d) населения – расходы на услуги ЖКХ, дефлированные на индекс цен на услуги ЖКХ.

Другими используемыми переменными, упомянутыми в тексте, были макроэкономические показатели:

- GDP_t – номинальный ВВП, BYR млрд (Белстат, собственный прогноз); $RGDP_t$ – реальный ВВП, BYR млрд в постоянных ценах 2009 г. (Белстат, прогноз МВФ);
- CPI_t – индекс потребительских цен, 2009 г. = 1 (Белстат, прогноз МВФ); UPI_t – индекс цен на услуги ЖКХ (Белстат); $NUPI_t$ – индекс потребительских цен на товары и услуги кроме услуг ЖКХ (собственные оценки на основе данных Белстата); $PCAPI_t$ – индекс цен на сырьевые товары (МВФ);
- W_t – номинальная зарплата, BYR/месяц (Белстат, собственный прогноз); P_t – номинальная пенсия, BYR/месяц (Белстат, собственный прогноз);

¹² См. <http://belstat.gov.by/gosudarstvennye-statisticheskie-nablyudeniya/vyborochnye-obsledovaniya/vyborochnoe-obsledovanie-domashnih-hozyaistv-po-urovnyu-zhizni/>.

- L_t – численность занятых в экономике (собственная оценка на основе данных Белстата, собственный прогноз); POP_t^j – численность населения в возрастных группах 15–24, 25–34, ..., 55–64 (прогноз Отдела народонаселения ООН).
Строчные буквы применяются для обозначения натуральных логарифмов переменных, если в тексте не упомянуто иное.

2.2. Проявления кризиса: влияние макроэкономических показателей на благосостояние населения

Оценка чувствительности доходов населения к изменению макроэкономических показателей

Ожидаемое падение ВВП чревато снижением реальной заработной платы: динамика зарплат в Беларуси тесно связана с динамикой производительности труда, то есть ВВП (см. Чубрик и Шиманович, 2013). Падение ВВП и долгосрочные демографические тенденции также обуславливают уменьшение числа занятых в экономике. Эти тенденции, наряду с замедленной стабилизацией темпов инфляции, могут приводить к ощутимому ухудшению материального положения населения.

Для оценки масштабов возможного влияния макроэкономических показателей на доходы населения в целом и отдельных его групп применялся следующий подход. На первом этапе проверялась гипотеза об отсутствии долгосрочной связи (коинтеграции) между макроэкономическими показателями (реальная заработная плата, занятость и инфляция) с одной стороны и реальными располагаемыми ресурсами на душу населения по процентиллям населения с другой стороны (тесты Педрони на коинтеграцию для панельных данных). При наличии долгосрочной связи оценивались ее параметры (при помощи полностью модифицированного метода наименьших квадратов для панельных данных). Далее аналогичные оценки (тест на коинтеграцию и оценка долгосрочной связи) проводились для децилей населения, чтобы выявить различия в эластичностях связи между макроэкономическими показателями и реальными располагаемыми ресурсами в зависимости от уровня дохода (тесты Энгла-Грэйнджера и оценка долгосрочной связи при помощи полностью модифицированного метода наименьших квадратов).

Большинство тестов на коинтеграцию свидетельствуют о наличии долгосрочной связи между анализируемыми переменными (гипотеза об отсутствии коинтеграции отвергается для пяти из семи тестов, см. Приложение 2, Таблица 10). Принимая во внимание выводы Kağan Örsal (2008) о том, что наиболее мощным тестом является панельная *ADF*-статистика (при этом Pedroni (1997) отмечал, что групповая *ADF*-статистика имеет большую мощность для малых выборок чем другие тесты), можно утверждать, что долгосрочная связь существует.

Оцененные параметры долгосрочной связи приведены в Таблица 11 (Приложение 2). Согласно полученным результатам, в среднем 1% прироста реальной заработной платы в экономике дает 0.91% прироста реальных располагаемых ресурсов, 1% прироста инфляции – их снижение на 0.009%, 1% прироста занятости – прирост реальных располагаемых ресурсов на 0.8%. Однако Чубрик (2007) показал, что в зависимости от уровня дохода домохозяйства изменение макроэкономических показателей может влиять на его благосостояние по-разному. Поэтому далее были оценены аналогичные уравнения для децилей населения.

Результаты этой оценки приведены в

Таблица 12 (Приложение 2). Во всех случаях¹³ гипотеза о наличии долгосрочной связи не была отвергнута. Динамика реальной заработной платы оказывала значимое положительное влияние на изменение реальных располагаемых ресурсов всех децилей, при этом эластичность по мере роста дохода в среднем постепенно снижалась (с 1.027 для первого дециля до 0.884 для десятого). Инфляция оказывала статистически значимое влияние на реальные располагаемые ресурсы только для первых двух децилей (эластичности составили -0.034 для первого и -0.023 для второго дециля). Это подтверждает выводы предыдущих исследований (Чубрик, 2007) о характере белорусского экономического роста как «роста в пользу бедных» и о том, что наименее «застрахованной» от негативных последствий макроэкономической нестабильности является наименее обеспеченная часть населения. Однако белорусский рост вряд ли может быть назван «вовлекающим»: динамика занятости оказывала влияние на динамику реальных располагаемых ресурсов 5–10 децилей, при этом по мере роста дохода коэффициент увеличивался (от 0.632 для шестого дециля до 1.608 для десятого). Иными словами, рост занятости создавал больше возможностей для наиболее обеспеченной части населения. В то же время, согласно этим результатам, сокращение занятости наиболее существенно сказывается (негативно) на доходах наиболее обеспеченных, что согласуется с выводами о том, что в период кризиса 2011 г. наиболее существенно пострадал средний класс (см., например, Черенкевич, 2015 и разделы 1.1 и 4.1), а также о том, что в период спада происходит снижение неравенства (Врезка 1).

Оценка влияния рецессии 2015–2016 гг. на доходы отдельных групп населения

Полученные коэффициенты эластичности располагаемых ресурсов различных децилей населения к изменениям в макроэкономических показателях позволяют оценить, как рецессия 2015–2016 гг. влияет на доходы различных слоев общества. В основе моделирования данных эффектов лежит прогноз МВФ, согласно которому реальный ВВП в Беларуси снизится на 4 и 2.2% в 2015 и 2016 гг. соответственно, а уровень инфляции будет около 14–15%¹⁴. Эти показатели, а также данные демографического прогноза Отдела народонаселения ООН, были использованы в качестве экзогенных параметров эконометрической модели (см. Приложение 1d), которая позволяет оценить соответствующие масштабы падения заработной платы и занятости. Согласно оценкам на основе этой модели, реальная заработная плата снизится на 4.1 и 5% в 2015 и 2016 гг. соответственно, а занятость – на 1.2 и 2.6%.

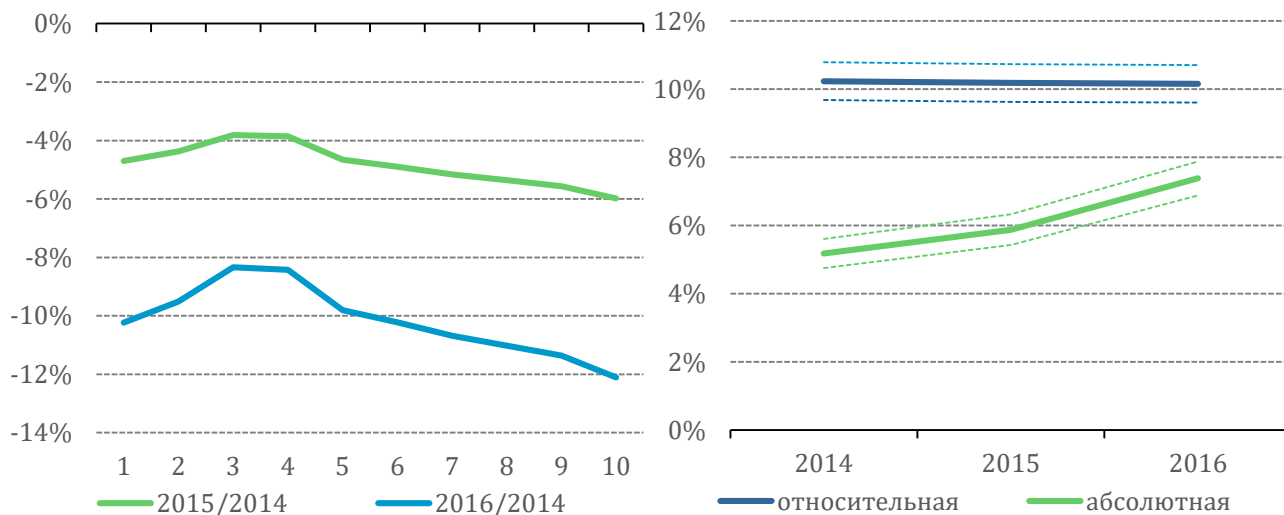
С учетом полученных эластичностей такое снижение занятости и заработной платы (при сохранении инфляции на уровне 14–15%) приводит в 2015 г. к сокращению располагаемых ресурсов населения в реальном выражении на 4.8%. Сохранение отрицательной динамики в 2016 г. и аккумулятивное негативных эффектов приводит к тому, что по итогам двух лет располагаемые ресурсы населения сократятся в среднем на 10.2%. Наиболее остро экономический спад ощущается представителями относительно обеспеченных децилей (см. Рис. 14а), которые более чувствительны к снижению занятости. Также ощутимое влияние кризис оказывает и на наименее обеспеченные децили за счет негативного влияния инфляции.

Такие масштабы снижения доходов населения и его распределение по децилям не приводят к резкому росту абсолютной бедности в 2015 г., поскольку группа риска, кото-

¹³ В большинстве уравнений в качестве детерминистических переменных помимо константы в спецификацию вошли несколько импульсных фиктивных переменных (1 для года t , 0 в остальных случаях) и фиктивных переменных, характеризующих сдвиг среднего (1 на заданном промежутке, 0 в остальных случаях).

¹⁴ См. базу данных Прогноза развития мировой экономики за октябрь 2015 г. Далее в качестве прогноза экзогенных макроэкономических параметров использовался именно этот прогноз, если не указано иное.

рая имеет доход, незначительно превышающий черту бедности, в 2014 г. была достаточно небольшой (см. Рис. 5). Таким образом, первый год кризиса, как показывает опыт 2011 г., ведет лишь к увеличению группы риска. Однако суммарный эффект за два года оказывается достаточно велик, чтобы обеспечить статистически значимое увеличение масштабов бедности. Если соотнести прогнозируемое падение доходов населения за 2015 - 2016 гг. с располагаемыми ресурсами отдельных домохозяйств по данным ВОД за 2014 г., то уровень абсолютной бедности вырос бы до 7.4% (см. Рис. 14b).

(а) изменение располагаемы ресурсов населения по децилям вследствие влияния экономического кризиса

(b) динамика абсолютной и относительной бедности под влиянием экономического кризиса

Примечание. Уровень абсолютной бедности за 2015 и 2016 гг. рассчитан через соотношение располагаемых ресурсов домохозяйства за 2014 г., скорректированных на прогнозируемое для его дециля падение доходов в 2015 и 2016 г., с чертой бедности за 2014 г. Уровень относительной бедности рассчитывался исходя из медианного дохода по данным за 2014 г., скорректированным на темпы снижения дохода, прогнозируемые в 2015 и 2016 гг.

Источник: собственные расчеты.

Рис. 14. Влияние кризиса на благосостояние населения: результаты моделирования

Чтобы оценить влияние экономического кризиса на отдельные социальные группы, полученные эффекты для отдельных децилей были распределены по респондентам в рамках выборочного обследования домашних хозяйств за 2014 г. Так как основное влияние от кризиса на доходы населения идет через рынок труда, наибольшее сокращение доходов происходит у занятого населения (см. Приложение 5, Таблица 17). Следовательно, резкое падение доходов может происходить в домохозяйствах, состоящих из одного человека в трудоспособном возрасте. Так как уровень экономической активности наиболее высок у населения с высшим образованием, то данная группа будет также особенно подвержена ухудшению состояния рынка труда. Как следствие, по географическому принципу наибольшая экономическая активность и подверженность кризисным явлениям в экономике характерна Минску и Минской области.

Данные социальные группы изначально имеют доход существенно выше среднего. Следовательно, они не должны сталкиваться с существенным ростом риска бедности, но будут вынуждены изменить структуру потребления. Такой состав уязвимых к экономическому спаду групп населения предполагает возможное снижение неравенства и отсутствие роста относительной бедности (см. Рис. 14b).

Что касается возраста, то наибольшее влияние экономический кризис оказывает на благосостояние людей в трудоспособном возрасте. Отрицательный эффект среди детей и людей в возрасте старше трудоспособного оказывается несколько ниже за счет того, что ухудшение ситуации на рынке труда оказывает только опосредованное влия-

ние на их благосостояние, либо через снижение доходов других участников домохозяйства, либо снижение возможностей социальной политики. Ситуация может существенно ухудшиться в случае долгосрочного характера кризиса, который приведет к вынужденному сокращению финансирования социальных программ и значительным изменениям на рынке труда (см. раздел 0).

2.3. Повышение тарифов на услуги ЖКХ

Оценка чувствительности доходов населения к изменению тарифов на услуги ЖКХ

Повышение тарифов на коммунальные услуги является одной из мер, включенных в дорожную карту реформ, которая ляжет в основу программы финансирования МВФ (в случае успешных переговоров). С начала 2016 г. они уже выросли на 20% (на величину НДС). И хотя до недавнего времени расходы на услуги ЖКХ занимали не очень существенную долю в потребительских расходах домохозяйств (5.3% в 2014 г.), их увеличение ожидается быть слишком существенным, чтобы игнорировать его влияние на благосостояние уязвимых групп.

В рамках данного сценария оценивается эффект от административного повышения тарифов на услуги ЖКХ. При этом учитывается, что оно приведет к некоторому сокращению их потребления (хотя эластичность по цене для этих видов услуг довольно низкая, см. Черенкевич, 2015). Кроме того, учитывается эффект от повышения цен на другие товары и услуги (перекрестная эластичность).

Эластичности спроса на услуги ЖКХ по доходу и по цене оценивались аналогично разделу 2.2. В качестве зависимой переменной выступали расходы домохозяйств на услуги ЖКХ в реальном выражении, в качестве объясняющих – реальные располагаемые ресурсы (коэффициент при этой переменной характеризует эластичность спроса по доходу), индекс цен на услуги ЖКХ (коэффициент представляет собой эластичность спроса по цене) и индекс цен на прочие товары и услуги (перекрестная эластичность, которая показывает, как меняется потребление коммунальных услуг при изменении цен на прочие товары и услуги). Однако, учитывая, что в сельской местности расходы на услуги ЖКХ ниже, чем в городе, и их структура отличается, соответствующие расчеты делались отдельно для городской и сельской местностей.

Различия между городской и сельской местностью оказались довольно существенными. Для сельской местности коэффициент при индексе цен на коммунальные услуги оказался статистически неотличимым от нуля (хоть и имел правильный знак), поэтому панельные тесты на коинтеграцию для сельской местности делались для трех переменных: расходы на услуги ЖКХ в реальном выражении, реальные располагаемые ресурсы и индекс потребительских цен на товары и услуги кроме услуг ЖКХ.

И для городской, и для сельской местности большинство тестов показали наличие коинтеграции между анализируемыми переменными (см. Приложение 5, Таблица 13–Таблица 14). В среднем для сельского населения 1% прироста реальных доходов давал увеличение потребления коммунальных услуг в реальном выражении на 0.69% (для городской местности – на 0.325%). Более высокая эластичность спроса на услуги ЖКХ по доходу объясняется большей «мобильностью» сельских жителей в использовании альтернативных вариантов отопления и водоснабжения по сравнению с городскими жителями, которые в подавляющем большинстве случаев могут контролировать только потребление газа, электроэнергии и воды. Для жителей городской местности изменение тарифов на услуги ЖКХ было важным фактором, корректирующим их потребление: 1% прироста цен на услуги ЖКХ обуславливал снижение их потребления на 0.1%, в то время как для сельской местности такой связи не было обнаружено. Наконец, 1% прироста цен на прочие товары и услуги в городской местности обеспечивал увеличение потребления коммунальных услуг на 0.14%, а в сельской местности – на 0.04%.

Аналогично предыдущему разделу, далее оценивались уравнения, описывающие зависимость потребления услуг ЖКХ от доходов и динамики цен для каждого дециля (см. Приложение 5, Таблица 15). Тест Энгла-Грэйнджера показал наличие долгосрочной связи между анализируемыми переменными для всех децилей населения и для городской, и для сельской местности, все коэффициенты имеют ожидаемые знаки. Анализ показал как значимые различия между децилями внутри каждой группы (город/село), так и существенную разницу между городом и селом. Во-первых, для всех децилей населения в городской местности значимыми оказались все три объясняющих переменных, в то время как для сельской местности только для седьмого дециля повышение тарифов на услуги ЖКХ показало значимое отрицательное влияние на динамику их потребления, и только для второго, восьмого и девятого децилей повышение цен на прочие потребительские товары и услуги имело значимое положительное влияние на динамику потребления услуг ЖКХ.

Эластичность спроса на услуги ЖКХ по доходу в сельской местности различалась по децилям следующим образом: коэффициенты для первого и второго дециля статистически неотличимы друг от друга (около 0.5), для третьего-девятого децилей они примерно одинаковы и составляют около 0.8, и для десятого дециля эластичность спроса по доходу превысила 1 (1.12), см. Приложение 5, Таблица 15. Вероятно, столь высокая эластичность для десятого дециля означает, что наиболее обеспеченные домохозяйства в сельской местности стремятся подключаться к общественным сетям коммунальных услуг (газо- и водоснабжение, канализация), что требует значительных инвестиций, в то время как менее обеспеченные домохозяйства далеко не всегда могут позволить себе инвестировать такие средства. В городской местности эластичность спроса на услуги ЖКХ по доходу постепенно растет по мере роста дохода с 0.13 для первого дециля до 0.81 для десятого. Это, вероятно, связано с большими возможностями обеспеченных домохозяйств по расширению жилплощади и приобретению товаров бытовой техники и соответствующему увеличению потребления услуг ЖКХ.

Таким образом, и в городе, и на селе более обеспеченные домохозяйства склонны в большей степени увеличивать потребление услуг ЖКХ при увеличении дохода. В условиях неполного возмещения затрат в секторе ЖКХ тарифами это означает, что более обеспеченные домохозяйства получают (в абсолютном выражении) больше соответствующих субсидий, чем менее обеспеченные. В отношении электроэнергии и водоснабжения этот эффект ограничен существованием предельных значений подушевого потребления, оплачиваемых по льготным тарифам, однако отопление и в значительной степени газ обеспечивают большее субсидирование обеспеченных домохозяйств, и эту неэффективность субсидий на услуги ЖКХ можно устранить, только повысив тарифы.

Эластичность спроса по цене для городской местности не связана с уровнем дохода: наибольшего абсолютного значения она достигает у десятого дециля (-0.22), далее следует группа первого, пятого и восьмого децилей (от -0.15 до -0.14). Для остальных децилей она колеблется в диапазоне от -0.09 до -0.07 (для третьего дециля абсолютное значение эластичности спроса по цене минимально и составляет -0.05). Перекрестная эластичность тоже не зависит от дохода, при этом она оказалась довольно высокой (от 0.07 до 0.22), то есть, согласно полученным результатам, население увеличивает потребление услуг ЖКХ при повышении прочих цен.

Оценка влияния повышения тарифов на услуги ЖКХ на благосостояние отдельных групп населения

Полученные эластичности потребления услуг ЖКХ по цене для разных децилей населения позволяют смоделировать, как административное повышение тарифов скажется на благосостоянии отдельных домохозяйств. В основе моделирования лежит предпосылка

о повышении тарифов на услуги ЖКХ на 50%. Эта оценка исходит из ранее существовавшей практики повышения тарифов на услуги ЖКХ примерно на 5 долларов США в эквиваленте в расчете на семью из трех человек, проживающую в двухкомнатной квартире общей площадью 48 м², скорректированного на темпы роста доходов населения¹⁵. При прогнозе инфляции в 15% рост цен без учета тарифов ЖКХ должен составить около 12.9%.

Еще одной предпосылкой моделирования влияния повышения тарифов является неизменный реальный доход населения. В этом случае расчет эффекта от роста тарифов на благосостояние домохозяйства оценивается по формуле:

$$\Delta W = \frac{(1 + \Delta t \cdot \varepsilon_t + \Delta cpi \cdot \varepsilon_{cpi}) \cdot (1 + \Delta t)}{1 + \Delta cpi} - 1,$$

где Δt – увеличение тарифов ЖКХ, Δcpi – увеличение цен на другие услуги и потребительские товары, ε_t – эластичность потребления услуг ЖКХ по размеру тарифов, показывающая масштабы сокращения потребления услуг с ростом тарифов, ε_{cpi} – эластичность потребления услуг ЖКХ по цене на другие товары и услуги, отражающий рост потребления ЖКХ при увеличении цен на прочие услуги в качестве эффекта замещения. Знаменатель в данной формуле отражает пересчет номинального эффекта от увеличения тарифов в реальный. Тем самым, полученный эффект показывает, насколько снижается способность населения приобретать товары и услуги отличные от ЖКХ вследствие роста тарифов на них.

В среднем благосостояние населения от увеличения тарифов на ЖКХ в заданном масштабе сокращается на 1.79%. Данный эффект распределен неравномерно среди населения (см. Приложение 5, Таблица 18), что связано с различиями в доступности услуг ЖКХ и возможностью оптимизировать их потребление у разных групп населения. В частности, по признаку «социально-экономический статус» наибольшее снижение благосостояния вследствие повышения тарифов происходит у пенсионеров (на 2.1%). Это связано с высоким удельным весом расходов на услуги ЖКХ в располагаемых ресурсах пенсионеров (он существенно выше среднего по стране¹⁶), а их возможности изменить потребление данных услуг ограничены¹⁷.

Эффект от изменения тарифов на услуги ЖКХ различается и в зависимости от пола. Женщины в среднем более чувствительны к повышению тарифов, чем мужчины. Во многом это связано с различиями в возрастных структурах и большей долей женщин в пенсионном возрасте (и среди одиноких пенсионеров, для которых в потреблении услуг ЖКХ отсутствует экономия от масштаба).

В зависимости от места жительства наиболее чувствительны к повышению тарифов жители крупных городов, где расходы на услуги ЖКХ наибольшие (потери благосостояния составляют 1.9% от располагаемых ресурсов). Исключение составляет г. Минск, где общий уровень доходов достаточно высок, чтобы эффект от роста тарифов по отношению к располагаемым ресурсам был не выше среднего по стране. Существенное влияние повышение тарифов оказывает и на благосостояние сельского населения (падение располагаемых ресурсов на 1.8%), которое не столь гибко реагирует на изменение тарифов и цен. Ощутимое снижение благосостояния вследствие роста тарифов на услуги

¹⁵ Оценка основана на прогнозе инфляции в 15%, небольшом падении реальных доходов, эффекте от обесценивания белорусского рубля в 2015 г. и среднем размере расходов на услуги ЖКХ в 2014 г. около BYR 346 тыс. на домохозяйство.

¹⁶ У пенсионеров доля расходов на услуги ЖКХ (расходы на жилье за вычетом расходов на приобретение топлива для обогрева помещений) в располагаемых ресурсах составляет 6.6% при среднем уровне в 5.8%.

¹⁷ Доля пенсионеров среди сельского населения, менее гибко реагирующего на изменение тарифов, намного выше, чем среди городского (25.2 и 19.2% соответственно).

ЖКХ характерно в целом для жителей Брестской и Гомельской областей, где данные выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни показывают наименьший уровень доходов населения.

Выше среднего отрицательное влияние повышения тарифов на услуги ЖКХ на располагаемые ресурсы людей, имеющих только общее среднее образование. Это связано с их изначально достаточно ограниченными финансовыми возможностями. Наиболее остро увеличение тарифов отразится на благосостоянии неполных семей и домохозяйств, состоящих из одного человека. Такие домохозяйства лишены эффекта от масштаба, возникающего в больших домохозяйствах. Например, снижение располагаемых ресурсов одиноких пенсионеров от роста коммунальных тарифов составит, по нашим оценкам, 2.5%¹⁸.

Таким образом, к повышению тарифов ЖКХ наиболее чувствительны группы, которые относятся к социально уязвимым. Это предполагает увеличение риска и глубины абсолютной бедности в Беларуси, в особенности среди неполных семей, жителей не самых благополучных крупных городов, а также увеличение относительной бедности среди пенсионеров.

Оценка возможного увеличения масштабов абсолютной бедности вследствие роста тарифов на услуги ЖКХ была осуществлена через пересчет черты абсолютной бедности. Предполагается, что заложенное в сценарии увеличение тарифов, приведет к росту бюджета прожиточного минимума на 2.3%¹⁹. Такой подход не показывает группы, уязвимые непосредственно к росту тарифов ЖКХ, но выделяет группы населения, доходы которых лишь немного выше черты бедности и которые на практике чувствительны к изменению любых цен.

В целом увеличение черты абсолютной бедности ведет к росту риска абсолютной бедности с 5.2 до 5.6%. Такое увеличение соответствует размеру доверительного интервала исходной оценки уровня абсолютной бедности и может рассматриваться как статистически значимое. Наиболее ощутимое увеличение бедности происходит в неполных семьях, а также среди детей (см. Приложение 5, Таблица 18). Также риск бедности увеличивается среди жителей крупных городов – в результате он оказывается выше уровня бедности в малых городах. Еще одной группой, уязвимой к увеличению черты бедности, являются люди со средним общим и профессионально-техническим образованием. Эти группы пересекаются с теми, которые чувствительны непосредственно к изменению тарифов на услуги ЖКХ, что еще раз свидетельствует об угрозе увеличения уровня бедности при резком повышении коммунальных тарифов.

2.4. Структурные изменения: последствия на рынке труда

Последствия реструктуризации предприятий для занятости: пример Словакии

Реструктуризация реального сектора экономики предполагает перераспределение трудовых ресурсов и капитала из менее эффективных секторов в более эффективные. На первых порах данный процесс всегда сопровождается ростом безработицы, так как не все работники оказываются востребованными в новой структуре экономики и могут быстро получить новые квалификации, которые будут востребованы. Анализ потенциального масштаба роста безработицы в Беларуси в случае изменений в структуре экономики затруднен отсутствием необходимых статистических данных о состоянии рынка труда²⁰. Определенный анализ профиля безработных можно провести только на основании данных выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни и данных

¹⁸ Доля расходов на услуги ЖКХ в располагаемых ресурсах одиноких пенсионеров составляет 7.9%.

¹⁹ Рассчитано исходя из доли расходов на ЖКХ среди абсолютно бедного населения в 2014 г. в 7.1% и роста тарифов на 50%, скорректированного на общий уровень инфляции.

²⁰ Данные обследования домохозяйств по проблемам занятости населения за 2012–2015 гг., которые содержат необходимую информацию, находятся в закрытом доступе.

по зарегистрированной безработице. Они показывают, что самый высокий риск незанятости в Беларуси у молодежи. Ближе к пенсионному возрасту риск безработицы ощутимо снижается. Это является следствием государственного регулирования рынка труда, направленного на обеспечение максимально возможной занятости, как за счет поддержки рабочих мест, так и стимулирования населения к официальной занятости, ограничивая доступность пенсионного обеспечения для тех, кто не был занят в предпенсионном возрасте.

Однако в условиях изменений в структуре экономики в ходе затяжного кризиса либо экономических реформ такая структура безработицы должна измениться. Группа населения в предпенсионном возрасте должна столкнуться с наибольшим риском безработицы, так как она наименее мобильна. Это подтверждает и опыт других стран, которые проходили через период структурной трансформации. Например, в Словакии с 1999 по 2002 гг. – период активной фазы структурных реформ – уровень безработицы среди мужчин в возрастных группах 55–59 и 60–64 вырос на 4.8 и 5 проц. пунктов соответственно (общий уровень безработицы среди мужчин увеличился за этот период на 2.2 проц. пункта), а среди женщин в возрастных группах 50–54 и 55–59 он вырос на 7.4 и 8.7 проц. пунктов соответственно (общий уровень безработицы среди женщин увеличился за этот период на 2.3 проц. пункта), см. Таблица 1. Соответствующие эффекты роста безработицы смоделированы и для Беларуси.

Таблица 1. Динамика безработицы в Словакии в период реформ (2000–2003 гг.), % от экономически активного населения

	Мужчины					Женщины				
	1999	изменение с 1999 г.				1999	изменение с 1999 г.			
		2000	2001	2002	2003		2000	2001	2002	2003
Всего	16.3	2.6	3.5	2.2	1.1	16.3	2.1	2.4	2.3	1.3
15-19	64.8	6.3	5.0	2.7	-0.2	59.6	3.3	5.7	-3.2	2.2
20-24	27.2	5.4	8.7	6.4	2.8	22.7	2.2	6.3	8.5	4.3
25-29	16.1	2.4	2.6	0.0	0.9	18.1	2.0	2.2	1.3	-1.3
30-34	13.6	1.4	3.7	1.9	-0.5	18.5	1.4	0.2	-0.1	1.6
35-39	12.7	3.1	3.8	2.8	1.9	14.7	2.7	0.6	1.1	0.5
40-44	12.1	2.3	2.6	3.7	2.4	10.6	2.5	3.2	2.3	3.2
45-49	10.3	3.4	4.6	2.7	2.7	9.9	3.1	4.5	3.9	4.3
50-54	11.0	2.1	1.9	1.8	3.4	8.0	2.5	4.5	7.4	6.4
55-59	11.2	2.9	1.1	4.8	4.1	6.2	3.6	5.4	8.7	2.0
60-64	5.3	2.2	5.2	5.0	3.3	15.4	-9.6	-3.8	-8.9	-1.4
65+	2.6	-1.6	2.7	-0.3	-1.9	7.7	-3.8	-5.8	1.0	-3.7

Источник: собственные расчеты на основе данных Laborstata ILO Database.

На первом этапе моделирования эффекта от структурных изменений были определены вероятности, с которой занятые могут потерять работу (подробнее см. Приложение 4). Далее в рамках пятилетних возрастных групп²¹ были выделены люди с наибольшей вероятностью оказаться безработным. Их общее число было определено исходя из масштабов прироста безработицы для каждой возрастной группы, с которой столкнулась Словакия в ходе реформ 1999–2002 гг.²² В дальнейшем был рассчитано влияние на располагаемые ресурсы домохозяйства, связанное с потерей выбранными людьми дохода от занятости, и рассчитан ожидаемый рост абсолютной бедности.

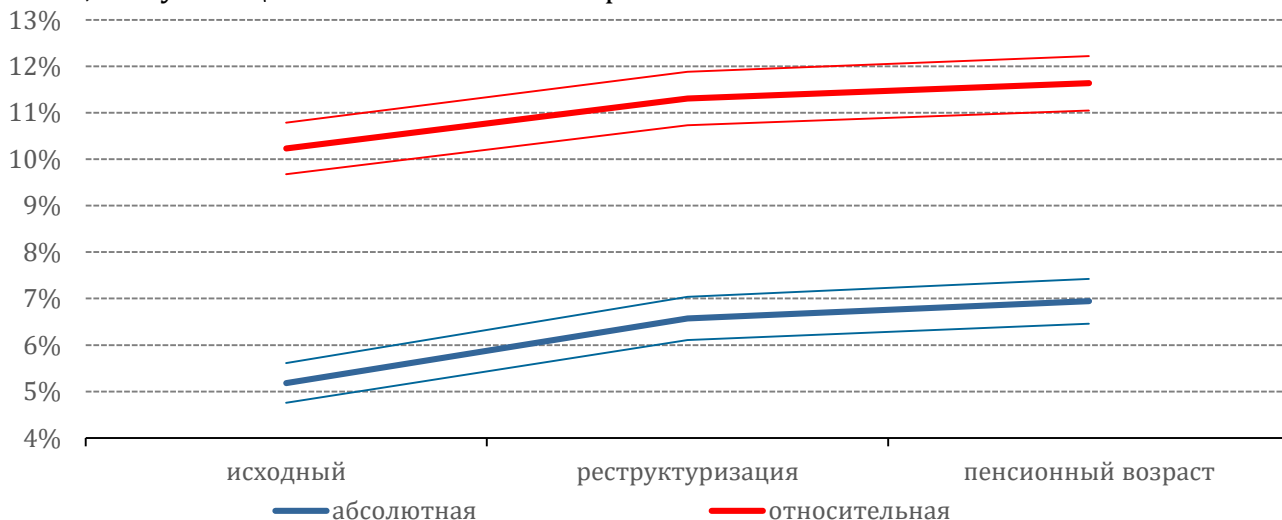
Оценка влияния структурных изменений на благосостояние отдельных групп населения

Результаты моделирования структурных изменений в экономике показали увеличение абсолютной бедности с 5.2 до 6.6% населения вследствие роста безработицы (см. Рис.

²¹ До 65 лет среди мужчин и 60 у женщин.

²² Общий прирост безработицы составил порядка 2.2% от экономически активного населения, что соответствует уровню скрытой безработицы на середину 2014 г. (см. сноску 10).

15). Значительное увеличение риска бедности происходит среди населения в трудоспособном возрасте, что следует из предпосылок сценария. Кроме того, значимо увеличивается риск абсолютной бедности среди детей (с 9.6 до 11.3%, см. Приложение 5, Таблица 19). Сокращение занятости оказывает большее влияние на благосостояние мужчин, так как уровень экономической активности среди них выше. Однако даже с учетом полученного эффекта однозначно утверждать, что риск бедности среди мужчин будет выше, чем у женщин можно лишь с оговорками²³.

Источник: собственные расчеты на основе данных ВОД.

Рис. 15. Уровень абсолютной и относительной бедности в условиях структурных изменений в экономике и повышения пенсионного возраста

Значимое увеличение риска бедности происходит как среди ранее занятого населения (потерявших работу), так и среди незанятых. Домохозяйства с изначально незанятыми участниками в трудоспособном возрасте оказываются чувствительны к ухудшению ситуации на рынке труда, так как рост безработицы может лишить семью существовавших источников дохода от занятости.

Существенные различия во влиянии структурных изменений в экономике на благосостояние населения наблюдаются исходя по месту жительства. Жители г. Минска могут не ощутить значительного увеличения риска бедности из-за большей гибкости рынка труда и относительно высоких доходов населения. Среди жителей крупных городов масштабы роста бедности будут выше, чем в Минске, но ощутимо меньше среднего эффекта по стране. Наиболее же уязвимыми к шоку занятости являются жители сельской местности, где спрос на рынке труда крайне ограничен. Уровень бедности в сельской местности может увеличиться с 7.8 до 12.1%. В региональном разрезе значительный рост риска бедности возможен в Брестской, Витебской, Гомельской областях, где масштабы развития альтернативных стратегий преодоления кризиса невысоки, и доходы населения особенно сильно зависят от занятости.

Еще одной уязвимой группой является население со средним общим образованием. Вероятность потерять работу среди этой группы населения особенно высока из-за низкой квалификации.

Так как с отрицательными последствиями изменений на рынке труда сталкиваются в основном социально уязвимые группы, это приводит к увеличению неравенства в обществе. Уровень относительной бедности, таким образом, также увеличивается с 10.2 до 11.3%.

²³ Доверительный интервал (95%-й) для доли абсолютно бедных мужчин после оцененного роста безработицы составляет от 6.4 до 7.9%, а женщин – от 5.6 до 6.8%, т.е. они частично пересекаются.

2.5. Реформа пенсионной системы: повышение пенсионного возраста

В более ранних исследованиях рассматривался сценарий повышения пенсионного возраста для мужчин и женщин на 5 лет (см. Шиманович и Чубрик, 2013). Однако поскольку повышение пенсионного возраста обычно идет постепенно, в данном исследовании было проанализировано, как скажется на риске бедности повышение возраста выхода на пенсию на один год. Эффект от данного шага был оценен как потеря дохода от пенсий мужчинами в возрасте от 60 до 61 года и женщинами в возрасте от 55 до 56 лет. Размер данной группы составляет 1.5% населения, что определяет потенциальный масштаб эффекта от увеличения пенсионного возраста в краткосрочном периоде. Кроме того, в работе Шиманович и Чубрик (2013) была заложена предпосылка дефицита трудовых ресурсов и отсутствие проблем с трудоустройством для людей в предпенсионном возрасте. С учетом текущих структурных изменений в экономике данная предпосылка более не реалистична.

Повышение пенсионного возраста на фоне изменений на рынке труда, оцененных в разделе 2.4, могут иметь негативные последствия для социальной политики, поскольку многие люди продолжали работать после выхода на пенсию, и повышение пенсионного возраста как минимум лишает их дополнительного дохода - пенсии. Более того, учитывая, что люди в предпенсионном возрасте имеют наибольший риск столкнуться с безработицей вследствие реструктуризации сектора государственных предприятий, увеличение пенсионного возраста расширит группу уязвимого населения. В данном сценарии мы предполагаем, что мужчины в возрасте от 60 до 61 года и женщины в возрасте от 55 до 56 лет, которые не работали, будучи уже пенсионерами, не будут трудоустроены и в случае повышения пенсионного возраста. Помимо увеличения безработицы, повышение пенсионного возраста также существенно ограничит доступность такой индивидуальной стратегии преодоления трудностей как сохранение занятости после выхода на пенсию (одновременное получение зарплаты и пенсии). Такая стратегия позволяла населению сделать определенные сбережения и сгладить резкое падение доходов при полном выходе на пенсию.

Оценка реализации сценария повышения пенсионного возраста (см. раздел 2.1) в дополнение к сценарию структурных изменений показала, что потеря населением в предпенсионном возрасте (мужчины в возрасте от 60 до 61 года и женщины в возрасте от 55 до 56 лет) дохода от пенсии в условиях изменений на рынке труда привела бы к дальнейшему росту бедности на 0.3 процентных пункта до 6.9%. Данное увеличение бедности происходит в равной степени за счет ухудшения материального положения пенсионеров, занятого населения и незанятого населения в трудоспособном возрасте (см. Приложение 5, Таблица 19). В частности, риск бедности увеличивается у домохозяйств, состоящих из одного человека.

По месту жительства наиболее уязвимыми к повышению пенсионного возраста оказываются жители Минска, у которых риск бедности статистически значимо вырастает на 0.9 процентного пункта. Также риск увеличивается у жителей крупных городов, но остается неизменным у жителей сельской местности, для которых основным шоком был связан со снижением занятости. Риск бедности ощутимо вырастает у населения со средним общим образованием (на 1.2 процентных пункта), которое в меньшей степени способно сохранить занятость в рассматриваемом возрасте в условиях структурных изменений.

Масштаб снижения располагаемых ресурсов населения в целом вследствие повышения пенсионного возраста на один год составляет в среднем 0.7%. Однако для домохозяйств, непосредственно затронутых данной мерой, отрицательный эффект составляет 16.3%. Как следствие, риск бедности среди населения, затронутого пенсионной реформой, увеличивается с 3.2 до 10.2%. Масштабы роста абсолютной бедности у данной группы сдерживаются тем, что существенная часть населения в анализируемом возрасте

(74.4%²⁴) продолжает получать доходы от занятости. Соответственно, негативные последствия для многих ограничены лишением возможности смягчить перепад в потреблении, связанным с выходом на пенсию. Тем не менее, потери пенсии оказываются достаточно для ощутимого увеличения относительной бедности среди населения, затронутого реформой (с 8.7% до 18.8%). Как следствие, увеличивается уровень относительной бедности и в среднем по населению (с 11.3 до 11.6%).

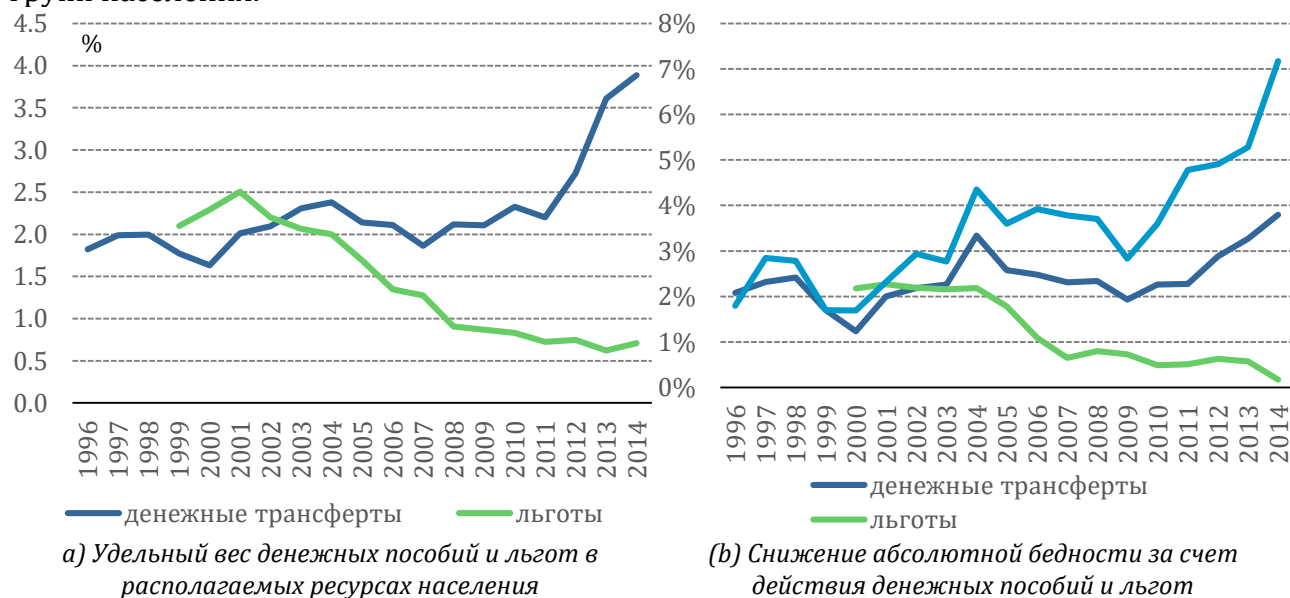
²⁴ В том числе 57.9% населения в данной половозрастной группе получало заработную плату в течение всего года. Для сравнения среди женщин в возрасте 54 лет и мужчин в возрасте 59 лет доля тех, кто получал доход в форме заработной платы составила 81%, в том числе 70.9% получало заработную плату в течение всего года.

3. ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

3.1. Эффективность инструментов социальной политики

Насколько существенным окажется итоговое падение благосостояния и увеличение бедности, зависит от эффективности инструментов социальной политики. Доля денежных пособий и субсидий в располагаемых ресурсах населения на протяжении 2002–2012 гг. находилась на стабильном уровне (около 2%). В последние годы наблюдается ее резкое увеличение (см. Рис. 16а), что связано с ростом размеров пособий на детей. Соответствующие расходы ФСЗН (выплата пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, в связи с рождением ребенка, женщинам, ставшим на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности, семьям, воспитывающим детей, а также на погребение) выросли с 1.6% от ВВП в 2011 г. до 2.4% от ВВП в 2014 г.

Увеличение расходов ФСЗН на денежные трансферты и усиление роли соответствующих доходов в располагаемых ресурсах населения сопровождалось снижением бедности. Эффект от выплаты данных пособий на масштабы абсолютной бедности увеличился с 2–3 процентных пунктов в 2002–2012 гг. до 4 процентных пунктов в 2014 г. (см. Рис. 16б). Таким образом, уровень абсолютной бедности в 2014 г. при отсутствии денежных трансфертов со стороны государства составил бы 9%. Уровень бедности до получения денежных трансфертов находится на уровне 9–10% начиная с 2008 г., что говорит о важной роли социальной политики в снижении риска бедности в последние годы (см. Рис. 17а). До 2008 г. основным фактором снижения бедности был экономический рост, положительный эффект от которого был равномерно распределен среди всех групп населения.

Примечание. * Снижение абсолютной бедности среди детей вследствие наличия пособий на детей.

Денежные трансферты включают в себя стипендии, пособия на детей, другие государственные дотации и пособия. До 2009 г. в трансферты также включались отдельно выделенные пособия по безработице, до 2002 г. – черныбыльские пособия, до 1999 г. – пособия на приобретение топлива на нужды отопления.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

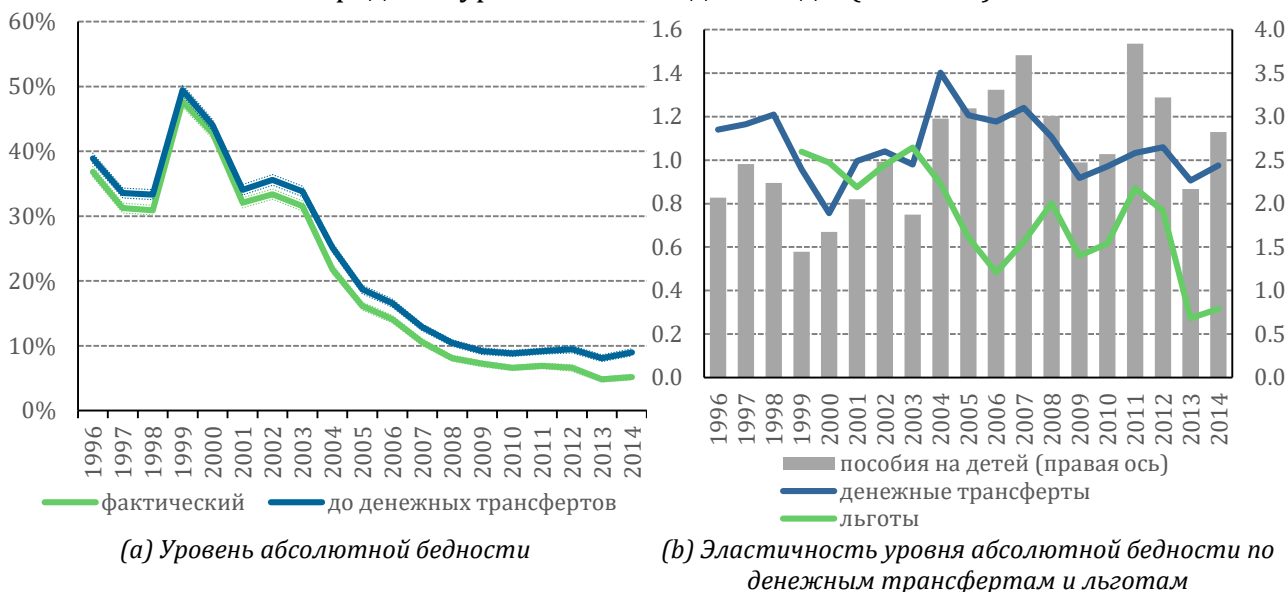
Рис. 16. Удельный вес в располагаемых ресурсах и влияние на риск абсолютной бедности денежных трансфертов и льгот

Денежные трансферты также ощутимо влияют на уровень неравенства и относительной бедности. До получения пособий уровень относительной бедности значимо выше. В 2014 г. относительная бедность до получения пособий составила 13.6% вместо фактических 10.2%.

Так как основную часть пособий составляют детские пособия, то особенно высоко их влияние на уровень бедности среди детей. До получения детских пособий уровень абсолютной бедности среди детей был бы выше в 2014 г. на 7.2 процентных пункта (а без пособий в целом на 8.9 пункта). Для сравнения, на протяжении 2002–2010 гг. данный эффект составлял в среднем 3.5 процентных пункта. Таким образом, снижение детской бедности в период после 2008 г. связано в основном с действием социальных пособий: уровень абсолютной бедности среди детей до получения пособий оставался неизменным в 2008–2014 гг. в районе 16%.

Также денежные трансферты ощутимо снижают риск бедности среди незанятого населения (на 5.1 процентных пункта в 2014 г.) и в неполных семьях (на 5.7 пункта). По месту жительства влияние денежных трансфертов выше среднего в малых городах, а также в Брестской и Гродненской областях (см. Приложение 5, Таблица 20).

Изменение эффективности инструментов социальной политики можно оценить, используя эластичность уровня бедности от трансфертов со стороны бюджета. Эластичность показывает, как изменится бедность в случае снижения на 1 процентный пункт удельного веса денежных трансфертов в располагаемых ресурсах населения. Ее значение на протяжении всего рассматриваемого периода находилось в районе 1 и не изменилось в последние годы (см. Рис. 17b). Таким образом, увеличение расходов бюджета на пособия произошло без потери в их эффективности как инструмента борьбы с бедностью. Эластичность уровня детской бедности от доли пособий на детей в структуре располагаемых ресурсов населения более изменчива, но и она не показывает снижения в 2014 г. относительно среднего уровня за последние годы (с 2008 г.).

Примечание. Эластичность по пособиям на детей приведена для уровня абсолютной среди детей.

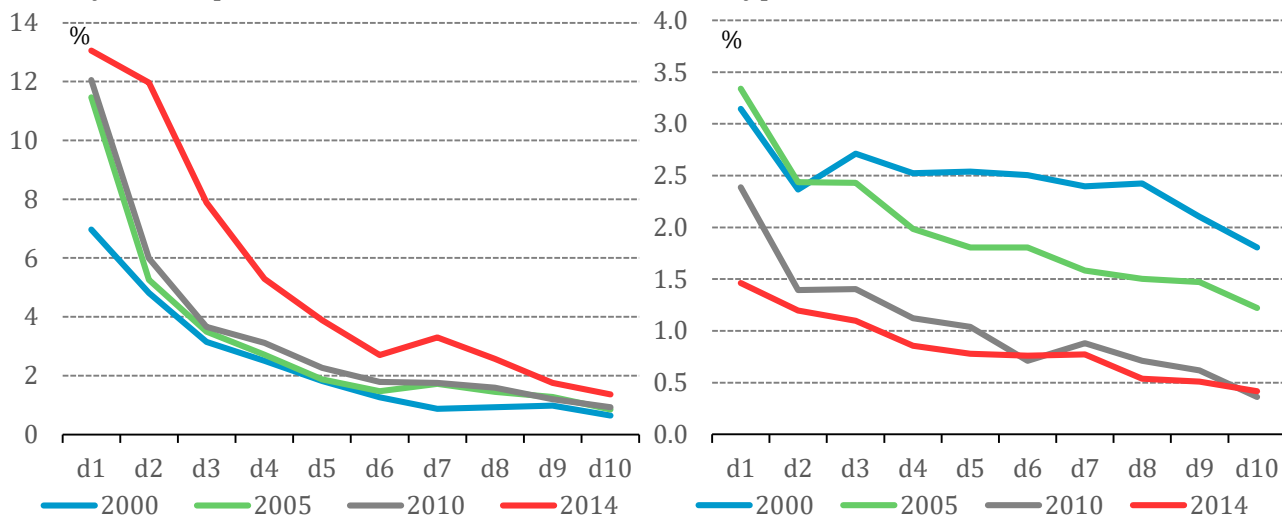
Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 17. Эффективность пособий и льгот в снижении уровня абсолютной бедности

Положительный эффект объясняется довольно высокой адресностью денежных трансфертов населению. Их удельный вес в доходах менее обеспеченного населения существенно выше, чем в среднем по стране. Удельный вес пособий в располагаемых ресурсах первого дециля превышал 10% на протяжении последнего десятилетия (см. Рис. 18а). После увеличения размера пособий на детей в 2013г. резко увеличилась доля денежных трансфертов и в располагаемых ресурсах второго дециля. Ощутимый рост произошел и у третьего-четвертого децилей, в то время как у более обеспеченных децилей эффект от повышения пособий был не столь заметен.

Еще одним инструментом социальной политики являются льготы, предоставляемые в натуральном выражении. Их вес в располагаемых ресурсах населения в начале

2000-х гг. был сопоставим с весом денежных трансфертов, но в дальнейшем он постепенно снижался. Начиная с 2008 г., когда система льгот была реформирована, он не превышает 1%. Соответственно и эффект от льгот для уменьшения уровня абсолютной бедности заметно меньше, чем от пособий. В 2013–2014 гг. этот эффект снизился до 0.2 процентного пункта, т.е. фактически является статистически незначимым относительно существующего риска абсолютной бедности на 95% уровне значимости.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 18. Удельный вес денежных трансфертов и льгот в располагаемых ресурсах населения по децилям

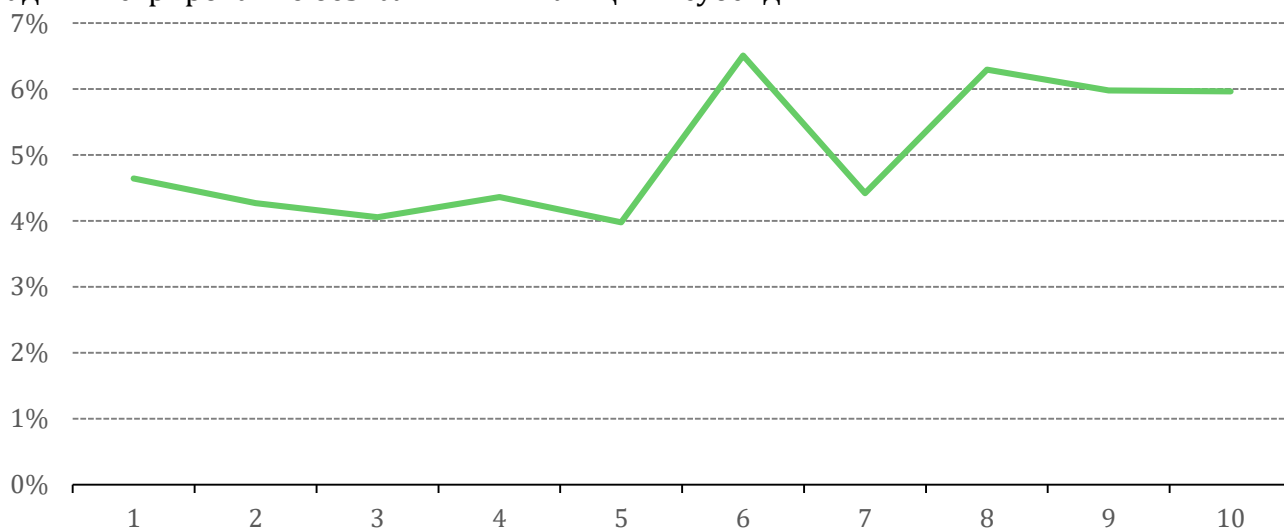
Кроме того, эластичность уровня бедности от льгот в последние годы существенно ниже, чем от пособий, что подчеркивает относительно низкую эффективность данного инструмента. Резкое увеличение эластичности произошло только в 2011–2012 гг., когда доходы населения были подвержены влиянию валютного кризиса. В этот период эластичность уровня бедности по льготам приблизилась как к эластичности по пособиям, так и к своему историческому максимуму, который наблюдался в начале 2000-х гг. Таким образом, льготы оказываются достаточно эффективным инструментом снижения бедности только в период экономических шоков, когда поддержка важна для более широкого круга населения. В другие годы их эффективность невысока из-за слабой адресности. Их удельный вес в доходах наименее обеспеченных групп населения незначительно выше, чем у относительно богатых (см. Рис. 18). При этом общее снижение роли льгот в располагаемых ресурсах происходило для всех слоев общества, но особенно заметно в последние годы оно коснулось домохозяйств из наименее обеспеченного первого дециля. Соответственно, сохранение системы льгот в текущем виде может сдерживать увеличение абсолютной бедности только при углублении экономического кризиса.

3.2. Дополнительные меры социальной политики, необходимые в условиях структурных изменений в экономике

Субсидии на ЖКХ

Увеличение тарифов на услуги ЖКХ существенно отражается на благосостоянии социально уязвимых групп и требует принятия компенсационных мер социальной политики. Одним из вариантов является расширение использования безналичных жилищных субсидий. На данный момент они могут быть предоставлены в рамках адресной социальной помощи. Ранее безналичные жилищные субсидии предоставлялись при условии, что расходы на оплату услуг ЖКХ превышают 20% от доходов городского домохозяйства (15% в случае сельского домохозяйства). При повышении тарифов согласно сценарию, описанному в разделе 2.3, доля населения с расходами на ЖКХ, превышающими

данный критерий, составляет 5%. При этом данная группа населения достаточно равномерно распределена по децилям, выделенным исходя из располагаемых ресурсов, приходящихся на человека. Домохозяйства из более обеспеченных децилей (с доходом выше медианного) даже с большей вероятностью удовлетворяют критерию получения субсидий, чем домохозяйства из менее обеспеченных децилей. Соответственно, критерий в форме веса, который расходы на оплату услуг ЖКХ занимают в доходах населения, должен дополняться другими инструментами проверки нуждаемости, что затрудняет администрирование безналичных жилищных субсидий.

Источник: собственные расчеты.

Рис. 19. Удельный вес домохозяйств с расходами на ЖКХ, превышающими критерий в 20% (15% для сельской местности) после повышения тарифов, по децилям

Согласно ранее действовавшему законодательству, размер субсидии покрывал сумму, на которые фактические расходы домохозяйства превышают критерий нуждаемости. Такой размер пособия не делал его привлекательным. Переход на субсидирование тарифов ЖКХ через адресную социальную помощь не должен был увеличить спрос со стороны населения на данный инструмент социальной поддержки. Малое число получателей государственной адресной социальной помощи в целом говорит, что потенциальный размер подобной субсидии достаточно невелик. Альтернативным вариантом при резком росте тарифов может быть предоставление субсидии в размере, соответствующем увеличению расходов домохозяйства из-за увеличения тарифов. Если предположить, что инструменты отсева позволяют выделить получателей субсидий только из наименее обеспеченных первых двух децилей, то размер такой субсидии составил бы BYR 77.6 тыс. в месяц. Опыт работы адресной социальной поддержки показывает, что такой размер пособия не стимулирует население обращаться за ним (см. Исследовательский центр ИПМ, 2013), что делает эффективность поддержки социально уязвимых групп с помощью безналичных жилищных субсидий в данной форме достаточно низкой.

Альтернативным вариантом является предоставление субсидий непосредственно наиболее уязвимым к повышению тарифов группам населения без проверки нуждаемости. Такими группами являются домохозяйства пенсионеров, многодетные семьи (3 и более детей), неполные семьи. В таких домохозяйствах в 2014 г. проживало 23.4% населения Беларуси. Если размер субсидии составит эквивалент, на который вырастают расходы домохозяйства в связи с ростом тарифов, то система ЖКХ/бюджет недополучит 23.7% от возможных дополнительных доходов (принимая во внимание возможный рост неплатежей среди уязвимых групп, фактическое «недополучение» доходов от повышения тарифов будет меньшим). Если число получателей субсидий ограничить одинокими

пенсионерами, многодетными семьями и неполными семьями, то размер недополученных средств составит 14% от потенциально возможного. Наконец, для повышения адресности субсидии при таком подходе следует ввести критерий обеспеченности жильем (не предоставлять субсидию домохозяйствам, у которых обеспеченность жильем превышает пороговое значение, либо предоставлять только субсидию в рамках адресной социальной помощи после процедуры проверки нуждаемости). Такой подход позволит исключить из субсидирования достаточно обеспеченные домохозяйства, а также создаст дополнительные стимулы для оптимизации потребления коммунальных услуг. В результате отрицательный фискальный эффект окажется еще меньше, а адресность субсидий – выше.

Пособие по безработице

Увеличение безработицы, ожидаемое в результате изменений, происходящих на рынке труда Беларуси, требует более активного применения инструментов социальной политики, направленных на защиту незанятого населения (см. Акулова и др., 2016). На данный момент безработные могут рассчитывать на поддержку в рамках адресной социальной помощи при условии, что они попадают в категорию нуждающихся и официально зарегистрированы как безработные. Непосредственно пособие по безработице также предоставляется, но его размер делает его крайне условным. Увеличение данного пособия до размера бюджета прожиточного минимума (при сохранении нынешнего максимального срока предоставления пособия) может существенно снизить уязвимость безработных к риску абсолютной бедности без ущерба для стимулов к поиску работы.

В рамках сценария изменений в структуре экономики, сопровождающимся ростом безработицы, число получателей данного пособия увеличится на 2.2% от населения. Если исходить из среднего срока безработицы в 3 месяца, социальная поддержка данной группы обойдется бюджету в 0.1% от ВВП. При этом прирост бедности был бы меньше практически в два раза и составил бы 0.76% населения вместо 1.39% населения при сохранении нынешнего размера пособия.

В случае увеличения пенсионного возраста на один год число потенциальных получателей данного пособия увеличивается еще на 0.2% населения, а расходы – на 0.01% от ВВП. Прирост абсолютной бедности при этом уменьшится с 0.37 до 0.28% населения.

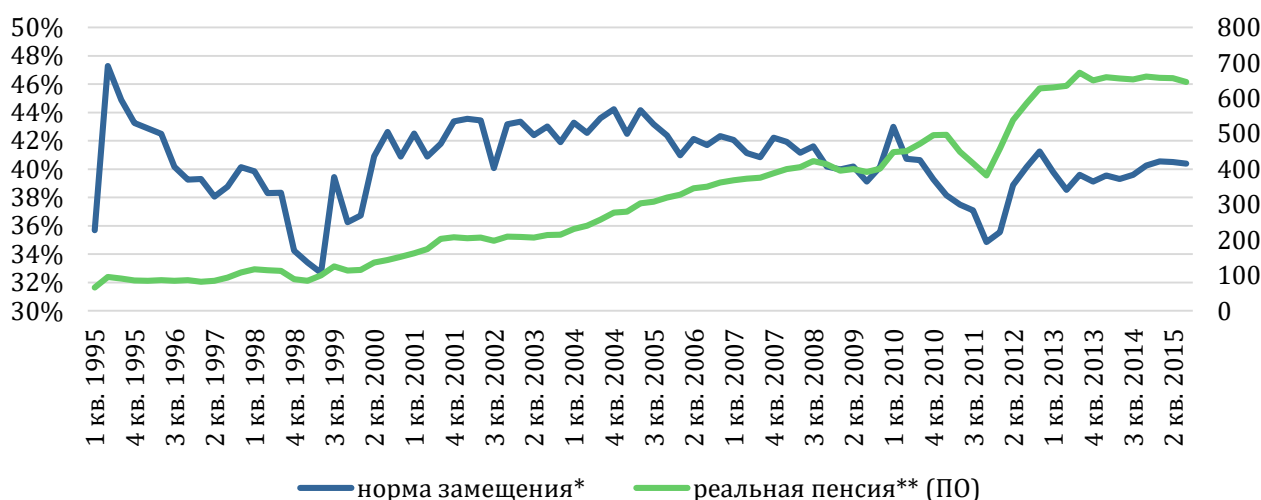
Общий объем расходов бюджета по выплате увеличенных пособий по безработице с учетом изначально существующего уровня безработицы, а также возможное влияние на уровень абсолютной бедности рассчитать затруднительно из-за отсутствия статистики по уровню фактической безработицы в Беларуси и ее продолжительности. Однако, поскольку увеличение безработицы будет происходить вследствие сокращения поддержки государственных предприятий, в бюджете будут высвобождены дополнительные средства, которыми можно воспользоваться для выплаты пособий по безработице. Кроме того, в случае начала приватизации соответствующие доходы можно было бы направлять в специальный бюджетный фонд, из которого бы выплачивались пособия потерявшим работу.

3.3. Оценка последствий перехода к индексации пенсий на инфляцию для ФСЗН

Одной из составляющих пенсионной реформы, предлагаемых Всемирным банком (см. Всемирный банк, 2011), является переход к индексации пенсий на инфляцию вместо привязки размера пенсии к средней заработной плате. Однако нельзя утверждать, что в настоящее время существует жесткая привязка размера пенсии к размеру зарплаты, поскольку в рассматриваемый период динамика средней пенсии отличалась как от динамики заработной платы, так и от динамики потребительских цен (Рис. 20). В частности, в 2000–2005 гг. норма замещения (соотношение пенсии к заработной плате) была примерно постоянной (около 43%), с 2006 по 2008 гг. – примерно 41%, с 2013 по настоящее время – около 40%. Это является косвенным свидетельством привязки размера пенсии

к размеру средней зарплаты. В то же время реальная пенсия росла большую часть времени, однако были периоды (1996 – начало 1997 гг., середина 2001 г. – 2003 г., а также с 4 кв. 2012 г. по настоящее время), когда реальная пенсия практически не изменялась, то есть для этих периодов можно говорить о действии механизма индексации пенсий на инфляцию.

Поэтому для оценки последствий перехода на индексацию пенсий на инфляцию для ФСЗН необходимо выявить фактический механизм индексации. Для этого проводится эконометрический анализ связи между пенсией, заработной платой и инфляцией в долгосрочном и краткосрочном периоде. Далее, исходя из прогнозных значений изменения макроэкономических показателей (средней заработной платы и инфляции), определяется прогнозное значение изменения средней пенсии. Это значение применяется в качестве базового сценария. В качестве альтернативных используются оценки среднего размера пенсии, проиндексированного на инфляцию.

* частное средней номинальной пенсии и средней номинальной зарплаты (из обоих показателей устранены сезонные компоненты).

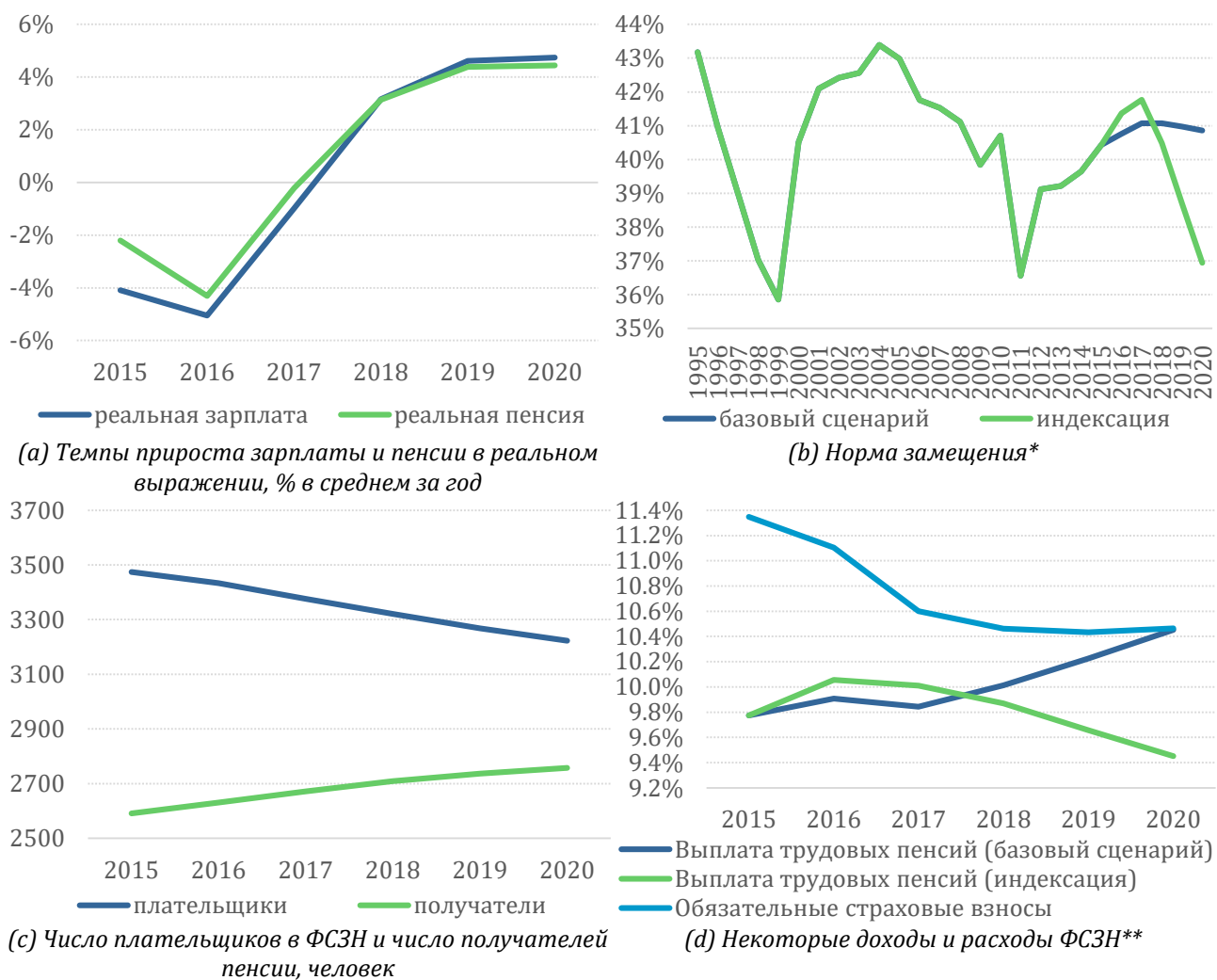
** частное средней номинальной пенсии и ИПЦ (2009=1), тыс. рублей (из обоих показателей устранены сезонные компоненты).

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата.

Рис. 20. Коэффициент замещения и пенсия в реальном выражении, 1995–2015 гг.

Согласно оценкам на основе построенной модели (см. Приложение 1d), при неизменном подходе к индексации²⁵ (базовый сценарий) реальная пенсия будет падать первые три года, после чего постепенно начнет расти. Реальная зарплата упадет несколько глубже, но будет восстанавливаться немного быстрее (см. Рис. 21а и Приложение 1d, Таблица 4). Как следствие, норма замещения достигнет максимума (41.1%) в 2017 г. и будет постепенно снижаться (до 40.9% в 2020 г.). Индексация пенсии на инфляцию дала бы увеличение нормы замещения до 41.8% в 2017 г., но затем привела бы к ее резкому снижению практически до исторических минимумов – до 36.9% к 2020 г. (см. Рис. 21b). Аналогичные выводы содержит и отчет Всемирного банка: переход к индексации на инфляцию увеличивает разрыв в доходах между работающими и пенсионерами, но позволяет снизить расходы ФСЗН по сравнению с базовым сценарием.

²⁵ Привязка к зарплате – 1% прироста номинальной зарплаты в долгосрочном периоде дает 0.84% прироста номинальной пенсии, 1% прироста ИПЦ – 0.2% прироста номинальной пенсии.

* частное средней номинальной пенсии и средней номинальной зарплаты.

** доходы – обязательные страховые взносы в ФСЗН, расходы – выплата трудовых пенсий из ФСЗН (все показатели в % от ВВП).

Источник: собственные расчеты и прогноз на основе данных Белстата, ФСЗН, МВФ и Отдела народонаселения ООН.

Рис. 21. Оценка последствий перехода к индексации пенсий на инфляцию для ФСЗН: результаты моделирования

Чтобы оценить нагрузку на ФСЗН, необходимо рассчитать число плательщиков в ФСЗН и число получателей пенсий. Темпы прироста первого показателя были принята равными темпам прироста занятости, второго показателя – рассчитаны на основе прогноза Отдела народонаселения ООН исходя из предпосылки о неизменном пенсионном возрасте. Согласно полученным оценкам (Рис. 21с), нагрузка на занятых (плательщиков обязательных страховых взносов в ФСЗН) быстро увеличивается: если в 2014 г. на одного получателя пенсий приходилось 1.38 плательщиков таких взносов, то к 2020 г. соотношение достигнет 1.17. Следовательно, сохранение нынешнего подхода к индексации пенсий приведет к быстрому росту дефицита ФСЗН: если в 2015 г., согласно нашим оценкам, разность между доходами ФСЗН от обязательных страховых взносов и расходами на выплату трудовых пенсий составит 1.6% от ВВП, то к 2020 г. они сравняются (то есть те расходы, для финансирования которых Фонд в настоящее время использует эту разницу, нужно будет финансировать из других источников). Переход к индексации пенсий на инфляцию потребует дополнительно по 0.2% от ВВП в сравнении с базовым сценарием в 2016 и 2017 гг., однако впоследствии высвободит значительные средства: к 2020 г. разность между доходами ФСЗН от обязательных страховых взносов и расходами на выплату трудовых пенсий вырастет до 1% от ВВП с 0.6% от ВВП в 2017 г. (Рис. 21d).

4. РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

4.1. Возможные последствия изменений экономической политики для социального контракта

Нарастание кризисных явлений (безработица, падение доходов) наряду с увеличением тарифов на коммунальные услуги и повышением пенсионного возраста могут сопровождаться некоторым увеличением социальной напряженности, или, как минимум, падением доверия к властям²⁶, если не будут предприняты компенсационные меры, направленные на поддержку наиболее уязвимых групп и их вовлечение в экономическую активность. Кроме того, опасение негативных последствий реформ для социально-политической стабильности может оказаться одним из возможных препятствий на пути их реализации. Поэтому важной задачей становится оценка рисков социальной напряженности и разработка компенсационных мер социально-экономической политики, направленных на снижение этих рисков.

Возможным инструментом измерения степени социальной напряженности может быть оценка разрыва между ожиданиями от государства и оценкой того, насколько государство справляется со своими «функциями». Подобные оценки делались в рамках исследований социальных контрактов, проведенных Белорусским институтом стратегических исследований в начале 2009 г. (в партнерстве с Исследовательским центром ИПМ) и в начале 2013 г., и основывались на данных национальных опросов населения. На момент проведения первого опроса страна переживала последствия первого с момента стабилизации 2000–2001 гг. валютного кризиса, на момент проведения второго опроса она успела пережить еще более глубокий валютный кризис и восстановить докризисный уровень дохода.

Ожидания и от государства и оценка его услуг измерялись по 16-ти параметрам (см. Приложение 6), каждый из которых оценивался по четырехбалльной шкале: насколько важно для респондента, чтобы государство обеспечивало те или иные блага (очень важно, скорее важно, скорее не важно, совсем не важно) и насколько он согласен, что государство выполняет функции, связанные с предоставлением указанных благ (полностью согласен, скорее согласен, скорее не согласен, полностью не согласен). Если ранжировать ответы от -2 до +2 (где -2 означает низкие запросы от государства/низкую оценку его услуг), то окажется, что и в 2009, и в 2013 гг. от государства ожидали многого (средняя оценка по 16 параметрам составила 1.28 в 2009 г. и 1.17 в 2013 г.), но его услуги также оценивались в целом положительно (0.26 и 0.45 соответственно²⁷), хотя по нескольким параметрам²⁸ встречались отрицательные оценки, см. Приложение 6. В целом за рассмотренный период, несмотря на два валютных кризиса, «запросы» к государству незначительно снизились, а оценка качества его услуг несколько выросла. Более того, социальная напряженность не выросла настолько, чтобы оценка качества услуг государства оказалась отрицательной, а разрыв между «государство должно» и «государство обеспечивает» стал меньше.

Такое положение дел обуславливалось несколькими экономическими факторами. Во-первых, с 3 кв. 2012 г. в Беларуси возобновился быстрый рост заработных плат, что позволило не только восстановить докризисный уровень дохода (1 кв. 2011 г.), но и пре-

²⁶ В частности, согласно результатам национальных опросов населения, проведенных НИСЭПИ, в декабре 2015 г. «по сравнению с декабрем 2014 г. снизились индексы доверия почти ко всем государственным институтам», см. <http://www.iiseps.org/wp-content/uploads/2015/12/InstPressRelease-12-15.pdf>.

²⁷ Ухудшение качества услуг респонденты отмечали только для категорий «бесплатное высшее образование», «бесплатное медицинское обслуживание» и «помощь в получении кредитов».

²⁸ 2009 г.: обеспечение возможностей зарабатывать, льгот, пенсий, качественного медицинского обслуживания и гарантий трудоустройства; 2013 г.: обеспечение бесплатного высшего образования, качественного медицинского обслуживания и помощь при покупке жилья.

взойти его. Во-вторых, население активно (особенно в 2011 – начале 2012 гг.) пользовалось такими стратегиями преодоления трудностей как трудовая миграция, а в 2012 г. был принят декрет президента²⁹, давший важный стимул для развития малого бизнеса в малых городах (см. Всемирный банк, 2015). В терминах социального контракта (Hirschman, 1970) был обеспечен рост вознаграждения за «лояльность» (повышение зарплат³⁰) и широкие возможности «выхода» (трудовая миграция и развитие малого бизнеса). Наконец, летом 2011 г. власти продемонстрировали очень жесткую реакцию на акции протеста («голос»). Таким образом, в 2011 – начале 2012 гг. были максимально снижены риски увеличения социальной напряженности, а уже во второй половине 2012 – 2013 гг. рост доходов обусловил быстрое увеличение доли среднего класса в структуре населения – с 10.8% населения в 2011 г. до 27.4% в 2012 г. и 37% в 2013 г. (см. Черенкевич, 2015 и Таблица 2).

Таблица 2. Структура населения по уровню дохода, %

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Изменение, проц. пунктов	
								2009/2008	2011/2010
Малообеспеченное население	27.93	24.44	19.75	15.72	29.56	12.89	9.84	-4.69	13.83
Население с доходом ниже среднего	30.50	29.65	29.38	26.32	33.22	24.98	20.78	-0.27	6.90
Население со средним доходом	26.73	29.37	29.87	31.42	26.36	34.49	31.74	0.50	-5.06
Средний класс	14.75	16.32	20.81	26.34	10.82	27.37	37.04	4.49	-15.52
Население с высоким доходом	0.09	0.22	0.18	0.20	0.04	0.27	0.59	-0.04	-0.16

Примечание. К малообеспеченному населению относятся те, для кого одежда и обувь являются товарами роскоши (эластичность спроса по доходу больше единицы), к населению с доходом ниже среднего – те, для кого одежда и обувь уже не являются товарами роскоши, но эластичность спроса по доходу для здравоохранения, культуры, отдыха и спорта больше единицы, к населению со средним доходом – те, для кого товарами роскоши являются мебель и товары культурно-бытового назначения, средний класс – для кого такими остаются товары и услуги из группы «прочие товары и услуги» (главным образом сбережения³¹).
Источник: Черенкевич (2015).

Нынешняя ситуация существенно отличается и от 2009, и от 2013 гг. Во-первых, кризис в экономике Беларуси, судя по всему, носит затяжной характер (см. Рис. 2), что сокращает не только возможности увеличения вознаграждения за лояльность, но и ограничивает возможности «выхода». Как следствие, реальная зарплата перед выборами 2015 г. падала на протяжении пяти кварталов, а заработная плата в долларовом эквиваленте – на протяжении четырех кварталов, причем падение зарплат опережало сокращение производительности труда. Важными отличиями от предыдущих наблюдений стали рецессия в России и резкое обесценивание российского рубля, сократившие возможности трудоустройства³² и снизившие стимулы для трудовой миграции (вследствие падения зарплат в долларовом эквиваленте). В результате Беларуси впервые подошла к президентским выборам в фазе снижения политико-делового цикла (Рис. 22а).

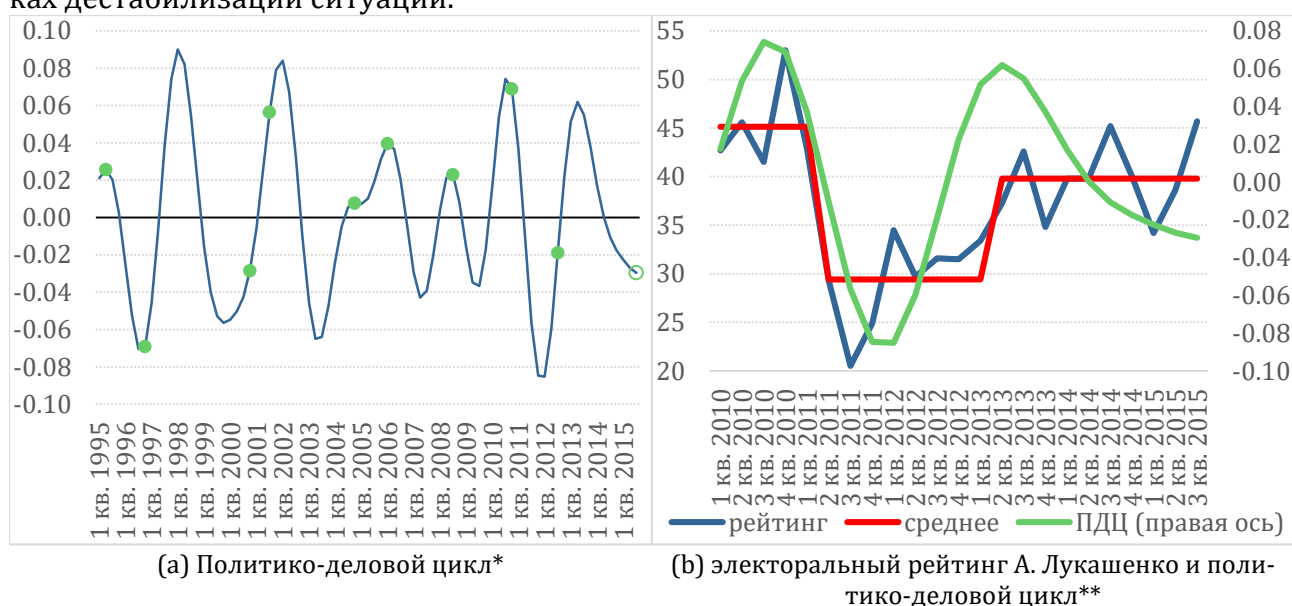
²⁹ Декрет №6 от 07.05.2012 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности».

³⁰ Пенсии в 2012 г. росли еще быстрее, см., например, Рис. 20.

³¹ Страхование и налоги, сбережения, материальная помощь родственникам и др.

³² На внутреннем рынке труда дополнительную напряженность создает приток переселенцев из Украины: МВД Беларуси сообщало о том, что с начала конфликта Луганской и Донецкой областях Украины в Беларусь прибыло около 160 тыс. граждан этой страны, см. http://naviny.by/rubrics/society/2016/01/04/ic_news_116_469023/.

Своего рода «интегральным показателем», измеряющим степень социально-политической напряженности, является электоральный рейтинг А. Лукашенко, оцениваемый ежеквартально Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Рис. 22b иллюстрирует существенное снижение этого показателя на фоне нисходящей фазы политико-делового цикла после валютного кризиса 2011 г. и соответствующего роста бедности (см. Рис. 4a). Оценки структуры населения, основанные на потребительском поведении, показывают еще большее увеличение бедности. Согласно расчетам на основе модели QUAIDS (Черенкевич, 2015), в 2011 г. произошло резкое (с 26.3 до 10.8% населения) сокращение доли среднего класса и населения с доходом выше среднего (с 31.4 до 26.4%) при одновременном увеличении доли малообеспеченного населения (с 15.7 до 29.6%) и населения с доходом ниже среднего (с 26.3 до 33.2%), см. Таблица 2. Впоследствии благодаря повышению доходов и на фоне дестабилизации ситуации в соседних странах рейтинг вырос до среднего уровня в 40%, сохранение которого свидетельствует о социально-политической стабильности и низких рисках дестабилизации ситуации.

* натуральный логарифм реальной заработной платы с устранением сезонной компоненты, сглаженный фильтром Кристиано-Фицджеральда (асимметричный для полной выборки; допущение о стационарности – переменная $I(1)$; устранен линейный тренд; наименьшая длина цикла 8 кварталов, наибольшая 20 кварталов). Зеленые точки показывают основные электоральные события: конституционные референдумы 1995 г. (май), 1996 г. (ноябрь) и 2004 г. (октябрь) и президентские выборы 2001 г. (сентябрь), 2006 г. (март), и 2010 г. (декабрь), а также парламентские выборы парламентские выборы 1995 г. (ноябрь-декабрь), 1996 г. (в декабре Верховный совет был преобразован в Национальное собрание), 2000 г. (октябрь), 2004 г. (октябрь), 2008 г. (сентябрь), 2012 г. (сентябрь). Выборка заканчивается 3 кв. 2015 г., а в октябре 2015 г. состоялись президентские выборы.

** ПДЦ – политико-деловой цикл (см. рис. (a)), логарифмическая шкала. Электоральный рейтинг (% респондентов) оценивался по открытому вопросу «Если бы завтра состоялись выборы президента Беларуси, за кого бы Вы голосовали?». Среднее электорального рейтинга оценивалось методом наименьших квадратов со структурными сдвигами на основе уравнения регрессии $r_t = c_i + \varepsilon_t$, где r_t – электоральный рейтинг, c_i – константа, для которой структурные сдвиги определялись по тесту Бай-Пэррона на $L+1$ по сравнению с L последовательных структурных сдвигов.

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата. Электоральный рейтинг – данные НИСЭПИ.

Рис. 22. Политико-деловой цикл

4.2. Инструменты для оценки рисков социальной нестабильности

Для мониторинга таких рисков социальной нестабильности можно пользоваться как имеющимися данными, так и организовывать дополнительные регулярные исследования. В Таблица 3 приведены возможные виды мониторинга с указанием источников ин-

формации. Они включают как новые социологические исследования (мониторинг доверия потребителей), так и обработку уже собираемых Белстатом микроданных (мониторинг Лаакенских показателей и ситуации на рынке труда). Совмещение всех трех типов исследований позволяет создать систему, в которой в качестве показателей «раннего оповещения» выступают компоненты индекса доверия потребителей и отдельные показатели мониторинга рынка труда, а изменения профиля уязвимых групп и эффективность социальной политики и политики в области рынка труда оцениваются при помощи системы Лаакенских показателей и показателей рынка труда.

Чтобы такая система работала эффективно, следует определить целевые показатели, динамика которых будет наиболее тесно связана с проявлениями социальной напряженности. Такие показатели можно было бы отобрать исходя из их связи с электральной рейтингом либо с уровнем бедности, определяемым, однако, не как удельный вес населения за чертой абсолютной бедности (исходя из прожиточного минимума), а либо как относительная бедность (согласно методологии, используемой при оценке Лаакенских показателей, см. Приложение 1b, либо как «субъективная» бедность (удельный вес населения, оценивающего уровень жизни своего домохозяйства как неудовлетворительный), либо как уровень бедности, оцененный на основе модели QUAIDS (см. Черенкевич, 2015)³³. Возможным направлением развития системы показателей раннего оповещения может стать разработка моделей прогнозирования основных показателей рынка труда, увязанных с прогнозом макроэкономических показателей, а также основанных на опережающих свойствах индекса доверия потребителей и его компонентов.

Таблица 3. Возможные инструменты мониторинга рисков социальной напряженности

Инструмент	Периодичность	Источник данных	Показатель
Мониторинг доверия потребителей ³⁴	Ежемесячно (основной), ежеквартально и ежегодно (расширенные).	Опрос населения (выборка примерно 1000 респондентов).	Индекс доверия потребителей, компоненты индекса, дополнительные показатели.
Мониторинг ситуации на рынке труда	Ежеквартально.	Выборочное обследование домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения ³⁵ .	Предстоит определить после открытия информации Белстатом.
Мониторинг Лаакенских показателей	Ежегодно.	Выборочное обследование домохозяйств по уровню жизни.	Лаакенские показатели (см. раздел 0 данного отчета).

Основой для эффективно работающей системы «раннего оповещения», направленной на быструю разработку и принятие адекватных мер социально-экономической политики, является наличие в открытом доступе широкого спектра микроданных (в том числе данных Выборочного обследования домохозяйств в целях изучения проблем занятости населения), а также внедрение в качестве ключевых показателей эффективности для Министерства труда и социальной защиты таких показателей как уровень безработицы по методологии МОТ (в том числе среди уязвимых групп), уровень абсолютной бедности, оцененный при помощи скорректированного прожиточного минимума³⁶ (в том числе среди уязвимых групп), а также уровень относительной бедности (в том числе среди уязвимых групп).

³³ Отклонение таких показателей от «нормального» значения (оцененного эмпирически или экспертным путем) на 1 или 2 стандартных отклонения сигнализировало бы о повышении рисков или входе в «критическую» зону.

³⁴ Опросник приведен в European Commission, 2014, p. 35–39.

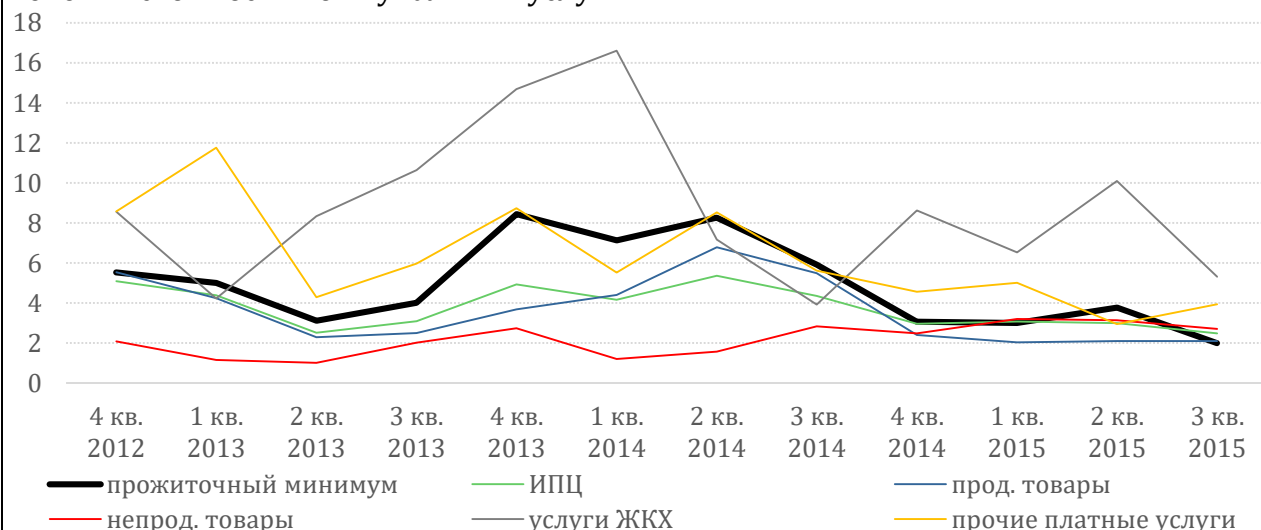
³⁵ См. <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num06/d06310.html>.

³⁶ См. Врезка 2.

Врезка 2. Проблемы оценки прожиточного минимума в Беларуси

С сентября 2014 г. прожиточный минимум в Беларуси рассчитывается не на основе оценки стоимости корзины товаров и услуг, а только исходя из стоимости продуктов питания, умноженной на фиксированный коэффициент 1.77 (соответствующие изменения внесены Законом «О внесении изменений и дополнения в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам определения прожиточного минимума» от 7.05.2015³⁷). На момент перехода на новый способ оценки прожиточного минимума такой подход давал такую же стоимость корзины прожиточного минимума, что и предыдущий подход. Однако новый способ оценки прожиточного минимума может существенно искажать динамику стоимости потребительской корзины малообеспеченного населения в случае существенного изменения относительных цен.

Именно это происходит в настоящее время и планируется в будущем: правительство активно повышало цены на услуги ЖКХ (в 3 и 4 кв. 2015 г. их рост приостановился, однако уже в 4 кв. 2015 г. возобновился вновь). Повышение тарифов на услуги ЖКХ является одной из мер, которые существенно снижают благосостояние уязвимых групп (см. раздел 2.3). Учитывая, что прожиточный минимум является критерием нуждаемости и «якорем» для минимальной пенсии и ряда пособий, важно, чтобы он учитывал изменения стоимости коммунальных услуг.

Примечание. Показатели приведены с устранением сезонной компоненты.

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата и Министерства труда и социальной защиты Беларуси.

Рис. 23. Компоненты ИПЦ и прожиточный минимум, 4 кв. 2012 г. – 3 кв. 2015 г., темпы прироста, % кв/кв

Рис. 23 иллюстрирует связь между динамикой стоимости прожиточного минимума и укрупненных компонентов индекса потребительских цен. За рассмотренный период (12 кварталов последних наблюдений) до перехода на новый способ оценки бюджета прожиточного минимума его стоимость всегда росла быстрее инфляции (в целом за 2 кв. 1995 г. – 3 кв. 2015 г. темпы прироста БПМ превышали темпы прироста ИПЦ в 60-ти кварталах из 82-х), а в двух из последних четырех кварталов инфляция опережала прирост стоимости прожиточного минимума. На протяжении последних трех кварталов все компоненты ИПЦ дорожают быстрее продовольственных товаров, что ведет к постоянному относительному ухудшению положения абсолютно бедных. При этом разница в темах роста цен на продовольственные товары с одной стороны и непродовольственные товары и платные услуги (кроме услуг ЖКХ) с другой стороны не настолько

³⁷ См. <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11400148&p1=1>.

велика, как между темпами роста цен на продовольственные товары и услуги ЖКХ. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно внести изменения в порядок расчета стоимости прожиточного минимума, оценивая стоимость минимального набора продовольственных товаров и базового набора жилищно-коммунальных услуг, скорректированную на постоянный коэффициент для оценки стоимости непродовольственных товаров и платных услуг (кроме услуг ЖКХ), потребляемых малообеспеченными домохозяйствами. Это позволит автоматически поддержать именно те группы населения, которые в наибольшей степени пострадают от повышения коммунальных тарифов.

5. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Наиболее уязвимыми к риску бедности группами населения в Беларуси являются дети и те взрослые, которые в силу каких-либо причин имеют худшие перспективы на рынке труда. К таким причинам относятся низкий уровень образования (который не позволяет найти работу, обеспечивающую достаточно высокий уровень оплаты труда), экономическая неактивность (например, связанная с наличием иждивенцев либо обусловленная социальной маргинализацией индивида), проживание в сельской местности (где уровень оплаты труда и возможности трудоустройства ниже, чем в городах – особенно это касается «депрессивных» районов Гомельской и Могилевской областей), а также низкооплачиваемая работа (например, в бюджетном секторе или сельском хозяйстве). На риск бедности детей воздействуют все причины социальной уязвимости взрослых, что делает их одной из наиболее уязвимых групп населения. Еще одной группой риска являются одинокие пенсионеры, которые зачастую имеют доходы лишь ненамного превышающие прожиточный минимум.

При этом, однако, абсолютная бедность в Беларуси не является серьезной проблемой: ее уровень в 2014 г. составлял 5.2%. Неравенство также невелико, и, как следствие, умеренной является относительная бедность (10.2%, населения). Это стало следствием быстрого экономического роста в 2000-х гг., а также экономической политики, направленной на сохранение низкого расслоения общества. Эта политика предполагала высокую роль сектора государственных финансов в экономике и государственное регулирование рынка труда. Однако экономический кризис, который обострился в 2015 г., резко ограничил возможности государственной поддержки и, соответственно, действие факторов, ограничивающих бедность, прекратилось. Соответственно, вырос риск ухудшения положения социально уязвимых групп и увеличения абсолютной бедности.

В краткосрочной перспективе действие экономического кризиса приводит лишь к незначительному увеличению масштабов бедности. Основной негативный эффект от кризиса приходится на относительно обеспеченные слои населения, которые сталкиваются со снижением реальных располагаемых ресурсов вследствие снижения доходов от занятости. Однако в средне- и долгосрочной перспективе, по мере распространения негативных эффектов кризиса, происходит постепенное «сползание» существенной части населения к черте абсолютной бедности вследствие роста безработицы и снижения оплаты труда.

Выход из кризиса требует проведения структурных реформ, которые меняют структуру занятости и принципы распределения государственной поддержки. В процессе реструктуризации сектора государственных будет происходить увеличение безработицы (в том числе структурной). Наиболее уязвимы к этому риску являются жители сельской местности и малых городов, где рынок труда изначально недостаточно гибок, а также люди с относительно низким уровнем образования. В целом наиболее чувствительными к структурным изменениям в экономике оказываются люди из социально уязвимых групп, так как многие из них и при существующих условиях сталкивались с трудностями при трудоустройстве.

Соответственно, и проведение реформ, и затяжной характер кризиса при сохранении текущей структуры экономики требуют реализации мер по усилению системы социальной защиты населения. Одной из мер таких могло бы стать увеличение пособия по безработице. Анализ показал, что выплата пособия по безработице в размере бюджета прожиточного минимума может существенно снизить уязвимость безработных к риску абсолютной бедности. Однако возможности сектора государственных финансов в условиях экономического кризиса/реализации структурных реформ существенно ограничены, что создает сложности в финансировании пособий по безработице. Однако в случае реформ увеличение безработицы будет происходить во многом вследствие сокра-

щения поддержки государственных предприятий. Следовательно, в бюджете будут высвобождены дополнительные средства, которыми можно воспользоваться для выплаты пособий по безработице. В условиях затяжного кризиса при сохранении текущей структуры экономики высвобождение средств для системы социальной защиты безработных возможно только в случае оптимизации других расходов бюджета.

Еще одним направлением реформ является сокращение субсидий в системе ЖКХ за счет повышения тарифов на коммунальные услуги для населения. Считается, что данная мера не должна ощутимо ухудшить материальное положение социально уязвимых групп населения, так как доля услуг ЖКХ в потребительских расходах населения невелика, а наибольший объем данных услуг потребляют относительно обеспеченные слои населения. Однако расчеты показали, что наиболее чувствительны к росту тарифов неполные и многодетные семьи, пенсионеры, в особенности одинокие, а также жители сельской местности и относительно неблагополучных крупных городов, то есть в основном те группы населения, которые сталкиваются с высоким риском абсолютной или относительной бедности. Возможным решением проблемы является предоставление безналичной жилищной субсидии неполным и многодетным семьям, а также семьям пенсионеров (либо только одиноким пенсионерам) без проверки нуждаемости. Данная мера на 20–25% (в случае предоставления поддержки одиноким пенсионерам – менее, чем на 15%) снижает фискальный эффект от роста тарифов на услуги ЖКХ, но позволяет защитить наиболее уязвимые социальные группы. Введение дополнительного критерия – обеспеченности жильем – повысит адресность предоставления субсидий в рамках такой схемы и снизит отрицательный фискальный эффект.

Еще одной ожидаемой мерой, направленной на оптимизацию государственных расходов, является повышение пенсионного возраста. В долгосрочной перспективе эта мера является неизбежной ввиду растущего коэффициента демографической нагрузки. Однако повышение пенсионного возраста в условиях и экономического кризиса, и структурных реформ сопряжено с дополнительными социальными издержками. Оно ведет к дальнейшему увеличению риска безработицы и ограничивает возможность населения использовать стратегию сохранения занятости после выхода на пенсию. Такая стратегия широко применяется в Беларуси для сглаживания перепада в потреблении, связанного с выходом на пенсию. Основными группами, которые оказываются затронуты данной мерой, оказываются жители крупных городов, поскольку они чаще других сохраняют занятость в пенсионном возрасте, а также население со средним уровнем образования, которое с большей вероятностью попадает в категории низкооплачиваемых работников, экономически неактивных или безработных, и для которого выход на пенсию означает получение стабильного дохода.

Дополнительной мерой по оптимизации расходов ФСЗН является переход на индексацию пенсий по инфляции. В условиях кризиса он позволяет избежать сокращения пенсий в реальном выражении, но имеет отрицательный фискальный эффект. В долгосрочном периоде при условии восстановления экономического роста данная мера дает существенную экономию средств. Отрицательным последствием данной меры экономической политики является снижение коэффициента замещения и, следовательно, увеличение риска относительной бедности среди пенсионеров, однако, учитывая растущий дефицит ФСЗН, данная мера практически не имеет альтернатив.

Реализация сценариев, рассмотренных в данном отчете, даже при условии своевременного введения компенсационных мер будет сопровождаться падением уровня жизни населения, и, следовательно, некоторым увеличением социальной напряженности. Более того, опасение нарастания социальной напряженности может оказаться одним из возможных препятствий на пути их реализации. Поэтому важной задачей становится оценка рисков социальной напряженности для быстрой разработки и принятия адекватных мер социально-экономической политики.

Возможным направлением развития системы показателей раннего оповещения может стать разработка моделей прогнозирования основных показателей рынка труда, увязанных с прогнозом макроэкономических показателей, а также основанных на опережающих свойствах индекса доверия потребителей и его компонентов. Однако для эффективной работы такой системы необходимо наличие в открытом доступе широкого спектра микроданных (в том числе данных Выборочного обследования домохозяйств в целях изучения проблем занятости населения), а также внедрение в качестве ключевых показателей эффективности для Министерства труда и социальной защиты таких показателей как уровень безработицы по методологии МОТ (в том числе среди уязвимых групп), уровень абсолютной бедности, оцененный при помощи скорректированного прожиточного минимума (в том числе среди уязвимых групп), а также уровень относительной бедности (в том числе среди уязвимых групп).

ЛИТЕРАТУРА

- Акулова, М., Борнукова, К., Чубрик, А., Шиманович, Г. (2016). Трансформация отдельных элементов системы социальной защиты Республики Беларусь. В: Рудый, К. (ред.). *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси*, Минск, Звязда.
- Батурчик, М., Чубрик, А. (2008). Восприятие населением пенсионной системы Беларуси: результаты опроса населения. В: Чубрик, А. (ред.) *Пенсионная система Беларуси: отношение населения и сценарии изменений*, Минск, Исследовательский центр ИПМ.
- Белстат (2015). Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, *статистический сборник* Национального статистического комитета Республики Беларусь.
- Борнукова, К., Лисенкова, К., Лузгина, А., Рудый, К. (2016). Пенсионная реформа: необходимость и возможности. В: Рудый, К. (ред.). *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси*, Минск, Звязда.
- Борнукова, К., Чубрик, А., Шиманович, Г. (2012). Оценка шкалы эквивалентности для белорусских домохозяйств и ее влияния на определение социально-уязвимых групп населения, *рабочий материал* WP/12/01, Исследовательский центр ИПМ.
- Всемирный банк (2011). Обзор государственных расходов в Республике Беларусь. Реформирование бюджетно-налоговой сферы в целях восстановления устойчивого экономического роста. Часть 1, *Доклад* 63566-BY.
- Всемирный банк (2015). Республика Беларусь: записка по вопросам регионального развития. Пространственное изменение структурных реформ, Группа Всемирного банка, Глобальная практика по макроэкономике и фискальному управлению, регион Европы и Центральной Азии, *доклад* ACS13961.
- Исследовательский центр ИПМ (2012). *Бедность и социальная интеграция в Беларуси*, ежегодник.
- Исследовательский центр ИПМ (2013). *Бедность и социально уязвимые группы населения в Беларуси*, ежегодник.
- Крук, Д., Зарецкий, А. (2011). Методология построения сводного индекса опережающих индикаторов для Беларуси, *рабочий материал* WP/11/01, Исследовательский центр ИПМ.
- Пелипась, И., Чубрик, А. (2007). Рыночные реформы и экономический рост в постсоциалистических странах: результаты эконометрического анализа, *рабочий материал* WP/07/01, Исследовательский центр ИПМ.
- Рудый, К. (2015). Гендерные факторы роста экономики Беларуси, *Белорусский экономический журнал*, 4, 23–32.
- Черенкевич, А. (2015). Применение моделей потребительского спроса для оценки численности и характеристик среднего класса: случай Беларуси, *рабочий материал* WP/15/01, Исследовательский центр ИПМ.
- Чубрик, А. (2007). Рост ВВП и доходы населения в Беларуси: кто выиграл от экономического роста? В: Гайдук, К., Пелипась, И., Чубрик, А. (ред.) *Рост для всех? Новые вызовы для экономики Беларуси*, Исследовательский центр ИПМ.
- Чубрик, А. (2015). Вызов роста безработицы в Беларуси: время назвать вещи своими именами, *комментарий* DP/15/02, Исследовательский центр ИПМ.
- Чубрик, А., Шиманович, Г. (2013). Отдача на образование и оценка человеческого капитала в Беларуси, *рабочий материал* WP/13/02, Исследовательский центр ИПМ.
- Шиманович, Г. (2013). Вызовы для экономической политики Беларуси, связанные со старением населения, *комментарий* DP/13/01, Исследовательский центр ИПМ.
- Шиманович, Г., Чубрик, А. (2013). Влияние некоторых мер социальной политики на благосостояние социально уязвимых групп, *рабочий материал* WP/13/04, Исследовательский центр ИПМ.

- European Commission (2014). The joint harmonised EU programme of business and consumer surveys, *User Guide*, Directorate-General for Economic and Financial Affairs.
- Hirschman, A. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty*, Harvard University Press.
- Karaman Örsal, D. (2008). Comparison of Panel Cointegration Tests, *Economics Bulletin*, Access-Econ, 3(6), 1–20.
- Pastore, F., Verashchagina, A. (2010). When Does Transition Increase the Gender Wage Gap? An Application to Belarus, *Working Paper* WP009, BEROC.
- Pedroni, P. (1997). Panel Cointegration, Asymptotic and Finite Sample Properties of Pooled Time Series Tests with an Application to the PPP Hypothesis: New Results, Indiana University *Working Paper in Economics*.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

(а) Черта абсолютной бедности

В Беларуси в качестве черты абсолютной бедности (согласно принятой в публикациях Белстата терминологии – малообеспеченности) используется средний размер бюджета прожиточного минимума. В данном исследовании для расчета черты абсолютной бедности за период 1999–2014 гг. использовались среднегодовые индивидуальные значения БПМ исходя из принадлежности к следующим группам населения:

- дети до 3 лет;
- дети от 3 до 6 лет (для 2011 – 2014 гг.);
- дети от 6 до 18 лет (для 2011 – 2014 гг.);
- дети от 3 до 18 лет (для 1999 – 2010 гг.);
- трудоспособное население (мужчины в возрасте от 18 до 60 и женщины в возрасте от 18 до 55 лет);
- люди старше пенсионного возраста (женщины старше 55 и мужчины старше 60).

До 1999 г. существовал только средний бюджет прожиточного минимума на душу населения, который и выступил чертой абсолютной бедности в 1996–1998 гг. Среднегодовое значение БПМ рассчитывались как среднее за 12 месяцев. Данные по месяцам (кроме последнего месяца каждого квартала) были получены через корректировку на индекс потребительских цен. Далее для каждого домохозяйства рассчитывалась своя черта бедности как сумма индивидуальных бюджетов прожиточного минимума. С данной чертой в пересчете на человека сравнивались располагаемые ресурсы, приходящиеся на члена домохозяйства в среднем за год.

Такой подход к оценке черты бедности отличается от применяемого Белстатом. Для оценки абсолютной бедности Белстат использует среднее значение бюджета прожиточного минимума на душу населения. Расчет же самого уровня бедности осуществляется исходя не из среднегодовых значений, а квартальных. Годовой показатель бедности представляет собой среднее значений по 4 кварталам. Таким образом, официальная статистика по бедности в годовом выражении учитывает факт бедности домохозяйства даже на протяжении одного квартала (с весом 0.25). Применяемый же нами подход предполагает, что бедными считаются те, чей доход в среднем в течение года был ниже бюджета прожиточного минимума.

(b) Черта относительной бедности

В качестве черты относительной бедности принимается доход в 60% от медианных располагаемых ресурсов на душу населения (после корректировки с использованием шкал эквивалентности).

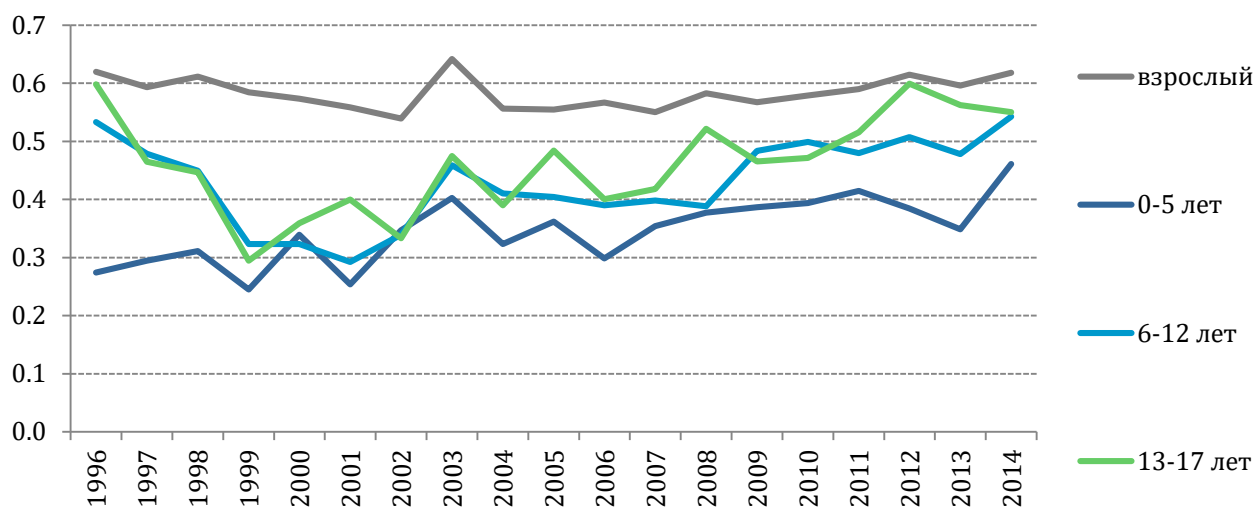
В отличие от абсолютной бедности, относительная выступает также в определенной степени показателем неравенства. Равномерный рост доходов населения никак не скажется на уровне относительной бедности, а ее снижение возможно, только если доходы бедных слоев населения растут быстрее (или падают медленнее), чем медианный доход.

(с) Шкалы эквивалентности

Шкала эквивалентности представляет собой «совокупность весовых коэффициентов, необходимых для пересчета общего числа всех членов домашнего хозяйства в число взрослых (эквивалентных) потребителей» (Белстат, 2015). Она позволяет учитывать эффект от различного состава домохозяйств и возможности экономии на масштабе в случае с домохозяйством, состоящем из двух и более человек.

В данном обзоре использована национальная шкала эквивалентности, оцененная на основании кривой Энгеля каждого года в отдельности. Оценка проводилась согласно

методологии, представленной в Борнукова, Чубрик, Шиманович (2012). Коэффициенты были рассчитаны для каждого дополнительного взрослого, для ребенка в возрасте до 6 лет, ребенка в возрасте от 6 до 13 лет и ребенка в возрасте от 13 до 18 лет.

Источник: собственные расчеты по данным ВОД.

Рис. 24. Шкалы эквивалентности, 1996–2014

Полученные коэффициенты для детей в возрасте от 6 до 12 лет и от 13 лет до 18 во многие годы статистически не отличаются. Однако одновременно тесты показывают, что в некоторые годы коэффициенты у детей в возрасте от 13 до 18 лет также не отличны и от взрослого населения. При этом коэффициенты детей от 6 до 12 лет и взрослых статистически различны. По причине неоднозначности возможного агрегирования выделенных групп оно не проводилось. В целом результаты показывают растущий вес расходов на детей, что говорит либо о более высоких темпах роста цен на детские товары, либо большую эластичность по доходам для данной группы товаров.

В Беларуси существует и официально утвержденная шкала эквивалентности³⁸, но она учитывает лишь разницу в прожиточном минимуме для разных возрастных групп и игнорирует эффект от масштаба, поэтому дает искаженные оценки относительной бедности, особенно для некоторых уязвимых групп населения (Борнукова, Чубрик, Шиманович, 2012).

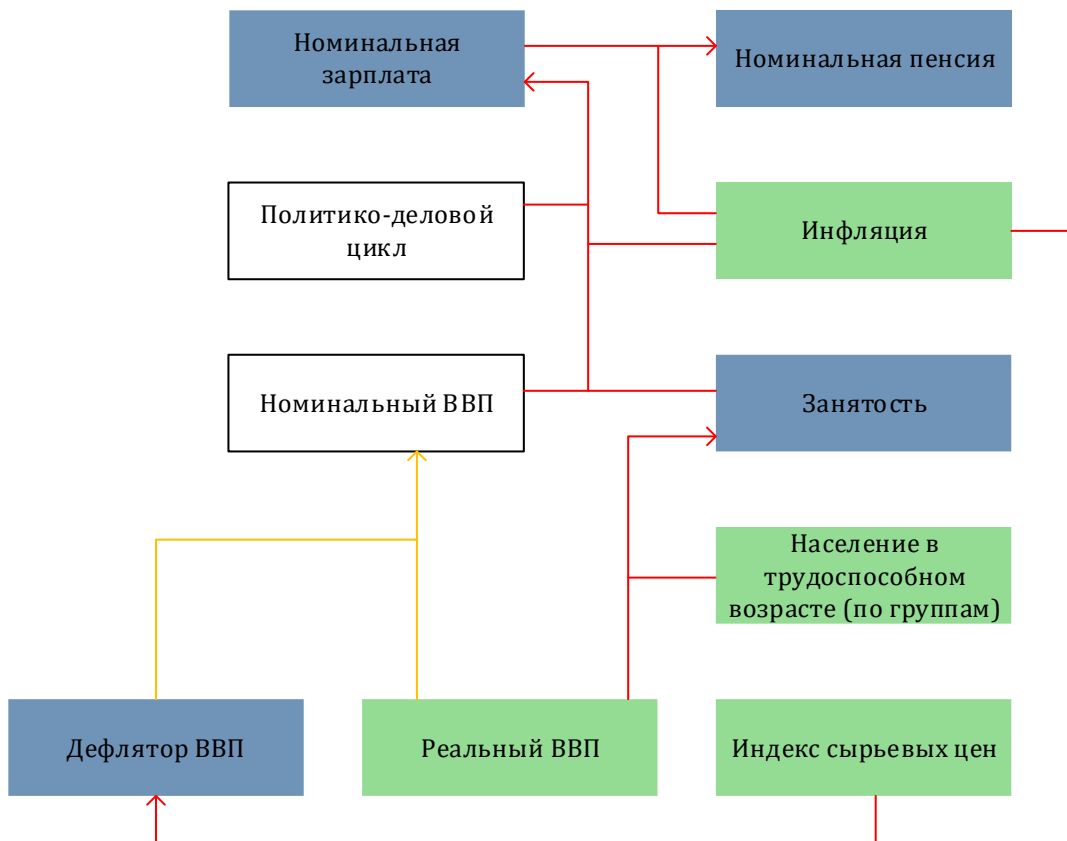
Корректировка на веса шкал эквивалентности дает существенное изменение в среднем размере домохозяйства. Размер среднего домохозяйства в Беларуси составляет 2.4 человека, а с учетом весов согласно национальной шкале эквивалентности – 1.8 человека (эквивалентных главе домохозяйства).

Шкала эквивалентности применяется в данном обзоре только для расчета показателей относительной бедности. Абсолютная бедность оценивается без применения шкалы эквивалентности, так как система социальной защиты населения увязана с размером бюджета прожиточного минимума, при расчете которого не учитываются относительные веса.

(d) Моделирование заработной платы, пенсии и занятости

Для прогноза зарплаты, пенсии и занятости оценивалась модель, состоящая из набора рекурсивных уравнений. Схема, на которой представлены связи между переменными модели, представлена на Рис. 25.

³⁸ Постановление Министерства статистики и анализа Республики Беларусь №73 от 12.06.2008, см. http://belstat.gov.by/homep/ru/statinstrum/methodiki/m2_households.DOC.

Примечание. Зеленым цветом выделены экзогенные переменные, синим – эндогенные. Номинальный ВВП рассчитывается как тождество (произведение реального ВВП и дефлятора ВВП), политико-деловой цикл – на основе авторегрессии.

Рис. 25. Моделирование номинальной зарплаты, пенсии и занятости

Оценивались следующие уравнения:

– занятость:

$$dl_t = a + \beta_i^l \cdot \sum_{i=1}^3 dl_{t-i} + \beta_i^{rgdp} \cdot \sum_{i=0}^3 drgdp_{t-i} + \beta_i^{popj} \cdot \sum_{i=0}^3 dpop_{t-i}^j + \gamma \cdot D + \varepsilon_t,$$

где d означает первые логарифмические разности переменных, D – набор импульсных и ступенчатых фиктивных переменных; усечение модели осуществлялось при помощи алгоритма Autometrics в программе OxMetrics 7 (уровень значимости 1%);

– Заработная плата, долгосрочное уравнение:

$$w_t = a + \beta \cdot (gdp_t/l_t) + \gamma \cdot pbc_t + \varepsilon_t,$$

где pbc является детерминистической переменной (уравнение оценено при помощи полностью модифицированного МНК, гипотеза об отсутствии коинтеграции (тест Энгла-Грэйнджера) отвергается на 1%-ном уровне);

– заработная плата, краткосрочное уравнение:

$$dw_t = a + \beta^w \cdot dw_{t-1} + \beta_i^{lp} \cdot \sum_{i=0}^1 d(gdp_{t-i}/l_{t-i}) + \beta_i^{cpi} \cdot \sum_{i=0}^1 dcpi_{t-i} + \beta^{pbc} \cdot dpbc_t + \beta^{ecm} \cdot ecm_w_{t-1} + \gamma \cdot D + \varepsilon_t,$$

где ecm_w – это механизм корректировки ошибки (остатки из долгосрочного уравнения заработной платы), D – набор импульсных и ступенчатых фиктивных переменных; усечение модели осуществлялось при помощи алгоритма Autometrics в программе OxMetrics 7 (уровень значимости 1%);

– пенсия, долгосрочное уравнение:

$$p_t = a + \beta_i^w \cdot \sum_{i=0}^2 w_{t-i} + \beta_i^{cpi} \cdot \sum_{i=0}^2 cpi_{t-i} + \varepsilon_t$$

(авторегрессионная модель с распределенным лагом), гипотеза об отсутствии коинтеграции (тест Энгла-Грэйнджера) отвергается на 1%-ном уровне).

– пенсия, краткосрочное уравнение:

$$dp_t = a + \beta^p \cdot dp_{t-1} + \beta_i^w \cdot \sum_{i=0}^1 dw_{t-i} + \beta_i^{cpi} \cdot \sum_{i=0}^1 dcpi_{t-i} + \beta^{ecm} \cdot ecm_{p_{t-1}} + \gamma \cdot D + \varepsilon_t,$$

где ecm_p – это механизм корректировки ошибки (на основе долгосрочного уравнения заработной платы), D – набор импульсных фиктивных переменных; усечение модели осуществлялось при помощи алгоритма Autometrics в программе OxMetrics 7 (уровень значимости 1%).

Кроме того, оценивались уравнения (долгосрочное и краткосрочное) для дефлятора ВВП (функция от ИПЦ и мировых сырьевых цен). Политико-деловой цикл прогнозировался на основе авторегрессии, номинальный ВВП рассчитывался как произведение дефлятора ВВП и реального ВВП.

Таблица 4. Некоторые параметры прогноза (эндогенные и экзогенные переменные), 2015–2020 гг.

	Модель			МВФ*			Отдел народонаселения ООН**				
	<i>RW</i>	<i>RP</i>	<i>L</i>	<i>RGDP</i>	<i>CPI</i>	<i>PCAPI</i>	<i>POP</i> ¹⁵⁻²⁴	<i>POP</i> ²⁵⁻³⁴	<i>POP</i> ³⁵⁻⁴⁴	<i>POP</i> ⁴⁵⁻⁵⁴	<i>POP</i> ⁵⁵⁻⁶⁴
2015	-4.1	-2.2	-1.5	-4.0	14.9	-34.5	-5.6	1.4	0.5	-2.3	4.0
2016	-5.0	-4.3	-1.2	-2.2	14.2	-4.0	-5.8	0.8	0.7	-2.5	3.5
2017	-1.0	-0.2	-1.7	0.6	11.7	4.9	-5.4	-0.2	0.8	-3.0	2.0
2018	3.2	3.1	-1.7	1.0	11.5	3.9	-4.7	-0.8	0.8	-2.9	1.5
2019	4.6	4.4	-1.6	1.5	11.4	1.8	-4.0	-1.4	1.1	-2.5	0.9
2020	4.7	4.4	-1.4	1.6	11.4	0.4	-3.0	-2.3	1.2	-2.0	0.2

* <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/download.aspx>.

** <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/> (по состоянию на 24.11.2015).

Источник: собственные расчеты, прогнозы МВФ и Отдела народонаселения ООН.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОЦЕНКА РИСКА БЕДНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Таблица 5. Описание переменных пробит-регрессий

Переменная	Описание	Примечание
<i>Фиктивные переменные</i>		
Регион		
hrodna _{rural}	сельская местность Гродненской области	1. Пропущенной переменной являются жители Минска. 2. Крупные и малые города объединены в одну группу, так как предварительный анализ не выявил существенных отличий в риске бедности по данным группам.
brest _{rural}	сельская местность Брестской области	
viciebsk _{rural}	сельская местность Витебской области	
homiel _{rural}	сельская местность Гомельской области	
mahiliou _{rural}	сельская местность Могилевской области	
minskreg _{rural}	сельская местность Минской области	
hrodna _{urban}	крупные и малые города Гродненской области	
brest _{urban}	крупные и малые города Брестской области	
viciebsk _{urban}	крупные и малые города Витебской области	
homiel _{urban}	крупные и малые города Гомельской области	
mahiliou _{urban}	крупные и малые города Могилевской области	
minskreg _{urban}	крупные и малые города Минской области	
Образование/возраст		
edu _{high}	высшее образование в трудоспособном возрасте	1. Пропущенная переменная – население в трудоспособном возрасте со средним уровнем образования. 2. Методика определения уровня образования описана в примечании к Рис. 13. 3. Трудоспособный возраст определяется согласно законодательству, т.е. от 18 до 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин. 4. Пенсионный возраст – от 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин
edu _{ss}	среднее специальное образование в трудоспособном возрасте	
edu _{voc}	профессионально-техническое образование в трудоспособном возрасте	
edu _{low}	низкий уровень образования в трудоспособном возрасте	
age0_17	ребенок в возрасте до 18 лет	
age_pens	взрослый в пенсионном возрасте	
Социально экономический статус/возраст		
age0_17	ребенок в возрасте до 18 лет	1. Пропущенная переменная – незанятое население. 2. Методика отнесения к занятому населению, пенсионерам и незанятому населению представлена в примечании к Рис. 12.
empl	Занятый	
pens	Пенсионер	
<i>Количественная переменная</i>		
gdp	ВВП в долларах США на душу населения	Натуральный логарифм

Таблица 6. Параметры регрессии, описывающей вероятность абсолютной бедности с учетом возраста и образования человека

	Коэффициент регрессии	Предельные эффект	95% доверительный интервал	
			-2.5%	+2.5%
Константа	0.713	0.211	0.209	0.212
gdp	-0.594	-0.081	-0.082	-0.080
hrodna _{rural}	0.526	0.125	0.118	0.133
brestr _{rural}	0.686	0.163	0.156	0.170
viciebskr _{rural}	0.647	0.154	0.147	0.161
homiel _{rural}	0.670	0.159	0.152	0.167
mahiliou _{rural}	0.816	0.194	0.186	0.202
minskreg _{rural}	0.515	0.122	0.116	0.129
hrodna _{urban}	0.445	0.106	0.099	0.112
brestur _{urban}	0.528	0.126	0.119	0.132
viciebskur _{urban}	0.502	0.119	0.113	0.126
homiel _{urban}	0.410	0.097	0.091	0.104
mahiliou _{urban}	0.485	0.115	0.108	0.122
minskreg _{urban}	0.455	0.108	0.101	0.115
age0_17	0.154	0.037	0.032	0.041
edu _{high}	-0.691	-0.164	-0.171	-0.158
edu _{ss}	-0.294	-0.070	-0.075	-0.065
edu _{voc} *	0.021	0.005	0.000	0.010
edu _{low}	0.162	0.039	0.031	0.046
age_pens	-0.682	-0.162	-0.167	-0.157

Примечание. * не значим на 5% уровне.

Оценка параметров модели была осуществлена в программе Stata с учетом весов. Предельные эффекты рассчитаны как среднее значение возможных предельных. Для ВВП в долларах США в качестве предельного эффекта рассчитано изменение доли абсолютно бедного населения относительно 1% изменения ВВП. Количество наблюдений – 264533. Псевдо R² составил 0.173.

Источник: собственные расчеты.

Таблица 7. Параметры регрессии, описывающей вероятность абсолютной бедности с учетом социально-экономического статуса человека

	Коэффициент	Предельные значения	95% доверительный интервал	
			-2.5%	+2.5%
Константа	0.767	0.211	0.209	0.212
Gdp	-0.596	-0.083	-0.084	-0.082
hrodna _{rural}	0.577	0.140	0.133	0.147
brestr _{rural}	0.748	0.181	0.175	0.188
viciebskr _{rural}	0.704	0.171	0.163	0.178
homiel _{rural}	0.740	0.179	0.172	0.187
mahiliou _{rural}	0.886	0.215	0.207	0.223
minskreg _{rural}	0.571	0.138	0.132	0.145
hrodna _{urban}	0.473	0.115	0.108	0.121
brestur _{urban}	0.549	0.133	0.126	0.140
viciebskur _{urban}	0.531	0.129	0.122	0.136
homiel _{urban}	0.446	0.108	0.102	0.115
mahiliou _{urban}	0.522	0.127	0.120	0.133
minskreg _{urban}	0.497	0.120	0.113	0.128
age0_17	0.071	0.017	0.012	0.022
empl	-0.339	-0.082	-0.087	-0.078
pens	-0.687	-0.166	-0.172	-0.161

Примечание. Оценка параметров модели была осуществлена в программе Stata с учетом весов. Предельные эффекты рассчитаны как среднее возможных предельных эффектов. Для ВВП в долларах США в качестве предельного эффекта рассчитано изменение доли абсолютно бедного населения относительно 1% изменения ВВП. Количество наблюдений – 264533. Псевдо R² составил 0.156.

Источник: собственные расчеты.

Таблица 8. Параметры регрессии, описывающей вероятность относительной бедности с учетом возраста и образования человека

	Коэффициент регрессии	Предельные эффект	95% доверительный интервал	
			-2.5%	+2.5%
Константа	-1.674	0.122	0.120	0.123
gdp*	0.010	0.001	0.000	0.002
hrodna _{rural}	0.531	0.102	0.095	0.109
brestr _{rural}	0.713	0.137	0.130	0.143
viciebskr _{rural}	0.752	0.144	0.138	0.151
homiel _{rural}	0.801	0.154	0.147	0.160
mahiliou _{rural}	0.918	0.176	0.169	0.183
minskreg _{rural}	0.524	0.101	0.094	0.107
hrodna _{urban}	0.446	0.085	0.079	0.092
brestur _{urban}	0.593	0.114	0.108	0.120
viciebskur _{urban}	0.583	0.112	0.106	0.118
homiel _{urban}	0.555	0.106	0.101	0.112
mahiliou _{urban}	0.569	0.109	0.103	0.116
minskreg _{urban}	0.466	0.089	0.083	0.096
age0_17	0.037	0.007	0.003	0.011
edu _{high}	-0.789	-0.151	-0.159	-0.144
edu _{ss}	-0.321	-0.061	-0.066	-0.057
edu _{voc} **	-0.003	-0.001	-0.005	0.004
edu _{low}	0.253	0.049	0.042	0.055
age_pens	0.066	0.013	0.009	0.017

Примечание. * не значим на 5% уровне, ** не значим на 1% уровне.

Оценка параметров модели была осуществлена в программе Stata с учетом весов. Предельные эффекты рассчитаны как среднее возможных предельных эффектов. Для ВВП в долларах США в качестве предельного эффекта рассчитано изменение доли относительно бедного населения относительно 1% изменения ВВП. Количество наблюдений – 264533. Псевдо R² составил 0.053.

Источник: собственные расчеты.

Таблица 9. Параметры регрессии, описывающей вероятность относительной бедности с учетом социально-экономического статуса человека

	Коэффициент	Предельные значения	95% Доверительный интервал	
			-2.5%	+2.5%
константа	-1.532	0.122	0.120	0.123
gdp*	0.003	0.000	-0.000	0.001
hrodna _{rural}	0.560	0.108	0.101	0.115
brestr _{rural}	0.749	0.144	0.138	0.150
viciebskr _{rural}	0.794	0.153	0.146	0.159
homiel _{rural}	0.846	0.163	0.156	0.169
mahiliou _{rural}	0.960	0.185	0.178	0.192
minskreg _{rural}	0.571	0.110	0.103	0.116
hrodna _{urban}	0.463	0.089	0.083	0.096
brestur _{urban}	0.600	0.115	0.109	0.122
viciebskur _{urban}	0.601	0.116	0.110	0.122
homiel _{urban}	0.574	0.110	0.104	0.116
mahiliou _{urban}	0.592	0.114	0.108	0.120
minskreg _{urban}	0.495	0.095	0.089	0.102
age0_17	-0.107	-0.021	-0.025	-0.016
empl	-0.422	-0.081	-0.085	-0.077
pens*	0.010	0.002	-0.002	0.006

Примечание. * не значим на 5% уровне.

Оценка параметров модели была осуществлена в программе Stata с учетом весов. Предельные эффекты рассчитаны как среднее возможных предельных эффектов. Для ВВП в долларах США в качестве предельного эффекта рассчитано изменение доли относительно бедного населения относительно 1% изменения ВВП. Количество наблюдений – 264533. Псевдо R² составил 0.049.

Источник: собственные расчеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НА РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ И ЭЛАСТИЧНОСТЕЙ СПРОСА НА УСЛУГИ ЖКХ ПО ДОХОДУ И ПО ЦЕНЕ

Таблица 10. Панельные тесты Педрони на коинтеграцию (зависимая переменная – $rdrespc_t^c$, 1996–2014 гг.)

Альтернативная гипотеза: общие авторегрессионные коэффициенты (внутригрупповое значение)				
	Статистика	p-значение	Взвешенная статистика	p-значение
Панельная v -статистика	9.651	0.000	9.033	0.000
Панельная ρ -статистика	-0.701	0.242	-0.443	0.329
Панельная PP -статистика	-10.788	0.000	-9.117	0.000
Панельная ADF -статистика	-11.952	0.000	-9.717	0.000
Альтернативная гипотеза: индивидуальные авторегрессионные коэффициенты (межгрупповое значение)				
	Статистика	p-значение		
Групповая ρ -статистика	3.906	1.000		
Групповая PP -статистика	-11.616	0.000		
Групповая ADF -статистика	-11.695	0.000		

Примечания. Объясняющие переменные – rw_t , spi_t , l_t . Число наблюдений – 1900, сбалансированная панель (100 перцентилей за 19 лет). H_0 : коинтеграция отсутствует. Спецификация тестов предполагала детерминистические константы. Выбор длины лага осуществлялся автоматически на основе критерия Шварца при максимальной длине лага, определяемой автоматически исходя из числа наблюдений; выбор ширины окна осуществлялся методом Ньюи-Веста с использованием ядра Барлетта. Серым цветом выделены случаи, когда нулевая гипотеза об отсутствии коинтеграции отвергалась на 5% уровне значимости³⁹. Расчеты осуществлялись в EViews 9.

Таблица 11. Оценка долгосрочной связи между доходами населения и макроэкономическими показателями (зависимая переменная – $rdrespc_t^c$, 1996–2014 гг.)

Переменная	Коэффициент	t-статистика	p-значение
rw_t	0.919	181.642	0.000
spi_t	-0.009	-5.534	0.000
l_t	0.801	14.498	0.000

Примечания. Число наблюдений – 1800, сбалансированная панель (100 перцентилей за 18 лет). Метод оценки – полностью модифицированный МНК (панельная оценка). Спецификация предполагала детерминистические константы. Оценка долгосрочной ковариации осуществлялась методом Ньюи-Веста с фиксированной шириной окна с использованием ядра Барлетта. Расчеты осуществлялись в EViews 9.

³⁹ Нулевая гипотеза отвергается, если статистика имеет статистически значимое отрицательное значение; исключение составляет панельная v -статистика: в этом случае нулевая гипотеза отвергается, если статистика имеет статистически значимое положительное значение.

Таблица 12. Оценка долгосрочной связи между доходами населения и макроэкономическими показателями (зависимая переменная – $rdrespc_t^d$, 1996–2014 гг.)

	D1		D2		D3		D4		D5	
Перем.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.
rw_t	1.027	0.000	0.986	0.000	0.933	0.000	0.943	0.000	0.913	0.000
cri_t	-0.034	0.009	-0.023	0.026	--	--	--	--	--	--
l_t	--	--	--	--	--	--	--	--	0.632	0.026
<i>Тест Энгла-Грэйнджера на коинтеграцию (H0: коинтеграция отсутствует)</i>										
τ -стат.	-4.747	0.023	-6.155	0.002	-3.431	0.019	-3.734	0.012	-4.849	0.018
z -стат.	-52.856	0.000	-100.938	0.000	-12.732	0.039	-439.257	0.000	-19.934	0.022
	D6		D7		D8		D9		D10	
Перем.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.
rw_t	0.914	0.000	0.904	0.000	0.894	0.000	0.883	0.000	0.884	0.010
cri_t	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
l_t	0.786	0.002	0.996	0.000	1.160	0.000	1.327	0.000	1.608	0.205
<i>Тест Энгла-Грэйнджера на коинтеграцию (H0: коинтеграция отсутствует)</i>										
τ -стат.	-6.321	0.001	-5.949	0.003	-5.186	0.010	-5.125	0.011	-4.329	0.046
z -стат.	-23.481	0.003	-23.153	0.004	-21.584	0.010	-21.202	0.012	-18.536	0.034

Примечания. Число наблюдений – 18 (для каждого дециля). Метод оценки – полностью модифицированный МНК. Спецификация предполагала детерминистические константы (кроме D3 и D4), а также детерминистические фиктивные переменные: $t=2004$ для D1, $t=2009$ для D2, $t=2001$ и $t=2013$ для D4 и для D5, $t=2001$, $t=2012$ и $t=2013$ для D6, D7, D8 и D9, $t<1999$, $(t=2006)-(t=2007)$ и $(t>2010)*(t<2014)$ для D10. При тестировании на коинтеграцию длина лага выбиралась автоматически на основе информационного критерия Шварца. Расчеты осуществлялись в EViews 9.

Таблица 13. Панельные тесты Педрони на коинтеграцию (зависимая переменная – $rehirc_t^c$, 1996–2014 гг.)

Сельская местность (объясняющие переменные – $rdrespc_t^c, upi_t$)				
Альтернативная гипотеза: общие авторегрессионные коэффициенты (внутригрупповое значение)				
	Статистика	<i>p</i>-значение	Взвешенная статистика	<i>p</i>-значение
Панельная <i>v</i> -статистика	3.242	0.001	-2.314	0.990
Панельная ρ -статистика	-11.320	0.000	-9.747	0.000
Панельная <i>PP</i> -статистика	-27.382	0.000	-25.225	0.000
Панельная <i>ADF</i> -статистика	-15.577	0.000	-16.418	0.000
Альтернативная гипотеза: индивидуальные авторегрессионные коэффициенты (межгрупповое значение)				
	Статистика	<i>p</i>-значение		
Групповая ρ -статистика	-6.924	0.000		
Групповая <i>PP</i> -статистика	-35.526	0.000		
Групповая <i>ADF</i> -статистика	-17.306	0.000		
Городская местность (объясняющие переменные – $rdrespc_t^c, upi_t, upi_t$)				
Альтернативная гипотеза: общие авторегрессионные коэффициенты (внутригрупповое значение)				
	Статистика	<i>p</i>-значение	Взвешенная статистика	<i>p</i>-значение
Панельная <i>v</i> -статистика	3.266	0.001	-2.494	0.994
Панельная ρ -статистика	-7.215	0.000	-5.526	0.000
Панельная <i>PP</i> -статистика	-37.868	0.000	-38.750	0.000
Панельная <i>ADF</i> -статистика	-16.460	0.000	-18.743	0.000
Альтернативная гипотеза: индивидуальные авторегрессионные коэффициенты (межгрупповое значение)				
	Статистика	<i>p</i>-значение		
Групповая ρ -статистика	-3.244	0.001		
Групповая <i>PP</i> -статистика	-59.386	0.000		
Групповая <i>ADF</i> -статистика	-19.213	0.000		

Примечания. Число наблюдений – 1900, сбалансированная панель (100 перцентилей за 19 лет). H_0 : коинтеграция отсутствует. Спецификация тестов предполагала детерминистические константы. Выбор длины лага осуществлялся автоматически на основе критерия Шварца при максимальной длине лага, определяемой автоматически исходя из числа наблюдений; выбор ширины окна осуществлялся методом Ньюи-Веста с использованием ядра Барлетта. Серым цветом выделены случаи, когда нулевая гипотеза об отсутствии коинтеграции отвергалась на 5% уровне значимости⁴⁰. Расчеты осуществлялись в EViews 9.

⁴⁰ Нулевая гипотеза отвергается, если статистика имеет статистически значимое отрицательное значение; исключение составляет панельная *v*-статистика: в этом случае нулевая гипотеза отвергается, если статистика имеет статистически значимое положительное значение.

Таблица 14. Оценка долгосрочной связи между потреблением коммунальных услуг, доходами населения и индексами цен (зависимая переменная – $rdehupc_t^c$, 1996–2014 гг.)

Переменная	Коэффициент	<i>t</i> -статистика	<i>p</i> -значение
Сельская местность			
$rdrespc_t^c$	0.693	25.036	0.000
$nupi_t$	0.044	4.653	0.000
Городская местность			
$rdrespc_t^c$	0.325	18.262	0.000
$nupi_t$	-0.100	-12.148	0.000
$nupi_t$	0.139	12.844	0.000

Примечания. Число наблюдений – 1800, сбалансированная панель (100 перцентилей за 18 лет). Метод оценки – полностью модифицированный МНК (панельная оценка). Спецификация предполагала детерминистические константы. Оценка долгосрочной ковариации осуществлялась методом Ньюи-Веста с фиксированной шириной окна с использованием ядра Барлетта. Расчеты осуществлялись в EViews 9.

Таблица 15. Оценка долгосрочной связи между потреблением коммунальных услуг, доходами населения и индексами цен (зависимая переменная – $rehurc_t^d$, 1996–2014 гг.)

Сельская местность										
	D1		D2		D3		D4		D5	
Перем.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.
$rdrespc_t^c$	0.545	0.000	0.382	0.000	0.793	0.000	0.796	0.000	0.791	0.000
$upit$	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
$nupit$	--	--	0.073	0.000	--	--	--	--	--	--
<i>Тест Энгла-Грэйнджера на коинтеграцию (H0: коинтеграция отсутствует)</i>										
τ -стат.	-3.914	0.034	-7.289	0.000	-6.203	0.000	-7.487	0.000	-3.825	0.008
z -стат.	-16.599	0.029	-27.018	0.000	-16.254	0.009	-25.906	0.000	-15.784	0.012
	D6		D7		D8		D9		D10	
Перем.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.
$rdrespc_t^c$	0.794	0.000	0.788	0.000	0.792	0.000	0.793	0.000	1.117	0.040
$upit$	--	--	-0.044	0.006	--	--	--	--	--	--
$nupit$	--	--	--	--	0.025	0.003	0.026	0.040	--	--
<i>Тест Энгла-Грэйнджера на коинтеграцию (H0: коинтеграция отсутствует)</i>										
τ -стат.	-4.141	0.004	-4.481	0.010	-5.171	0.003	-3.911	0.029	-3.883	0.036
z -стат.	-16.042	0.010	-20.041	0.007	-21.922	0.003	-16.672	0.033	-16.628	0.028
Городская местность										
	D1		D2		D3		D4		D5	
Перем.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.
$rdrespc_t^c$	0.128	0.021	0.168	0.001	0.177	0.000	0.251	0.000	0.361	0.000
$upit$	-0.148	0.000	-0.094	0.000	-0.049	0.011	-0.082	0.001	-0.136	0.000
$nupit$	0.219	0.000	0.148	0.000	0.098	0.001	0.120	0.001	0.177	0.000
<i>Тест Энгла-Грэйнджера на коинтеграцию (H0: коинтеграция отсутствует)</i>										
τ -стат.	-5.057	0.032	-5.280	0.022	-5.588	0.014	-6.361	0.004	-7.192	0.001
z -стат.	-21.801	0.024	-22.295	0.019	-25.769	0.002	-24.817	0.004	-25.421	0.003
	D6		D7		D8		D9		D10	
Перем.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.	Коэфф.	p-знач.
$rdrespc_t^c$	0.338	0.000	0.401	0.000	0.523	0.000	0.489	0.000	0.812	0.001
$upit$	-0.071	0.004	-0.068	0.021	-0.135	0.000	-0.091	0.005	-0.220	0.023
$nupit$	0.107	0.001	0.070	0.058	0.146	0.001	0.101	0.013	0.209	0.033
<i>Тест Энгла-Грэйнджера на коинтеграцию (H0: коинтеграция отсутствует)</i>										
τ -стат.	-6.148	0.006	-8.157	0.000	-5.276	0.022	-5.600	0.013	-9.647	0.000
z -стат.	-22.990	0.013	-28.539	0.000	-22.118	0.020	-23.176	0.012	-30.381	0.000

Примечания. Число наблюдений – 18 (для каждого дециля). Метод оценки – полностью модифицированный МНК. Спецификация предполагала:

- для сельской местности: детерминистические константы (D1, D2 и D10) и детерминистические фиктивные переменные – $(t > 2000) * (t < 2004)$ и $(t > 2011)$ для D1, $(t > 2000) * (t < 2005)$ и $(t > 2010)$ для D2, $(t = 1998)$ и $(t > 2000) * (t < 2004)$ для D3, $(t > 2004) * (t < 2011)$ для D4 и D5, $(t > 1997) * (t < 2001)$ для D6, $(t < 2001)$ и $(t > 2010)$ для D7, $(t > 2010) * (t < 2014)$ для D8, $(t > 1998) * (t < 2001)$ и $(t > 2010) * (t < 2013)$ для D9;
- для городской местности: детерминистические константы (кроме D10) и детерминистические фиктивные переменные – $(t = 2008)$ для D3, $(t = 2012)$ для D4, $(t = 2012)$ и $(T = 2013) - (T = 2014)$ для D6 и D7, $(t = 2014)$ для D10.

При тестировании на коинтеграцию длина лага выбиралась автоматически на основе информационного критерия Шварца. Расчеты осуществлялись в EViews 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ НЕЗАНЯТОСТИ

Анализ вероятности быть незанятым и факторов, ее определяющих, был проведен с помощью пробит-модели на основании данных выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни за 1996–2014 гг. Данное обследование не ориентировано на изучение рынка труда, поэтому полученные результаты не могут в полной мере отразить причины, которые ведут к потере занятости населением. Тем не менее, они могут выявить группы риска, которые с большей вероятностью, чем население в среднем, могут столкнуться с безработицей.

Объясняемой переменной в модели выступает незанятость человека в трудоспособном возрасте, которая подразумевает как безработицу, так и то, что человек экономически неактивен⁴¹. Отдельно анализировать вероятность безработицы невозможно, так как соответствующие данные не публиковались на протяжении всего рассматриваемого периода. В общем виде оцениваемая модель имела вид:

$$\text{prob}(nem_i = 1) = f(\beta_1 \text{reg}_i + \beta_2 \text{edu}_i + \beta_3 \text{age_sex}_i + \beta_4 \text{chl}_i + \beta_5 \text{nchl}_i + \beta_6 \text{gdp}),$$

где nem – бинарная переменная, принимающая значение 1 в случае, когда человек в трудоспособном возрасте незанят, reg – область, в которой проживает человек в разбивке на сельскую и городскую местность, edu – уровень образования, age_sex – принадлежность к половозрастной группе, chl – число детей в домохозяйстве, в котором проживает человек, $nchl$ – число людей в домохозяйстве за вычетом детей, gdp – логарифмированный уровень ВВП в ценах 2009 г. Все объясняющие переменные за исключением числа детей и других участников домохозяйства, а также реального ВВП являются бинарными.

Результаты оценки модели представлены в Таблица 16. Полученные результаты показывают, что доля незанятого населения в трудоспособном возрасте снижалась под воздействием экономического роста, что соответствует ожиданиям и результатам, ранее полученным в разделе 2.2.

Риск незанятости ощутимо выше в сельской местности, чем в городской. Исключения составляют Гродненская и Минская области, где риск незанятости в городах выше, чем на селе. В случае сельской местности Минской области вероятность быть незанятым статистически не отличается от соответствующей вероятности в г. Минске, где наблюдается самая высокая экономическая активность. Наибольшая вероятность быть незанятым у жителей сельской местности Брестской, Гомельской и Витебской областей.

Вероятность быть незанятым имеет обратную обратно пропорциональную зависимость от возраста человека. Наибольший риск быть незанятым характерен молодежи до 25 лет (вероятность незанятости среди них на 8% выше, чем у мужчин в возрасте от 35 до 40 лет), а наименьший – людям в предпенсионном возрасте. У женщин вероятность быть незанятыми в среднем выше, чем у мужчин. Однако различие наблюдается только в возрастных группах от 25 до 35 лет. В более старшем возрасте различия исчезают, что связано со снижением вероятности выхода женщины в декретный отпуск.

Получение высшего образования существенно снижает вероятность быть незанятым (на 11.7% относительно людей со средним общим образованием). Получение среднего специального образования также уменьшает риск быть незанятым относительно более низкого уровня образования. Трудовая активность людей с профессионально-техническим образованием оказывается ниже, чем у людей с низким уровнем образования (незаконченным средним), а самая низкая – у людей со средним общим образованием. Они зачастую предпочитают ведение домашнего хозяйства занятости.

Увеличение размера домохозяйства за счет людей в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста ведет к увеличению вероятности быть незанятым у

⁴¹ В отличие от определения незанятых, представленного в примечании к Рис. 12, в их число не были включены студенты.

его участников. С одной стороны, это объясняется большими усилиями по ведению домохозяйства, а с другой – наличием эффекта от масштаба в потреблении и возможностью положиться на доходы других участников домохозяйства в случае потери занятости. Увеличение же числа детей, напротив, ведет к большей вероятности занятости среди трудоспособных участников домохозяйства. Это подчеркивает важность трудоустройства матерей после выхода из декретного отпуска для обеспечения достойного уровня жизни семьи, воспитывающих детей.

Таблица 16. Параметры регрессии, описывающей вероятность незанятости

	Коэффициент регрессии	Предельный эффект	95% Доверительный интервал	
			-2.5%	+2.5%
Константа	0.574	0.119	0.117	0.120
gdp	-0.155	-0.029	-0.033	-0.024
hrodna _{rural}	0.148	0.027	0.019	0.036
hrodna _{urban}	0.203	0.038	0.030	0.045
bre _{turban}	0.238	0.044	0.037	0.051
bre _{t_{rural}}	0.299	0.055	0.048	0.063
viciebsk _{rural}	0.282	0.052	0.044	0.060
viciebsk _{urban}	0.241	0.045	0.037	0.052
homi _{elurban}	0.214	0.040	0.033	0.046
homi _{el_{rural}}	0.286	0.053	0.045	0.061
mahiliou _{rural}	0.222	0.041	0.031	0.051
mahiliou _{urban}	0.188	0.035	0.027	0.042
minskreg _{urban}	0.076	0.014	0.006	0.022
minskreg _{rural} **	0.010	0.002	-0.006	0.010
age18_25 male	0.410	0.076	0.067	0.085
age18_25 female	0.431	0.080	0.071	0.088
age25_30 male	0.217	0.040	0.030	0.050
age25_30 female	0.297	0.055	0.045	0.064
age30_35 male	0.095	0.018	0.008	0.027
age30_35 female	0.175	0.032	0.023	0.042
age35_40 female*	0.060	0.011	0.002	0.021
age40_45 male	-0.075	-0.014	-0.024	-0.004
age40_45 female	-0.117	-0.022	-0.032	-0.012
age45_50 male	-0.106	-0.020	-0.030	-0.009
age45_50 female	-0.111	-0.020	-0.031	-0.010
age50_55 male	-0.151	-0.028	-0.039	-0.017
age50_55 female	-0.183	-0.034	-0.044	-0.023
age55_60 male	-0.243	-0.045	-0.057	-0.033
edu _{high}	-0.634	-0.117	-0.123	-0.111
edu _{ss}	-0.457	-0.084	-0.089	-0.080
edu _{voc}	-0.310	-0.057	-0.062	-0.053
edu _{low}	-0.395	-0.073	-0.080	-0.066
chl*	-0.015	-0.003	-0.005	-0.001
nchl	0.025	0.005	0.003	0.006

Примечание. Оценка параметров модели была осуществлена в программе Stata с учетом весов. Пропущенными переменными были жители Минска, мужчины в возрасте 35–40 лет, люди со средним общим образованием. Предельные эффекты рассчитаны как среднее значение возможных предельных эффектов. Для реального ВВП полученный предельный эффект означает, что увеличение реального ВВП на 1% ведет к сокращению незанятости на 0.015%. Значение предельного значения константы соответствует средней доли незанятых среди населения в трудоспособном возрасте в период 1996–2014 гг. Количество наблюдений – 146933. Псевдо R² составил 0.071.

** не значим на 5% уровне, * не значим на 1% уровне.

Источник: собственные расчеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Таблица 17. Влияние на благосостояние различных социальных групп экономического кризиса согласно сценарию, представленному в разделе 2.2

	2015	95% доверительный интервал		2016	95% доверительный интервал	
		-2.50%	+2.50%		-2.50%	+2.50%
По возрасту:						
Дети (0–17)	-4.626	-4.652	-4.600	-9.851	-9.896	-9.806
18–64	-4.917	-4.934	-4.900	-10.304	-10.333	-10.275
65+	-4.764	-4.796	-4.732	-10.019	-10.074	-9.964
По полу (взрослые):						
Женщины	-4.837	-4.854	-4.819	-10.171	-10.201	-10.141
Мужчины	-4.838	-4.858	-4.818	-10.177	-10.211	-10.142
По трудовому статусу:						
пенсионеры	-4.726	-4.752	-4.699	-9.960	-10.006	-9.915
студенты	-4.805	-4.877	-4.733	-10.121	-10.244	-9.998
занятые	-4.971	-4.991	-4.952	-10.393	-10.426	-10.361
неработающие	-4.707	-4.757	-4.656	-9.994	-10.081	-9.907
По типу домохозяйства:						
16–64, одинокие	-5.266	-5.313	-5.220	-10.879	-10.959	-10.799
65+, одинокие	-4.733	-4.783	-4.682	-9.957	-10.044	-9.871
одинокие родители	-4.683	-4.731	-4.635	-9.955	-10.037	-9.874
По месту проживания:						
г. Минск	-5.130	-5.166	-5.094	-10.642	-10.704	-10.581
Большие города	-4.800	-4.823	-4.777	-10.110	-10.150	-10.069
Малые города	-4.769	-4.793	-4.744	-10.059	-10.102	-10.016
Сельская местность	-4.718	-4.738	-4.697	-9.990	-10.025	-9.955
Область (кроме г. Минска):						
Брестская	-4.749	-4.778	-4.721	-10.037	-10.085	-9.988
Витебская	-4.792	-4.824	-4.760	-10.099	-10.154	-10.045
Гомельская	-4.726	-4.755	-4.697	-9.993	-10.043	-9.942
Гродненская	-4.755	-4.791	-4.720	-10.033	-10.095	-9.972
Минская	-4.859	-4.898	-4.821	-10.206	-10.272	-10.140
Могилевская	-4.694	-4.726	-4.663	-9.955	-10.010	-9.900
Образование						
высшее	-5.147	-5.176	-5.118	-10.674	-10.724	-10.624
среднее специальное	-4.868	-4.896	-4.841	-10.212	-10.260	-10.164
профессиональное	-4.791	-4.827	-4.754	-10.100	-10.162	-10.037
среднее общее	-4.793	-4.824	-4.763	-10.102	-10.154	-10.049
низкий уровень образования	-4.653	-4.699	-4.607	-9.864	-9.943	-9.786

Источник: собственные расчеты.

Таблица 18. Влияние на благосостояние различных социальных групп повышения тарифов на услуги ЖКХ согласно сценарию, представленному в разделе 2.3

	Изменение располагаемых ресурсов	95% доверительный интервал		Уровень абсолютной бедности после роста тарифов	95% доверительный интервал для исходного уровня абсолютной бедности	
		-2.50%	+2.50%		-2.50%	+2.50%
По возрасту:						
Дети (0–17)	-1.654	-1.614	-1.693	10.401	8.410	10.763
18–64	-1.736	-1.710	-1.762	4.974	4.155	5.194
65+	-1.968	-1.907	-2.029	1.624	0.763	2.195
По полу (взрослые):						
Женщины	-1.817	-1.788	-1.846	5.292	4.385	5.474
Мужчины	-1.670	-1.640	-1.700	5.910	4.827	6.191
По трудовому статусу:						
пенсионеры	-2.024	-1.973	-2.075	2.092	1.342	2.585
студенты	-1.727	-1.594	-1.861	5.527	3.173	7.093
занятые	-1.678	-1.650	-1.705	4.613	3.756	4.895
неработающие	-1.810	-1.717	-1.903	12.378	8.921	14.572
По типу домохозяйства:						
16–64, одинокие	-2.293	-2.192	-2.395	6.174	4.250	8.098
65+, одинокие	-2.404	-2.294	-2.513	1.035	0.279	1.790
одинокие родители	-2.050	-1.952	-2.149	16.479	12.906	17.993
По месту проживания:						
г. Минск	-1.651	-1.598	-1.705	1.248	0.791	1.705
Большие города	-1.874	-1.835	-1.913	6.227	4.554	6.286
Малые города	-1.755	-1.714	-1.797	5.437	4.424	6.129
Сельская местность	-1.673	-1.640	-1.706	8.111	6.903	8.734
Область (кроме г. Минска):						
Брестская	-1.949	-1.893	-2.005	7.064	5.494	7.752
Витебская	-1.692	-1.642	-1.742	7.436	5.998	8.873
Гомельская	-1.754	-1.702	-1.807	6.476	5.105	7.017
Гродненская	-1.709	-1.657	-1.761	5.871	3.728	6.738
Минская	-1.658	-1.604	-1.713	3.934	2.283	4.051
Могилевская	-1.913	-1.855	-1.972	9.615	7.260	10.841
Образование						
высшее	-1.758	-1.702	-1.814	1.414	0.878	1.949
среднее специальное	-1.780	-1.739	-1.821	3.899	2.952	4.417
профессиональное	-1.724	-1.673	-1.776	7.815	5.743	8.790
среднее общее	-1.870	-1.815	-1.925	5.721	4.065	6.312
низкий уровень образования	-1.688	-1.612	-1.764	5.426	3.806	6.870

Источник: собственные расчеты.

Таблица 19. Влияние на уровень абсолютной бедности различных социальных групп структурных изменений в экономике и повышения пенсионного возраста согласно сценариям, представленным в разделах 2.4 и 2.5

	Уровень абсолютной бедности при структурных изменениях	95% доверительный интервал для исходного уровня абсолютной бедности		Уровень абсолютной бедности при повышении пенсионного возраста	95% доверительный интервал для уровня абсолютной бедности при структурных изменениях в экономике	
		-2.50%	+2.50%		-2.50%	+2.50%
По возрасту:						
Дети (0-17)	11.338	8.410	10.763	11.551	10.097	12.580
18-64	6.212	4.155	5.194	6.671	5.639	6.784
65+	1.717	0.763	2.195	1.893	0.970	2.463
По полу (взрослые):						
Женщины	6.161	4.385	5.474	6.507	5.570	6.751
Мужчины	7.111	4.827	6.191	7.512	6.370	7.851
По трудовому статусу:						
пенсионеры	2.266	1.342	2.585	2.745	1.614	2.918
студенты	6.676	3.173	7.093	6.676	4.420	8.931
занятые	5.934	3.756	4.895	6.315	5.302	6.566
неработающие	14.075	8.921	14.572	14.621	11.093	17.056
По типу домохозяйства:						
16-64, одинокие	6.854	4.250	8.098	7.298	4.864	8.844
65+, одинокие	1.035	0.279	1.790	1.035	0.279	1.790
одинокие родители	15.450	12.906	17.993	15.450	12.906	17.993
По месту проживания:						
г. Минск	1.248	0.791	1.705	2.120	0.791	1.705
Большие города	6.123	4.554	6.286	6.558	5.217	7.029
Малые города	5.597	4.424	6.129	5.648	4.725	6.468
Сельская местность	12.072	6.903	8.734	12.234	10.999	13.145
Область (кроме г. Минска):						
Брестская	10.856	5.494	7.752	11.647	9.438	12.275
Витебская	9.972	5.998	8.873	10.301	8.427	11.517
Гомельская	8.805	5.105	7.017	8.984	7.661	9.949
Гродненская	5.332	3.728	6.738	5.332	3.822	6.842
Минская	3.167	2.283	4.051	3.167	2.283	4.051
Могилевская	9.190	7.260	10.841	9.289	7.394	10.985
Образование						
высшее	1.619	0.878	1.949	1.703	1.058	2.179
среднее специальное	4.202	2.952	4.417	4.501	3.441	4.963
профессиональное	8.290	5.743	8.790	8.334	6.703	9.877
среднее общее	9.308	4.065	6.312	10.529	7.943	10.673
низкий уровень образования	6.480	3.806	6.870	6.926	4.780	8.180

Источник: собственные расчеты.

Таблица 20. Влияние на уровень абсолютной бедности различных социальных групп денежных трансфертов и льгот

	Уровень абсолютной бедности при отсутствии денежных трансфертов	Уровень абсолютной бедности при отсутствии льгот	95% доверительный интервал для исходного уровня абсолютной бедности	
			-2.50%	+2.50%
По возрасту:				
Дети (0-17)	18.483	10.093	8.410	10.763
18-64	7.742	4.862	4.155	5.194
65+	1.612	1.479	0.763	2.195
По полу (взрослые):				
Женщины	8.566	5.132	4.385	5.474
Мужчины	9.505	5.761	4.827	6.191
По трудовому статусу:				
пенсионеры	2.706	2.095	1.342	2.585
студенты	7.675	5.133	3.173	7.093
занятые	7.274	4.482	3.756	4.895
неработающие	16.896	12.227	8.921	14.572
По типу домохозяйства:				
16-64, одинокие	6.284	6.174	4.250	8.098
65+, одинокие	1.035	1.035	0.279	1.790
одинокие родители	21.123	15.930	12.906	17.993
По месту проживания:				
г. Минск	2.267	1.248	0.791	1.705
Большие города	9.059	5.714	4.554	6.286
Малые города	10.994	5.630	4.424	6.129
Сельская местность	12.351	8.015	6.903	8.734
Область (кроме г. Минска):				
Брестская	11.991	6.764	5.494	7.752
Витебская	12.064	7.436	5.998	8.873
Гомельская	9.393	7.022	5.105	7.017
Гродненская	11.291	5.482	3.728	6.738
Минская	7.140	3.308	2.283	4.051
Могилевская	12.757	9.133	7.260	10.841
Образование				
высшее	2.812	1.414	0.878	1.949
среднее специальное	6.487	3.836	2.952	4.417
профессиональное	10.384	7.447	5.743	8.790
среднее общее	8.431	5.463	4.065	6.312
низкий уровень образования	6.830	5.595	3.806	6.870

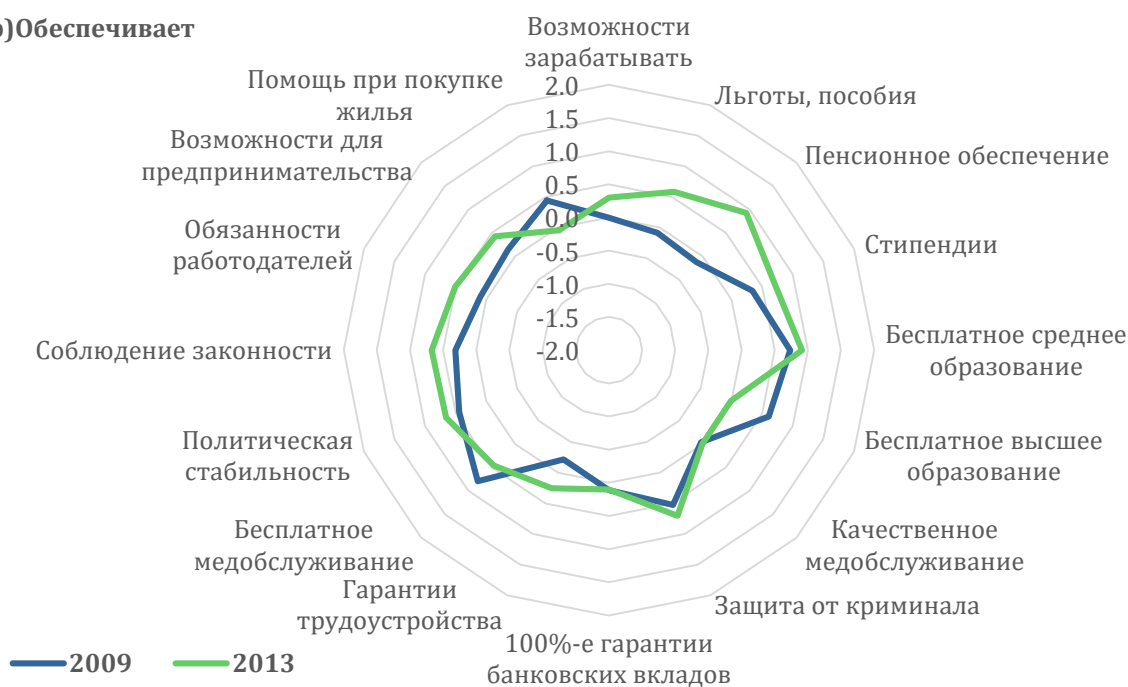
Источник: собственные расчеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. ИЗМЕНЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ РОЛИ И ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА НАСЕЛЕНИЕМ (СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА) В 2013 Г. ПО СРАВНЕНИЮ С 2009 Г.

(а) Должно

(б) Обеспечивает

Сокращенные подписи категорий: возможности зарабатывать – предоставление возможностей зарабатывать; льготы, пособия – обеспечение льгот, пособий; стипендии – выплата стипендий; бесплатное среднее образование – обеспечение бесплатного среднего образования; бесплатное высшее образование – обеспечение бесплатного высшего образования; качественное медобслуживание – обеспечение качественного медицинского обслуживания; 100%-е гарантии банковских вкладов – обеспечение 100%-х гарантий банковских вкладов; бесплатное медобслуживание – обеспечение бесплатного медицинского обслуживания; политическая стабильность – обеспечение политической стабильности; соблюдение законности – гарантии соблюдения законности, чтобы в случае проблем их можно было решать через суд; обязанности работодателей – обеспечение соблюдения работодателями обязанностей перед работниками; возможности для предпринимательства – обеспечение возможностей для предпринимательской деятельности; помощь при покупке жилья – помощь при покупке жилья, предоставление льготных кредитов.

Источник: собственные расчеты на основе данных Белорусского института стратегических исследований.